

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОСОФИЯ ПСИХОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOSOPHY and PSYCHOLOGY

Издается с 2007 г.
(до 2017 г. – под названием
«Философия и социальные науки»)

Выходит три раза в год

3

2024

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	РУБАНОВ А. В. – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: rubanov.bsu@gmail.com
Заместители главного редактора	ЛЕГЧИЛИН А. А. – кандидат философских наук, доцент; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: liahchylin@bsu.by ФУРМАНОВ И. А. – доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой психологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: fourmigor@gmail.com
Ответственный секретарь	ДОБРОРОДНИЙ Д. Г. – кандидат философских наук, доцент; директор Института социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета, Минск, Беларусь. E-mail: danila_dobr@mail.ru
<i>Агилера М.</i>	Малагский университет, Малага, Испания.
<i>Андриющенко В. П.</i>	Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова, Киев, Украина.
<i>Бабосов Е. М.</i>	Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
<i>Безнюк Д. К.</i>	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
<i>Водопьянов П. А.</i>	Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь.
<i>Вольферт П.</i>	Билефельдский университет прикладных наук, Билефельд, Германия.
<i>Гигин В. Ф.</i>	Национальная библиотека Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
<i>Го Шухун</i>	Даляньский политехнический университет, Далянь, Китай.
<i>Данилов А. Н.</i>	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
<i>Журавлев А. Л.</i>	Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия.
<i>Зеленков А. И.</i>	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
<i>Иванич П.</i>	Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
<i>Карамушка Л. Н.</i>	Институт психологии им. Г. С. Костюка Национальной академии педагогических наук Украины, Киев, Украина.
<i>Кирвель Ч. С.</i>	Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
<i>Козловский В. В.</i>	Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
<i>Королева И.</i>	Институт философии и социологии Латвийского университета, Рига, Латвия.
<i>Купченко В. Е.</i>	Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия.
<i>Лазаревич А. А.</i>	Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
<i>Лаптёнов А. С.</i>	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
<i>Мазилов В. А.</i>	Ярославский государственный педагогический университет, Ярославль, Россия.
<i>Порус В. Н.</i>	Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
<i>Румянцева Т. Г.</i>	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
<i>Сайганова В. С.</i>	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
<i>Слепович Е. С.</i>	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
<i>Стелинговска Б.</i>	Естественно-гуманитарный университет, Седльце, Польша.
<i>Титаренко Л. Г.</i>	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
<i>Тощенко Ж. Т.</i>	Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
<i>Шатравский С. И.</i>	Институт теологии им. святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
<i>Якубовска В.</i>	Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
<i>Янчук В. А.</i>	Независимый исследователь, Минск, Беларусь.
<i>Яскевич Я. С.</i>	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	RUBANAU A. V. , doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: rubanov.bsu@gmail.com
Deputy editors-in-chief	LIAHCHYLIN A. A. , PhD (philosophy), docent; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: liahchylin@bsu.by FOURMANOV I. A. , doctor of science (psychology), full professor; head of the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: fourmigor@gmail.com
Executive secretary	DABRARODNI D. G. , PhD (philosophy), docent; director of the Institute of Social and Humanities Education, Belarus State Economic University, Minsk, Belarus. E-mail: danila_dobr@mail.ru

Aguilera M.	University of Malaga, Malaga, Spain.
Andryushchenko V. P.	National Pedagogical M. P. Dragomanov University, Kyiv, Ukraine.
Babosov E. M.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Beznyuk D. K.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Danilov A. N.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Hihin V. F.	National Library of Belarus, Minsk, Belarus.
Guo Shuhong	Dalian Polytechnic University, Dalian, China.
Ivanic P.	Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Jakubovská V.	Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Karamushka L. M.	N. S. Kostyuk Institute of Psychology of the National Academy of Educational Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Kirvel Ch. S.	Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
Koroleva I.	Institute of Philosophy and Sociology of the University of Latvia, Riga, Latvia.
Kozlovski V. V.	Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.
Kupchenko V. E.	Omsk F. M. Dostoevsky State University, Omsk, Russia.
Laptenok A. S.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Lazarevich A. A.	Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Mazilov V. A.	Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia.
Porus V. N.	National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia.
Rumyantseva T. G.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Saiganova V. S.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Shatrauski S. I.	Institute of Theology named after Sts. Methodius and Cyril of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Slepovich E. S.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Stelingowska B.	Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland.
Titarenko L. G.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T.	Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Vodopianov P. A.	Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus.
Wolfert P.	University of Applied Sciences, Bielefeld, Germany.
Yanchuk V. A.	Independent researcher, Minsk, Belarus.
Yaskevich Ya. S.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zhuravlev A. L.	Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Zelenkov A. I.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

HISTORY OF PHILOSOPHY

УДК 1(091)

МУДРОСТЬ ВОЛЬТЕРА

А. В. РУБАНОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассмотрены идеи Вольтера (Франсуа-Мари Аруэ) о человеке и его жизни. Выявлено, что в центре мышлений философа находится тезис о деятельном начале человека. Установлено, что в основе человеческих действий лежат потребности и страсти, в частности любовь человека к себе, являющаяся базой как личного существования человека, так и его взаимодействия с другими людьми. Отмечено, что смысл жизни для Вольтера заключается в истине, свободе и добродетели. Раскрыто представление философа о многообразном характере свободы человека, которая прежде всего означает способность изъявлять свою волю и действовать. Определено, что важнейшие принципы добродетельного поведения отражены в следующих афоризмах: «Не делай того, чего ты не хотел бы, чтобы причинили тебе»; «Если ты сомневаешься, воздержись от действия, как справедливого, так и несправедливого». Показано, что главную роль в сплочении людей мыслитель отдает социальной справедливости.

Ключевые слова: человек; страсти; потребности; разум; свобода; справедливость; мораль.

Образец цитирования:

Рубанов АВ. Мудрость Вольтера. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2024;3:4–9.
EDN: CDASTW

For citation:

Rubana AV. The wisdom of Voltaire. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2024;3: 4–9. Russian.
EDN: CDASTW

Автор:

Анатолий Владимирович Рубанов – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Anatoly V. Rubanau, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
rubanov.bsu@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-4821-1937>

THE WISDOM OF VOLTAIRE

A. V. RUBANAU^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The ideas of Voltaire (François-Marie Arouet) about person and his life are considered. It is revealed that in the centre of philosopher's reflections is the thesis that person is an active being. It is established that the person's actions are based on needs and passions, in particular person's love for himself, which is the basis of both personal existence of human and his interaction with other people. It is noted that the meaning of life for Voltaire consists in truth, freedom, and virtue. The philosopher's idea of the diverse nature of person freedom, which first of all means the ability to express one's will and act, is revealed. It is determined that the most important principles of virtuous behaviour are reflected in the following aphorisms: «Do not do what you would not like to be done to you»; «When in doubt, refrain from acting, fair or unfair». It is shown that the main role in uniting people the thinker gives to social justice.

Keywords: person; passions; needs; intelligence; liberty; justice; moral.

В центре размышлений Вольтера о человеке находится тезис о его деятельном начале. Такую природу человека мыслитель объясняет исходя из существования единого мирового разума – Бога, который является первопричиной мира и происходящего в нем движения. Вольтер пишет: «...в человеке содержится принцип действия. Но может ли этот принцип быть чем-то иным, а не приводом, первичной скрытой движущей силой, развивающейся под вечным воздействием воли первого принципа, столь же могущественного и настолько же доказанного, насколько он незрим, – принципа, который мы признали существенной причиной всей природы?» [1, с. 514]. Подкрепляя данную мысль, философ заключает: «Человек рожден для действия, подобно тому как огонь стремится ввысь, а камень падает вниз. Для человека быть лишенным занятия совершенно равнозначно тому, чтобы не существовать» [1, с. 205].

В основе деятельной природы людей лежат потребности и страсти, которым они обязаны «порядком и всеми полезными изобретениями» [1, с. 268]. Вольтер рассуждает: «...весьма вероятно, Бог дал... эти потребности и страсти для того, чтобы наша изобретательность обратила их к нашей выгоде. Если же многие люди ими злоупотребляют, то нам не следует сетовать на добро, которое люди обращают во зло» [1, с. 268].

Страстью, являющейся базой как личного существования человека, так и его взаимодействия с другими людьми, выступает любовь человека к себе: «Невозможно, чтобы какое-либо общество сформировалось и продолжало существовать без любви человека к себе... Именно наша любовь к самим себе помогает любви к другим; именно наши взаимные потребности делают нас полезными для человечества; это – основа любого обмена; это – извечное связующее звено между людьми. Без любви к себе не могло бы быть изобретено ни одно искусство или образовано общество хотя бы из десяти человек; именно эта лю-

бовь к себе, полученная каждым живым существом в удел от природы, подсказывает нам уважение к самолюбию других людей. Закон направляет эту любовь к себе, религия ее совершенствует» [1, с. 199]. Философ развивает свою мысль следующим образом: «Любовь к себе и все ее ответвления столь же необходимы человеку, сколь кровь, текущая в его жилах; те, кто желает лишить его страстей, ибо они опасны, похожи на того, кто стремится выпустить из человека всю кровь из опасения, что его может хватить удар» [1, с. 267].

Вольтер отмечает, что жизнь человека состоит в получении удовольствия и страдании [1, с. 510]. Своеобразную диалектику жизни он раскрывает на примере отношения к людским порокам, избавления от них: «Не доказано ли, напротив, опытом, что удовлетворение от обуздания пороков в сотни раз превышает удовольствие подпасть под их власть? И что это за удовольствие – вечно отравленное, ведущее к злополучию? Подавляя свои пороки, мы достигаем спокойствия, утешительного свидетельства собственной совести...» [1, с. 663].

Мыслитель дает емкую характеристику его деятельности: «Высшее проявление ума – это высшая справедливость, высшая утонченность высшая широта, диаметрально противоположные безумию.

Крайний недостаток ума – это недостаток понимания, отсутствие идей...» [1, с. 211]. В данном контексте следует упомянуть известный афоризм философа: «Торжество разума состоит в умении уживаться с людьми, оно не имеющими»¹. Описывая свой исследовательский метод, Вольтер отмечает: «...попытаюсь, исследуя человека, выйти прежде всего за пределы сферы человеческих интересов, отделаться от всех предрассудков воспитания, места рождения, и особенно от предрассудков философа» [1, с. 228].

В шестой главе работы «Метафизический трактат» мыслитель рассуждает, свободен ли человек.

¹Здесь и далее афоризмы приводятся из источника: Вольтер (Франсуа-Мари Аруэ) – цитаты // Цитаты.инфо : сайт. URL: <https://citaty.info/man/volter-fransua-mari-arue> (дата обращения: 24.07.2024).

Прежде всего он указывает на неоднозначность толкования понятия «свобода»: «Быть может, не существует вопроса более простого, чем вопрос о свободе воли; но нет и вопроса, по поводу которого люди бы больше путались. Затруднения, которыми философы усеяли эту почву, и дерзость, с которой они постоянно стремились вырвать у Бога его секрет и примирить его провидение со свободой воли, стали причиной того, что идея этой свободы была затемнена именно в силу стараний ее разъяснить. Люди настолько привыкли не произносить это слово без того, чтобы тотчас же не вспомнить обо всех сопровождающих его затруднениях, что теперь почти не понимают друг друга, когда поднимают вопрос, свободен ли человек» [1, с. 258]. Вольтер называет свободу спонтанностью. Ее основу он раскрывает следующим образом: «...когда у нас есть мотивы, они детерминируют нашу волю, причем мотивы эти являются конечным результатом действия нашего разума или инстинкта: так, когда мой разум представляет себе, что для меня лучше повиноваться закону, чем его нарушать, я повинуюсь закону со свободой, я добровольно делаю то, что меня обязывает делать веление моего разума» [1, с. 288]; «Лучше всего этот вид свободы постигается тогда, когда наша воля борется с нашими желаниями. Мной владеет неистовая страсть, но разум мой заключает, что я должен этой страсти противиться... <...> ...И я побеждаю свое желание с помощью моей воли; я повинуюсь этому приказу своего разума в силу необходимости, но добровольно...» [1, с. 288–289]. Описывая усилия, необходимые для достижения свободы, философ подчеркивает относительность получаемых результатов: «Мы укрепляем ее (свободу. – А. Р.), приучая себя к размышлениям, и это упражнение души делает ее несколько более сильной. Но какие бы мы ни совершали усилия, мы никогда не добьемся того, чтобы наш разум стал хозяином всех наших желаний; у нашей души, как и у нашего тела, всегда будут произвольные побуждения» [1, с. 262]. В итоге французский мыслитель говорит о том, что люди в разной степени обладают свободой: «...некоторые обладают ею в полной мере и прочно, другие часто ее утрачивают, иные болеют ее отсутствием всю свою жизнь» [1, с. 289].

В понимании Вольтера свобода имеет многогранный характер: «Изъявлять свою волю и действовать – это именно и означает иметь свободу» [1, с. 260]; «...он (человек. – А. Р.) может сам по себе принять решение поступить так, как ему кажется хорошим...» [1, с. 263]; «...делать то, что доставляет удовольствие, – значит быть свободным» [1, с. 264]. Различные стороны ее выражения раскрыты в афоризмах философа: «Свобода состоит в том, чтобы зависеть только от законов»; «Свобода – это не то, что вам дали. Это – то, что у вас нельзя отнять»; «Я никогда не соглашусь с вашими убеждениями, но отдам жизнь за то, чтобы вы могли их свободно высказывать».

Объяснение причин возникновения и существования общества мыслитель начинает в восьмой главе упомянутого трактата следующими словами: «Для того чтобы вселенная стала такой, какой она является ныне, достаточно было, чтобы мужчина полюбил женщину. Их взаимная друг о друге забота и естественная любовь к своим детям должны были тотчас же разбудить их трудолюбие и дать начало примитивным росткам искусств. Две семьи, как только они образовались, должны были испытывать друг в друге потребность, а из этих потребностей рождались новые удобства».

Человек не походит на других животных, имеющих лишь инстинкт любви к себе и соития; он обладает... любовью к себе, необходимой для самосохранения... для его вида характерна и естественная благожелательность...» [1, с. 265–266].

В девятой главе трактата, имеющей название «О добродетели и пороках», Вольтер рассуждает о нравственных основаниях жизни общества. Сущность добродетели толкуется им достаточно однозначно: «...в любом обществе именуют добродетелью поведение, считающееся полезным для общества» [1, с. 294]. Французский философ отмечает: «Благо общества столь несомненно является единственной мерой нравственного добра и зла, что мы вынуждены бываем... изменять все наши идеи, созданные нами себе относительно справедливого и несправедливого» [1 с. 270]. По его мнению, такое понимание добродетели, как разведение морального добра и зла, универсально, т. е. присуще всем народам во все времена. Вольтер конкретизирует этот тезис, вводя понятие «естественные законы»: «...представляется, что добрые дела – не что иное, как дела, из которых мы извлекаем для себя преимущество, преступление же – дела, нам противопоказанные. <...>

Хотя именуемое добродетелью в одном климате бывает именно тем, что называют пороком в другом, и большинство правил о добре и зле различаются между собой так же, как языки и одежда, тем не менее мне представляется несомненным, что существуют естественные законы, с которыми люди всего мира должны быть согласны, вопреки тем законам, что у них есть» [1, с. 269]. Так, помимо морали, фундаментом любого общества выступают законы: «Для того чтобы общество существовало, нужны... законы, подобно тому как любая игра нуждается в правилах. Большинство законов имеет видимость произвольных: они зависят от интересов, страстей и мнений тех, кто их придумал, и от характера климата местностей, где люди объединились в общество» [1, с. 268]. Именно через призму законов рассматриваются понятия морального добра и зла: «...все эти народы... называют добродетельным то, что соответствует учрежденным ими законам, и преступным то, что их нарушает» [1, с. 269]. Вольтер не скрывает критического отношения к за-

конодательным системам, но и в этом случае их соблюдение является для него неуклонным: «Большинство законов так явно себе противоречат, что мало имеет значения, какими именно законами управляется государство; но действительно большое значение имеет выполнение раз принятых законов» [1, с. 269].

Философ раскрывает содержание и других важных норм добродетельного поведения. Как замечает Б. Паскаль, «...гавань указывает путь тем, кто находится на корабле. Но где мы найдем такую опору в морали?» (цит. по [1, с. 214]). На этот вопрос Вольтер отвечает так: «В одном-единственном основоположении, принятом у всех народов: “Не причиняйте другому то, чего вы не хотели бы испытать сами”» [1, с. 214]. Данная мысль повторяется им не раз: «Голос, говорящий всем людям: “Не делай того, чего ты не хотел бы, чтобы причинили тебе”, всегда будет слышен от одного конца вселенной до другого» [1, с. 498]. Эту моральную максиму Вольтер дополняет другой, которая находит отражение в изречении Зороастра: «Если ты сомневаешься, воздержись от действия, как справедливого, так и несправедливого» (цит. по [1, с. 498]).

Мыслитель подчеркивает значимость такой нравственной нормы, как соблюдение верности данному слову: нет ни одной нации, «где было бы дозволено нарушать свое слово, ибо общество... немыслимо среди людей, похваляющихся тем, что они друг друга обманывают» [1, с. 270]. Кроме того, он считает недопустимым обман: «...в наших собственных интересах – не подвергаться обману. Мы связываем тем большее бесчестье с ложью, что из всех скверных поступков ее легче всего скрыть и наименьших усилий стоит ее предпринять; однако в сколь многих случаях ложь оказывается героической! Например, если речь идет о спасении друга, тот, кто в этом случае скажет правду, покроет себя позором; при этом мы не делаем никакого различия между человеком, оклеветавшим невинного, и братом, имеющим возможность спасти жизнь своему брату при помощи лжи, но предпочитающим его предать, говоря правду» [1, с. 271]. Также, по мнению философа, «стержнем общества» является чувство чести – всеобщее чувство, «от которого не могут отделаться самые развращенные люди...» [1, с. 274]. Важнейшую роль в формировании моральных устоев поведения играет и чувство гордости: «...Бог мудро одарил нас гордостью, для которой невыносимо, когда другие люди нас ненавидят и презирают; быть презируемым теми, вместе с кем мы живем, – этого никогда никто не мог и не сможет вынести. Быть может, это и есть самая сильная узда, накинута природой на человеческие несправедливости...» [1, с. 274]. Добродетелью, включающей в себя все остальные достоинства, Вольтер называет гуманность, которую прежде всего ассоциирует с сопереживанием и состраданием – истинным милосердием к людям [1, с. 295].

Однако позитивных нравственных основ для организации эффективной общественной жизни недостаточно. Французский мыслитель приходит к выводу о том, что «чувство сострадания и доброжелательства бывает часто задушено... неистовой любовью к себе... мудрая природа не должна была дать нам большую любовь к другим людям, чем к самим себе; достаточно уже и того, что нам свойственна та доброжелательность, которая настраивает нас на единение с другими людьми» [1, с. 266]. Но доброжелательность «...довольно слабо содействовала бы тому, чтобы заставить людей жить в обществе; она никогда не смогла бы послужить основанию великих империй и процветающих городов, если бы нам вдобавок не были свойственны великие страсти.

Страсти эти, злоупотребление которыми приносит поистине столько зла, в действительности являются первопричиной порядка, наблюдаемого нами сейчас на Земле. В особенности гордыня – главное орудие, с помощью которого было воздвигнуто прекрасное здание общества» [1, с. 266].

Своеобразную механику участия человеческих страстей в развитии общества философ разъясняет следующим образом: «Едва лишь настоятельные потребности объединили между собой несколько человек, как наиболее ловкие среди них поняли, что всем этим людям от рождения присуща непомерная гордость, равно как и непобедимая склонность к благополучию.

Нетрудно было убедить их в том, что, если они совершат для блага всего общества нечто стоившее бы им небольшой потери благополучия, гордость их была бы за это с избытком вознаграждена» [1, с. 266]. Вольтер делает особый акцент на роли страстей, когда говорит о том, что люди «...разделены на два класса: первый – люди божественные, жертвующие своим себялюбием благу общества; второй – подлый сброд, влюбленный лишь в самого себя; весь свет хотел и хочет в наше время принадлежать к первому классу, хотя весь свет в глубине души принадлежит ко второму... Страсть повелевать, являющаяся одним из ответвлений гордыни... возбудила людскую изобретательность, направленную на то, чтобы подчинить людей другим людям; оставалось лишь ясно показать им, что другие люди лучше умеют повелевать, чем они, и могут им быть полезны.

Особенно нужно было пользоваться их алчностью, дабы купить их повиновение. <...>

Механизм этот не получил бы столь сильного развития без содействия зависти, весьма естественной страсти, всегда маскируемой людьми именем “соревнование”. <...> Так, мало-помалу одни лишь страсти объединили людей и извлекли из недр земных все искусства и удовольствия» [1, с. 266–267].

Как утверждает мыслитель, важнейшее значение в сплочении людей и организации общественной жизни имеет социальная справедливость: «...никакое общество было бы немыслимо, если бы человек

не постиг хоть сколько-нибудь идею справедливости – связующего звена любого общества» [1, с. 354]. Раскрывая содержание данного понятия, он заключает, что идеи справедливости и несправедливости так же ясны, как «идеи здоровья и болезни, истины и лжи, пристойности и неприличия» [1, с. 357]. Вместе с тем Вольтер оговаривается, что между ними очень трудно установить границы: «Здесь есть стирающиеся нюансы, но резкие тона поражают все взоры. Например, все люди признают: надо возвращать то, что нам дали в долг; но если я знаю, что человек, которому я должен два миллиона, употребит их на то, чтобы поработить мою родину, должен ли я ему возвращать зловещее оружие? Мнения тут разделяются; вообще же я должен соблюдать данное мной обязательство, если из того не последует никакого зла: в этом никогда не сомневался ни один человек» [1, с. 357]. Воздействие идеи справедливости на поведение человека, в силу ее эмоциональной составляющей, носит неоднозначный характер, вплоть до того, что «в исступлении страсти очень часто совершаются несправедливости, ибо люди в опьянении этой страстью теряют разум; но, когда опьянение минует, разум возвращается к нам, и это... единственная причина, способствующая существованию человеческого общества, – причина, подчиненная нашей взаимной потребности друг в друге» [1, с. 362].

Особое внимание философ уделяет злоупотреблению идеей справедливости: «...истиной, одобряемой всем светом, что, как я вижу, все тягчайшие преступления, поражающие человеческое общество, совершались под ее лживым предлогом. Величайшее преступление или, по крайней мере, наиболее разрушительное, а потому и наиболее противное целям природы – война; но нет такого агрессора, который не прикрывал бы это злодеяние вывеской справедливости» [1, с. 356].

Своеобразный итог анализу структурных элементов, которые делают возможным существование общества, Вольтер подводит следующей фразой: «...его (Бога. – А. Р.) дары – разум, любовь к самому себе, доброжелательство к особям нашего вида, потребности, страсти суть средства, с помощью коих мы учредили общество» [1, с. 272].

Давая обобщенную характеристику людей, мыслитель подчеркивает многообразие и одновременную схожесть их главных качеств: «...все люди обладают одними и теми же страстями, одной и той же приверженностью к свободе, поскольку почти каждый человек являет собой сочетание гордости, алчности, корысти, великой склонности к сладкой жизни и беспокойства...» [1, с. 470]. Человек «...причастен добру и злу, удовольствию и страданию. Он наделен страстями, чтобы действовать, и разумом, чтобы управлять своими поступками» [1, с. 193].

Говоря об отношении человека к ценности жизни, Вольтер отмечает: «Жизнь наша – благодеяние, ибо мы все ее любим, какой бы злополучной она ни ока-

залась» [1, с. 377–378]. Его представления о смысле жизни лучше всего воплощены в известном афоризме: «Истина, свобода и добродетель – вот единственное, ради чего нужно любить жизнь». Подобная мысль прослеживается и в заключительных словах философской повести «Кандид, или Оптимизм»: «...работа отгоняет от нас три великих зла: скуку, порок и нужду» [2, с. 488]; «...надо возделывать наш сад» [2, с. 489].

Философ особо отмечает смыслоутверждающую роль такого жизненного экзистенциала, как надежда: «Нам надлежит... поблагодарить творца природы за то, что он вложил в нас этот инстинкт, устремляющий нас непрестанно к будущему. *Надежда* эта – самое драгоценное сокровище человека, смягчающее наши печали и в самом обладании сиюминутными наслаждениями рисуящее нам наслаждения будущие. Если бы люди имели великое несчастье быть занятыми лишь настоящим, они не сеяли бы, не воздвигали бы здания, не сажали деревьев и ничего бы не предусматривали: упоенные этим ложным наслаждением, они были бы лишены всего» [1, с. 204].

Другие аспекты понимания целевых установок человека выражены в следующих афоризмах: «Человек должен мечтать, чтобы видеть смысл жизни»; «Смотреть в будущее лучше, чем мечтать о прошлом»; «Мы никогда не живем, мы лишь надеемся, что будем жить»; «Пользуйтесь, но не злоупотребляйте – таково правило мудрости. Ни воздержание, ни излишества не дают счастья». Известны афоризмы Вольтера, касающиеся разумной стратегии и тактики жизни: «Страсти – это ветры, надувающие паруса корабля. Иногда они его топят, но без них он не мог бы плавать»; «Любовь – самая сильная из всех страстей, потому что она одновременно завладевает головою, сердцем и телом»; «Никогда не бывает больших дел без больших трудностей»; «Нередко уходят далеко искать то, что имеют у себя дома»; «Кто ограничивает свои желания, тот всегда достаточно богат»; «Для великих дел необходимо неутомимое постоянство»; «Глуп тот человек, который остается всегда неизменным»; «Человек чего-то стоит только тогда, когда он имеет свою собственную точку зрения»; «Истинное мужество обнаруживается во время бедствия»; «Сомнение неприятно, но состояние уверенности абсурдно»; «Только слабые совершают преступления: сильному и счастливому они не нужны»; «Там, где речь идет о деньгах, все одной веры»; «Чем более читаете, не размышляя, тем более уверяетесь, что много знаете, а чем более размышляете, читая, тем яснее видите, что знаете еще очень мало»; «Нашего почитания заслуживает тот, кто господствует над умами силою правды, а не те, которые насилием делают рабов»; «Не бедность невыносима, а презрение. Я могу обходиться без всего, но я не хочу, чтобы об этом знали».

Еще одним предметом беспристрастного анализа французского мыслителя является общение лю-

дей между собой. Его примечательные оценки этого социально-личностного феномена отражены в следующих афоризмах: «Ни на что не годится тот, кто годится только для себя»; «Все почести этого мира не стоят одного хорошего друга»; «Сильные души сходятся чаще, нежели великие умы»; «Ты не можешь взять на себя ответственность за всех, с кем сталкивает тебя судьба. Если какой-то человек не может быть счастливым, общаясь с тобой, нет смысла тратить свои душевные силы в попытке изменить его или разрешить его проблемы. Есть много других людей, которым ты сумеешь подарить радость и счастье, сам наслаждаясь их обществом»; «Подумай, как трудно изменить себя самого, и ты поймешь, сколь ничтожны твои возможности изменить других»; «Не равенство тягостно, а зависимость»; «Суди о человеке больше по его вопросам, чем по его ответам».

В афоризмах философа раскрыты многочисленные людские пороки и изъяны общественной жизни: «Что люди получают, не выражая благодарности, чем пользуются без раздумия, что передают другим в беспамятстве и теряют, сами того не замечая? Жизнь»; «Люди мало размышляют; они читают небрежно, судят поспешно и принимают мнения, как принимают монету, потому что она ходячая»; «Сколько нелепостей говорится людьми только из желания сказать что-нибудь новое»; «Великие горести всегда оказываются плодом необузданного корыстолюбия»; «Бесконечно маленькие люди имеют бесконечно великую гордость»; «Постоянная важность является лишь

маскою посредственности»; «Чтобы добиться успеха в этом мире, недостаточно быть просто глупым – нужно еще иметь хорошие манеры»; «Выдать чужой секрет – предательство, выдать свой – глупость»; «Утром я составляю планы, а днем делаю глупости».

Таким образом, размышления Вольтера строятся вокруг тезиса о том, что человек есть существо деятельное. Природу такого начала в человеке мыслитель объясняет исходя из существования единого мирового разума – Бога. В основе человеческих действий лежат потребности и страсти. Страстью, выступающей базой как личного существования человека, так и его взаимодействия с другими людьми, является любовь человека к себе. По мнению философа, диалектика жизни состоит в получении удовольствия и страдании. Его представления о смысле жизни лучше всего воплощены в афоризме: «Истина, свобода и добродетель – вот единственное, ради чего нужно любить жизнь». В понимании Вольтера свобода человека многообразна, но прежде всего она означает его способность изъявлять свою волю и действовать. Важнейшие принципы добродетельного поведения отражены в следующих афоризмах мыслителя: «Не делай того, чего ты не хотел бы, чтобы причинили тебе»; «Если ты сомневаешься, воздержись от действия, как справедливого, так и несправедливого». Анализируя нравственные и правовые основы общественной жизни, главную роль в сплочении людей он отдает социальной справедливости.

Библиографические ссылки

1. Вольтер. *Философские сочинения*. Шейнман-Топштейн СЯ, переводчик; Кузнецов ВН, составитель и редактор. Москва: Наука; 1988. 751 с.

2. Вольтер. *Орлеанская девственница. Магомет. Философские повести*. Шафаренко И, Дмитриева Н, Евнина Е, Сологуб Ф, Блок Г, Коган Н и др., переводчики; Линецкая Э, Лозинский М, редакторы. Москва: Художественная литература; 1971. 720 с. (Библиотека всемирной литературы. Литература Древнего Востока, Античного мира, Средних веков, Возрождения, XVII и XVIII веков; том 49).

References

1. Voltaire. *Filosofskie sochineniya* [Philosophical writings]. Sheinman-Topshtein SJa, translator; Kuznetsov VN, compiler and editor. Moscow: Nauka; 1988. 751 p. Russian.

2. Voltaire. *Orleanskaya devstvennitsa. Magomet. Filosofskie povesti* [Virgin of Orleans. Mahomet. Philosophical novels]. Shafarenko I, Dmitrieva N, Evnina E, Sologub F, Blok G, Kogan N, et al., translators; Linetskaya E, Lozinskii M, editors. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1971. 720 p. (Biblioteka vsemirnoi literatury. Literatura Drevnego Vostoka, Antichnogo mira, Srednikh vekov, Vozrozhdeniya, XVII i XVIII vekov; volume 49). Russian.

Статья поступила в редколлегию 25.07.2024.
Received by editorial board 25.07.2024.

УДК 141.82(510)

ФЕНОМЕН НЕОМАРКСИЗМА В КИТАЕ: ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Ю. ТАН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассмотрен феномен неомарксизма в философской и общественно-политической мысли современного Китая. Выделены три основных этапа развития данного феномена в указанном государстве. Установлено, что китайская версия неомарксизма интерпретируется преимущественно как социально-философская доктрина, интегрирующая положения классического марксизма и идеи традиционной китайской культуры и философии (конфуцианства, даосизма, легизма и др.). Выявлено, что существенное отличие неомарксизма в Китае от концепций неомарксистской философии в странах Запада состоит в его конструктивной социально-практической направленности, которая получила обоснование в теории практического материализма. Определено, что большинство китайских неомарксистских публикаций сохраняют преемственность с произведениями классической китайской философии в отношении языковых и стилистических особенностей.

Ключевые слова: ортодоксальный марксизм; неомарксизм; китайская версия неомарксизма; практический материализм; социализм с китайской спецификой.

PHENOMENON OF NEO-MARXISM IN CHINA: STAGES OF FORMATION AND CONCEPTUAL AND STYLISTIC FEATURES

Yo. TANG^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The phenomenon of neo-Marxism in the philosophical and socio-political thought of modern China is considered. Three main stages of development of this phenomenon in China are highlighted. It is established that the Chinese version of neo-Marxism is interpreted primarily as a socio-philosophical doctrine that integrates the provisions of classical Marxism and the ideas of traditional Chinese culture and philosophy (Confucianism, Taoism, legalism, etc.). A significant difference between neo-Marxism in China and the concepts of neo-Marxist philosophy in Western countries consists in its constructive socio-practical orientation, which is justified in the theory of practical materialism. It is determined that the most of Chinese neo-Marxist publications retain continuity with the works of classical Chinese philosophy in terms of linguistic and stylistic features.

Keywords: orthodox Marxism; neo-Marxism; Chinese version of neo-Marxism; practical materialism; socialism with Chinese characteristics.

Образец цитирования:

Тан Ю. Феномен неомарксизма в Китае: этапы становления и концептуально-стилистические особенности. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2024;3:10–16 (на англ.).
EDN: GKCOBY

For citation:

Tang Yo. Phenomenon of neo-Marxism in China: stages of formation and conceptual and stylistic features. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2024;3:10–16.
EDN: GKCOBY

Автор:

Юнбо Тан – аспирант кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор А. И. Зеленков.

Author:

Yongbo Tang, postgraduate student at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
yongbo.tang@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0003-9951-537X>

Introduction

On 17 May 2016, President of the People's Republic of China Xi Jinping, speaking at a meeting to discuss current issues in the development of philosophy and social sciences, emphasised that Marxism was and will remain the guiding theory. He noted: «In the history of human thought, no theory has exerted such a profound and extensive influence on the progress of human civilisation as Marxism has»¹ [1, p. 10]. It is the philosophy of Marxism, in his opinion, that corresponds to the global trends of the 21st century and modern China.

Such an obvious emphasis on the role and significance of Marxism in the philosophical and ideological support of the course towards frontal modernisation of

China makes the problem of justifying its priority status in the development of socio-political and philosophical thought one of the most popular and relevant. In this case we are talking not so much about the popularisation and use of the classical heritage of Marxism, but about its creative development taking into account Chinese specifics, which is confirmed by the following words: «The vital force of Marxism is not in the writings of Marx and Engels themselves, but in its attitude to practice» [2, p. 3]. In the spiritual and ideological life of modern China the phenomenon of neo-Marxism is quite definitely constituted and occupies a special significant place.

Main stages of formation of neo-Marxism

In order to consider the substantive accents of neo-Marxism, it is important to record the main stages of its formation in Chinese philosophical and social thought, the features of its conceptual status and stylistic characteristics. With a certain degree of convention, three relatively independent periods can be distinguished in the development of neo-Marxism in China.

The first stage is associated with the activities of Mao Zedong, who in the 1930–40s in various works and oral speeches emphasised the need to «concretise Marxism in China, to endow it with the necessary Chinese features» [3, p. 191]. Even before this, in 1920s, such representatives of the revolutionary democratic movement of China as Sun Yat-sen, Li Dazhao, and Ai Siqi repeatedly spoke out in favor of a systematic study of the Marxist theory and its necessary adaptation to the development of the revolutionary movement in China.

Li Dazhao was the first Chinese Communist Party (CCP) member to disseminate Marxist theory in China. As early as 1919, he had an understanding of the sinicisation of Marxism. He noted: «A socialist, in order to make his doctrine have some influence in the world, must study how he can apply his ideal as much as possible to the reality surrounding him» [4, p. 415]. He further pointed out the relationship between the commonality and specificity of socialism: «Socialism, due to varying circumstances across different regions and times, strives for implementation that suits these conditions, hence giving rise to a new system that combines commonality with specificity (where commonality implies universality, and specificity refers to the variations according to time and place). Therefore, when socialism emerges in China in the future, it will necessarily differ from that in Britain, Germany, Russia, and others» [4, p. 528]. These words show that Li Dazhao had a full understanding of the importance of the combination of Marxism and Chinese reality.

Li Da conducted an objective analysis of the relationship between Marxist philosophy and other philosophies, systematically expounding dialectical materia-

lism in book «Outline of sociology». He pointed out that Marxist philosophy «inherits and develops all the positive outcomes from the history of human knowledge, especially the history of philosophy», and that it represents «the sum, synthesis, and conclusion of the entire history of human knowledge» [5, p. 52]. Mao Zedong referred to Li Da's book as «the first Marxist philosophy textbook written by a Chinese» (cit. [6, p. 364]).

Ai Siqi emphasised the integration of Marxist philosophy with the actual conditions of the Chinese revolution: «Under the entirely new conditions in China, we should not merely adhere to established general principles and arguments, but should instead discover new principles, new laws, and new characteristics in the new realities of China, thereby enriching Marxism» [7, p. 288]. He believed that the focus should be on disseminating Marxist philosophy among the masses: «Why must we adopt a mass perspective and take the stance that serves the greatest interests of the majority of people when studying social revolution issues? Because only the issues concerning the greatest interests of the majority can fundamentally govern the direction of social revolution» [8, p. 744].

The May Fourth Movement played a crucial role in popularising Marxist thought among Chinese intellectuals and students. Many intellectuals and revolutionaries began to learn Marxism, trying to use it to analyse the problems of Chinese society.

The CCP was established in July 1921 as a product of the combination of Marxism and the Chinese workers' movement. The founding of the CCP was the first great achievement of sinicisation of Marxism and the political guarantee for the continuous development of this process.

However, the programme of sinicisation of Marxism acquires a systematic and accentuated character precisely in the theoretical and practical activities of Mao Zedong. He headed the new leadership of the CCP, which was formed in 1935. From that time, in the works «On practice», «On contradiction» and other publications, he laid

¹Hereinafter translated by us. – Yo. T.

out the basic principles of the Marxist philosophy in detail, combined them with the ideas of traditional Chinese philosophy and the actual practice of revolutionary struggle. From 1941 to 1945, Mao Zedong made important reports, such as «Reform our study», «Rectify the Party's style», and «Study and the current situation». In April 1945, the seventh plenary session of the CCP's Sixth Central Committee discussed and adopted the Resolution on Several Historical Questions, marking the successful conclusion of the Yan'an Rectification Movement. Through this movement, the whole CCP established the ideological line of dialectical materialism and realism.

At the Seventh National Congress of the CCP held in 1945, Mao Zedong's philosophical thought was explicitly established as the guiding ideology and was incorporated into the CCP Constitution's marking the first historical leap in the sinicisation of Marxism. One of the central statements of Mao Zedong's theory of the sinicisation of Marxism becomes the thesis that the leading social forces of the socialist revolution in China should be the peasantry but not the proletariat, as was argued in the orthodox version of classical Marxism. In the late 1930s, he puts forward the theory of new democracy, in which the conclusion about the necessity of common democratic union between peasantry, working class, intelligentsia, and national bourgeoisie, is substantiated. In many ways this conclusion turned out to be a productive ideological innovation and helped the CCP to come to power as a result of the victory in the civil war. Mao Zedong's philosophical thought is considered «a philosophical summary that combines the universal principles of Marxism with the specific practices of the Chinese revolution», «the inheritance and development of Marxist philosophy in China», and also represents «the sinicisation of Marxist philosophy» [9, p. 106].

From 1949 to 1978, Mao Zedong's philosophical thought was systematically studied, disseminated, and implemented as an ideology, albeit without rigorous scientific inquiry, and, from 1979 to the present, it has gradually become the subject of cultural and scientific research.

Thus, the years 1949 to 1960 were marked by significant transformations in Chinese social consciousness and culture, with Marxism prevailing in the public consciousness and Marxist philosophy becoming the dominant philosophical paradigm. The primary objectives during this era were to learn and promote Marxist philosophy, including Mao Zedong's thought, and to use these ideas to eliminate the influence of traditional Chinese philosophy and philosophies of Western countries. Subsequently, in Chinese society, particularly among the intelligentsia, there was a surge of interest in actively studying Marxist philosophy, with a focus on Mao Zedong's works «On practice» and «On contradiction», written during the period of the democratic revolution. This spurred the intelligentsia to initiate an ideological re-education movement, utilising the Marxist worldview

and methodology to guide practical work and scientific research, thereby establishing the dominant position of Marxist philosophy in Chinese society.

In the early 1960s, Mao Zedong proposed the political line of taking class struggle as the key link. The guiding ideology of the CCP became increasingly left-leaning. The study and promotion of Mao Zedong's philosophical thought remained the primary focus, but attention shifted towards his theories on class struggle, proletarian dictatorship, and his «philosophy of struggle». In this context, instances of erroneous and excessive criticism of certain literary and artistic works, scientific viewpoints, and individual scientists, artists, and writers emerged in the realm of ideology. It is noteworthy that during this period, despite the evident simplification and vulgarisation factors in the mass movements for the lively study and application of Mao Zedong's philosophical thought, the dissemination and promotion of his ideas achieved significant results. Basic concepts of Marxist philosophy were propagated throughout society.

From 1966 to 1972, the promotion of Mao Zedong's thought, including his philosophical ideas, took on irrational forms. Everything he said became a slogan, subject to absolutisation and sanctification. The work «On practice» was interpreted through the lens of voluntarism, while the work «On contradiction» was expounded in the spirit of «philosophy of struggle». At the time, these interpretations served to bolster Mao Zedong's theories of «revolution under the proletarian dictatorship» and the practical implementation of the «cultural revolution». In 1976, Mao Zedong passed away, and the «cultural revolution» was declared to have ended.

In early 1978, the journal «Chinese Social Sciences» published an article «An overview of Renaissance to 19th century Western bourgeois writers and art critics' views on humanism and human nature» by professor Zhu Guangqian. In August of the same year, the same journal published an article «The young Hegel's thoughts on labour and alienation: an exploration of the problem of alienation» by researcher Zhu Xing. These articles touched upon the themes of humanism and human nature, which were taboo subjects at the time. Their publication immediately sparked intense debate among cultural figures and theorists. In 1979, a new Chinese translation of Karl Marx's «Economic and philosophic manuscripts of 1844» was published. This work, imbued with a humanistic spirit, provided greater depth for discussions on humanism [10, p. 256].

Practical materialism, through its critique of dialectical materialism and historical materialism, sought to locate the human element within Marxist philosophy. Its emergence is closely related to the humanistic trend that appeared after 1978. In December 1978, the third plenary session of the CCP's Eleventh Central Committee initiated a new phase of re-evaluation and appraisal of Mao Zedong's philosophical thought, ushering in an era of reform and opening up in China, which conti-

nues to this day. The primary characteristic of this time is the gradual shift from the ideological dissemination of Mao Zedong's philosophical thought to cultural and scientific research and the transformation from isolation within Marxist philosophy to open, multifaceted, and multilayered exploration.

The second stage in the development of neo-Marxism in China is associated with the activities of Deng Xiaoping and his theory of the three representations. In this theory, he proposes a unique criterion for reforming socialist society in China, according to which it is necessary to achieve «three blessings»: 1) further development of productive forces and economic renewal; 2) strengthening the comprehensive national power of the socialist state; 3) raising the living standards of the people. Deng Xiaoping notes: «It is necessary to begin to integrate the universal principles of Marxism with the specific situation in the country. Go your own way, build socialism with Chinese characteristics» [11, p. 189].

The programme of reforms and the construction of socialism with Chinese characteristics set out at the Twelfth National Congress of the CCP in 1982, which was initiated and grounded by Deng Xiaoping, largely diverged from the statements of orthodox Marxism and broke with the previous strategy of administrative command management of social processes. However, it retained the negotiable position of the decisive role of the state and the CCP in the political and economic development of the country. This allowed Deng Xiaoping repeatedly to emphasise, that his concept of social and economic reform of China is in line with traditional Marxist theory.

At the same time after death of Deng Xiaoping in 1997, it became increasingly clear that the impressive successes of socio-economic reforms are inevitably leading China into a «modernisation trap». In other words, they urgently put on the agenda the problem of synchronising political power with the new economic reality. Various versions of the answer to this fundamental question of the sociodynamics of modern China have

been proposed over the past 25 years and have been associated with the further development of the policy of reform and opening up. As a rule, they all remained committed to the doctrine of sinicisation of Marxism and considered it as an integral component of the ideology of systemic modernisation of China. This trend is clearly visible in the speeches of Jiang Zemin and Hu Jintao. But it is especially pronounced with the coming to power of a new generation of nationally oriented politicians led by Xi Jinping. His programmatic article «On socialism with Chinese characteristics of the new era» is assessed by many Chinese political scientists and philosophers as the latest achievement of the sinicisation of Marxism.

In connection with the above-mentioned reasons, the third stage of the development of neo-Marxism in China is quite rightly associated with the approval of a new political course and its philosophical and ideological justification after the Eighteenth National Congress of the CCP in 2012, at which Xi Jinping was elected its general secretary. For this period, the characteristic trends in the development of philosophical and socio-political thought of modern China are the following priorities: development and justification of a new concept of social justice, social harmony and unity of all layers and regions of modern China; research into the dialectics of interaction between scientific, technical and technological progress and the ideological and moral development of Chinese society; developing a concept for China's global participation in creating a system of fair international relations on the principles of combining national interests and prospects for the safe development of all countries and regions of the world community; systemic analysis and study of environmental problems of our time, justification of the strategy for a sustainable future of human civilisation; an accentuated appeal to the achievements and values of traditional Chinese philosophy and culture with the aim of their creative adaptation to the modern level of development of social communications and spiritual culture of Chinese society.

Chinese philosophical tradition and conceptual and stylistic features of neo-Marxism

Speaking about the conceptual features of the neo-Marxism in China, we should first of all emphasise its significant difference from the concepts of neo-Marxist philosophy in Western countries. Neo-Marxism in the West is a complex spiritual phenomenon that significantly contributed to the constitution of a social-critical strategy for the development of philosophy in the late 19th – first half of the 20th centuries. The origins of Western neo-Marxism go back to the works of the so-called young Marx, in which he formulated the principles of the humanistic programme of philosophical anthropology, based on a critical analysis of Hegel's concept of alienation. Starting from this programme, D. Lukács,

A. Gramsci, W. Benjamin, L. Althusser and others researchers developed the first versions of the philosophy of neo-Marxism. Subsequently within the framework of social-critical theory of Frankfurt school through the efforts of M. Horkheimer, T. Adorno, H. Marcuse and J. Habermas this work was continued. The representatives of the existentialist Marxism (J.-P. Sartre), «philosophy of hope» (E. Bloch), post-Marxism (C. Castoriadis, E. Laclau, Ch. Mouffe) and many other movements and schools in Western philosophy of the first half of the 20th century made a significant contribution to the development of neo-Marxist philosophy and sociology. But no matter how the author's configurations of the philosophy of

neo-Marxism and its substantive features are varied, all its schools and directions are characterised by one dominant intention – a totally articulated critical orientation of thoughts and actions. Western neo-Marxism subjects to a radical critical analysis not only the culture and social practices of later capitalist society, but also the entire project of European modernity. Such its values, as economic growth, scientific rationality, technological innovations are declared the cause of global problems and dysfunctions in modern societies, the loss of their representatives of genuine life orientations, the meaning and goals of authentic existence.

Chinese neo-Marxism, on the contrary, focuses its attention primarily on constructive and creative activity in order to adapt the basic tenets of the philosophy of Marxism to the practical tasks of social transformation and solving pressing economic, political, and environmental problems. That is why, as a defining conceptual feature of the Chinese version of neo-Marxism, its focus on solving pressing problems of development and modernisation of modern Chinese society is proclaimed. Accordingly, the philosophy of Chinese neo-Marxism is based on the theory of practical materialism. The adoption of this concept as a theoretical programme for the frontal modernisation of the Chinese economy and social sphere was preceded by a long and complex discussion about practical materialism. It continued in the Chinese philosophical community for more than 20 years and was associated with a rethinking of the dogmatic heritage of Soviet philosophy of the 1930–40s.

The article «The philosophical banner of our time: practical materialism» epitomises the fundamental views of practical materialism. It contends that Marxist philosophy is practical materialism: «Today, we reaffirm our commitment to practical materialism, partly because Marx's practical materialism has been historically distorted, and more importantly, because practical materialism embodies the spirit of our age, asserting human practice and elevating human subjectivity» [12, p. 85].

The establishment of practical materialism constitutes a revolutionary shift in philosophy, characterised by the following fundamental traits. Firstly, the understanding of the world transitions from the principle of the object to the principle of the subject, reflecting a fundamental transformation in philosophical thinking methodology. Karl Marx's practice principle is precisely the principle of the subject. Although the natural world is objectively undeniable, the sensory world surrounding humanity is one altered through practice. Consequently, to comprehend phenomena, one must use human subjectivity as the standard, understanding the world as an object based on practical activity.

Secondly, the structure of philosophy itself has undergone a change: on the foundation of the two initial starting points «thought» and «existence», has been added a third starting point, resulting in a tripartite structure thought – practice – existence. It exemplifies the

fundamental transformation of philosophical structure. The historical struggle between old materialism and idealism has become obsolete, and the simplistic answers to the issue of thought and existence no longer correspond to the requirements of contemporary practical activity. In the tripartite structure of philosophy, the question of the relationship between thought and existence persists, albeit in a more intricate form.

Thirdly, the construction of the philosophical system depends not on the principle of matter but rather the principle of practice, signifying a fundamental philosophical transformation and a shift from a closed system to an open one. Practice determines our degree of mastery over matter, consciousness, world, and laws. There is no longer a need to explain practice starting from matter; instead, one must begin to understand things from practice. The world is a «blueprint», an «engineering project» drawn by people during the course of practice and changing as it evolves.

Lastly, concerning the understanding of the central point in philosophy, there has been a shift from interpreting the world to transforming it, signifying a fundamental change in the purpose and objectives of philosophy. This transformation emphasises the active role of human beings in shaping their reality and the world around them, moving away from a passive observation and interpretation of the world towards a more engaged, practical approach to effecting change. That development in philosophical thought underscores the importance of human agency, creativity, and the potential for progress in the pursuit of a more just and equitable society.

It should be noted that the theory of practical materialism reveals its organic connection with many ideas and values of traditional Chinese philosophy [13, p. 381]. This idea was repeatedly emphasised by Xi Jinping in his articles and speeches [14, p. 126]. He argued that the Chinese version of neo-Marxism should preserve in its content and its ethical principles the results of the development of «all beautiful Chinese civilisation» [15, p. 36]. Therefore, not only the Confucianism but also the philosophy of Taoism, legalism and other classical philosophical schools of ancient China should become the most important sources of the theoretical, moral and political imperatives of the philosophy of neo-Marxism in its modern Chinese interpretation [16, p. 423]. This means that such traditional Chinese values as observance of laws, sincerity in relations between people, diligence, service to duty, moderation in consumption, tolerance and others should become integral norms of behaviour and activity of people in the society of modernising China [17, p. 9–10].

This organic connection of the Chinese version of neo-Marxism with the traditional philosophy and culture of China allows us to understand and explain another important feature of the neo-Marxist trend in modern Chinese philosophy. It lies in the fact that the language and style of many modern Chinese publications of a neo-Marxist orientation preserve and borrow meta-

phorical and figurative structures of the classical philosophical canon. Often it is difficult to recognise them as strictly philosophical since in them the moral edifications, imperative instructions and demands formulated in a simple language, understandable to most readers are dominated. Such a requirement for the linguistic design of philosophical works that should be addressed to the broad working masses was expressed still by Mao Zedong. He wrote that in the sinicised Marxist philosophy «foreign dogmatism must be abolished, empty and abstract slogans must be sung less, dogmatism must rest, and be replaced by a fresh and lively Chinese style and spirit that the Chinese people enjoy» [3, p. 174].

One of the primary characteristics of Chinese neo-Marxism is its emphasis on finding practical and feasible solutions to the problems faced by Chinese society [18, p. 6]. This involves devising new strategies and methods for economic development, social policies, and political reforms that are suited to China's specific

historical and cultural context [19, p. 313]. By emphasising the importance of practical action and human agency, the Chinese version of neo-Marxism helps to bridge the gap between theory and practice, fostering an understanding of social change.

Another critical aspect of the constructive and creative orientation of Chinese neo-Marxism is its focus on adapting Marxist principles to China's particular historical and cultural context. This involves integrating Marxist materialism with the practical wisdom of Chinese philosophical traditions, such as Confucianism and Taoism, as well as insights gleaned from China's own experiences of social transformation and development. By contextualising Marxist principles within the Chinese milieu, Chinese neo-Marxism not only helps to overcome some of the limitations and white spots of Western neo-Marxism but also contributes to the broader development and enrichment of Marxist theory.

Conclusions

The philosophy of Marxism in modern China retains its relevance and ideological relevance in many areas of spiritual culture, education, and social communications. But it differs significantly both from classical orthodox Marxism and from various versions of the philosophy of Western neo-Marxism [20]. Neo-Marxism in China uses the theory of practical materialism as its conceptual basis. This theory, borrowing

many ideas and provisions, and stylistic features of traditional philosophical and ethical teachings of China, quite rightly claims today to be the status of a modern philosophical methodology for analysing and adequately assessing the results and achievements of Chinese modernisation, as well as the successful continuation of the course of socio-economic reforms and national progress.

Библиографические ссылки

1. 习近平. 在哲学社会科学工作座谈会上的讲话 (2016年5月17日). 北京: 人民出版社; 2016. 29页 = Си Цзиньпин. *Выступление на симпозиуме по вопросам философии и общественных наук (17 мая 2016 года)*. Пекин: Народное издательство; 2016. 29 с.
2. 姜春磊. 马克思主义理论创新 «实践主体» 问题探析. 苏州科技大学学报. 2015;1:1–5 = Цзянь Чуньлэй. Анализ «субъекта практики» в инновациях марксистской теории. *Журнал Сучжоуского университета науки и технологии*. 2015;1:1–5.
3. 毛泽东. 毛泽东选集. 第二卷. 北京: 人民出版社; 1991. 444页 = Мао Цзэдун. *Избранные произведения Мао Цзэдуна*. Том 2. Пекин: Народное издательство; 1991. 444 с.
4. 李大钊. 选集. 北京: 人民出版社; 1959. 570页 = Ли Дачжао. *Избранные произведения*. Пекин: Народное издательство; 1959. 570 с.
5. 李达. 社会学概论. 北京: 人民出版社; 2016. 501页 = Ли Да. *Очерк социологии*. Пекин: Народное издательство; 2016. 501 с.
6. 冯友兰. 中国哲学史. 第一卷. 北京: 商务印书馆; 2011. 642页 = Фэн Юлань. *История китайской философии*. Том 1. Пекин: Коммерческая печать; 2011. 642 с.
7. 艾思奇. 艾思奇全书. 第二卷. 北京: 人民出版社; 2006. 830页 = Ай Сыцзи. *Полное собрание сочинений Ай Сыцзи*. Том 2. Пекин: Народное издательство; 2006. 830 с.
8. 艾思奇. 艾思奇全书. 第四卷. 北京: 人民出版社; 2006. 882页 = Ай Сыцзи. *Полное собрание сочинений Ай Сыцзи*. Том 4. Пекин: Народное издательство; 2006. 882 с.
9. Бурлацкий ФМ. *Мао Цзэдун, Цзянь Цин и Советник Дэн*. Москва: Эксмо-пресс; 2002. 384 с.
10. Обухова ЕН. Основные этапы китайской модернизации. В: Мошелков ЕН, редактор. *SCHOLA – 2005*. Москва: Социально-политическая мысль; 2005. с. 254–258.
11. 邓小平. 邓小平选集. 第二卷. 北京: 人民出版社; 1994. 259页 = Дэн Сяопин. *Избранные произведения Дэн Сяопина*. Том 2. Пекин: Народное издательство; 1994. 259 с.
12. 王于, 陈志良, 杨耕. 我们时代的哲学旗帜: 实践唯物主义. 江海学刊. 1989;2:79–87 = Ван Юй, Чэнь Чжилиан, Ян Гэн. Философское знамя нашего времени: практический материализм. *Цзянхайский академический журнал*. 1989;2:79–87.
13. Wendeng Yang, Haosheng Ye. Methodological implications of Marxist practical philosophy for psychology: a perspective from China. *Theory & Psychology*. 2013;23(3):371–390. DOI: 10.1177/0959354313486720.
14. Rošker JS. Modernization of Chinese philosophical methodology: Zhang Dainian's innovation and the challenges of neo-materialism. *Asian Studies*. 2021;9(2):121–141. DOI: 10.4312/AS.2021.2.121–141.
15. Wu Xin. Study on the thinking paradigm of Laozi from the perspective of Chinese philosophy. *Frontiers in Humanities and Social Sciences*. 2022;2(7):30–45.

16. 张伟. 将中国哲学视为一种田野哲学. 社会认知论. 2020;35(4):416–425 = Чжан Вэй. Китайская философия как вид полевой философии. *Социальная эпистемология*. 2020;35(4):416–425. DOI: 10.1080/02691728.2020.1752328.
17. Arun Bala. Chinese organic materialism and modern science studies: rethinking Joseph Needham's legacy. *Cultures of Science*. 2020;3(2):1–13. DOI: 10.1177/2096608320911316.
18. 杨柳. 将马克思主义适应于杰出的传统中国文: 历史, 共识与未来. 教育哲学与理论. 2022;54(11):1–9 = Ян Лю. Адаптация марксизма к выдающейся традиционной китайской культуре: история, консенсус и будущее. *Философия и теория образования*. 2022;54(11):1–9. DOI: 10.1080/00131857.2022.2082938.
19. Yu Jiang. *A new world is possible. The modernization of China*. Beijing: CITIC Press Group; 2023. Understanding Marxism in China; p. 285–318. DOI: 10.1007/978-981-19-8918-6.
20. El Nabolsy Z. On the differences between the classical and the «Western» Marxist conceptions of science. *Marxism & Sciences*. 2022;1(1):193–217. DOI: 10.56063/ms.2201.01109.

References

1. Xi Jinping. *Zai zhexue shehui kexue gongzuo zuotan hui shang de jianghua (2016 nian 5 yue 17 ri)* [Remarks at the symposium on philosophy and social sciences (2016 May 17)]. Beijing: People's Publishing House; 2016. 29 p. Chinese.
2. Jiang Chunlei. [An analysis of the «practice subject» in the innovation of Marxist theory]. *Journal of Suzhou University of Science and Technology*. 2015;1:1–5. Chinese.
3. Mao Zedong. *Maozedong xuanji. Di er juan* [Selected works of Mao Zedong. Volume 2]. Beijing: People's Publishing House; 1991. 444 p. Chinese.
4. Li Dazhao. *Xuanji* [Selected works]. Beijing: People's Publishing House; 1959. 570 p. Chinese.
5. Li Da. *Shehuixue gailun* [Outline of sociology]. Beijing: People's Publishing House; 2016. 501 p. Chinese.
6. Feng Youlan. *Zhongguo zhhexueshi. Di yi juan* [A history of Chinese philosophy. Volume 1]. Beijing: The Commercial Press; 2011. 642 p. Chinese.
7. Ai Siqi. *Ai si qi quanshu. Di er juan* [Complete works of Ai Siqi. Volume 2]. Beijing: People's Publishing House; 2006. 830 p. Chinese.
8. Ai Siqi. *Ai si qi quanshu. Di si juan* [Complete works of Ai Siqi. Volume 4]. Beijing: People's Publishing House; 2006. 882 p. Chinese.
9. Burlatskii FM. *Mao Tszedun, Tszyan Tsin i Sovetnik Den* [Mao Zedong, Jiang Qing and Advisor Deng]. Moscow: Eksmo-press; 2002. 384 p. Russian.
10. Obukhova ON. [The main stages of China's modernisation construction]. In: Moshchelkov EN, editor. *SCHOLA – 2005*. Moscow: Sotsial'no-politicheskaya mysl'; 2005. p. 254–258. Russian.
11. Deng Xiaoping. *Dengxiaoping xuanji. Di er juan* [Selected works of Deng Xiaoping. Volume 2]. Beijing: People's Publishing House; 1994. 259 p. Chinese.
12. Wang Yu, Chen Zhiliang, Yang Geng. [The philosophical flag of our era: practical materialism]. *Jianghai xue kan*. 1989;2:79–87. Chinese.
13. Wendeng Yang, Haosheng Ye. Methodological implications of Marxist practical philosophy for psychology: a perspective from China. *Theory & Psychology*. 2013;23(3):371–390. DOI: 10.1177/0959354313486720.
14. Rošker JS. Modernization of Chinese philosophical methodology: Zhang Dainian's innovation and the challenges of neo-materialism. *Asian Studies*. 2021;9(2):121–141. DOI: 10.4312/AS.2021.2.121-141.
15. Wu Xin. Study on the thinking paradigm of Laozi from the perspective of Chinese philosophy. *Frontiers in Humanities and Social Sciences*. 2022;2(7):30–45.
16. Zhang Wei. Chinese philosophy as a kind of field philosophy. *Social Epistemology*. 2020;35(4):416–425. Chinese. DOI: 10.1080/02691728.2020.1752328.
17. Arun Bala. Chinese organic materialism and modern science studies: rethinking Joseph Needham's legacy. *Cultures of Science*. 2020;3(2):1–13. DOI: 10.1177/2096608320911316.
18. Yang Liu. Adapting Marxism to outstanding traditional Chinese culture: history, consensus and future. *Educational Philosophy and Theory*. 2022;54(11):1–9. Chinese. DOI: 10.1080/00131857.2022.2082938.
19. Yu Jiang. *A new world is possible. The modernization of China*. Beijing: CITIC Press Group; 2023. Understanding Marxism in China; p. 285–318. DOI: 10.1007/978-981-19-8918-6.
20. El Nabolsy Z. On the differences between the classical and the «Western» Marxist conceptions of science. *Marxism & Sciences*. 2022;1(1):193–217. DOI: 10.56063/ms.2201.01109.

Received by editorial board 19.04.2024.

ПОНЯТИЕ ТЕЛА В КИТАЙСКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАДИЦИЯХ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ¹

Т. Н. БУЙКО¹, С. У²

¹Белорусский государственный университет физической культуры,
пр. Победителей, 105, 220020, г. Минск, Беларусь

²Институт философии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Исследовано понятие тела в китайской и европейской традициях философствования. Представлены отличия взглядов на данный концепт. Определено, что в китайской философии, как в традиционной, так и в современной, тело осмысливается не только с биологической, но и с социокультурной точки зрения, поскольку изначально одухотворенное тело содержит в себе историю конкретного общества. Выявлено, что в европейской философии тело понимается как физический объект. Отмечено, что развиваемый на основе постклассической европейской философии телесно ориентированный подход приобретает все большее распространение в социально-гуманитарных науках. Установлено, что актуализация проблематики человеческой телесности в китайской философии связана с влиянием европейской науки и культуры.

Ключевые слова: тело; телесность; телесно ориентированный подход; рационализм; феноменология; постмодернизм.

THE CONCEPT OF THE BODY IN CHINESE AND EUROPEAN PHILOSOPHICAL TRADITIONS: COMPARATIVE ANALYSIS

T. N. BOUIKO^a, X. WU^b

^aBelarusian State University of Physical Culture, 105 Pieramozhcaw Avenue, Minsk 220020, Belarus

^bInstitute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surganova Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

Corresponding author: T. N. Bouiko (tbouiko@tut.by)

Abstract. The concept of the body in Chinese and European philosophical traditions is studied. The differences of views on this concept are presented. It is determined that in Chinese philosophy, both traditional and modern, the body is comprehended not only from the biological, but also from the socio-cultural point of view, as the originally spiritualised body contains

¹Материал статьи частично представлен в виде доклада на Международной научно-практической конференции «Диалектическая методология в системе трансдисциплинарных исследований», посвященной 95-летию со дня рождения академика НАН Беларуси Д. И. Широконова (Минск, 21 мая 2024 г.).

Образец цитирования:

Буйко ТН, У С. Понятие тела в китайской и европейской традициях философствования: сравнительный анализ. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2024;3:17–22.
EDN: GVBXKU

For citation:

Bouiko TN, Wu X. The concept of the body in Chinese and European philosophical traditions: comparative analysis. Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. 2024;3:17–22. Russian.
EDN: GVBXKU

Авторы:

Татьяна Николаевна Буйко – доктор философских наук, доцент; заведующий кафедрой философии и истории спортивно-педагогического факультета спортивных игр и единоборств.

Сяоянь У – аспирантка отдела исследований глобализации, регионализации и социокультурного сотрудничества Центра философских проблем социальной динамики. Научный руководитель – Т. Н. Буйко.

Authors:

Tatsiana N. Bouiko, doctor of science (philosophy), docent; head of the department of philosophy and history, faculty of sports and martial arts.

tbouiko@tut.by

<https://orcid.org/0009-0008-6428-4858>

Xiaoyan Wu, postgraduate student at the department of research on globalisation, regionalisation and socio-cultural cooperation, Centre for Philosophical Problems of Social Dynamics.

1121326252@qq.com

<https://orcid.org/0009-0008-0378-1654>

the history of a particular society. It is revealed that in European philosophy the body is understood as a physical object. It is noted that the body-oriented approach developed on the basis of non-classical European philosophy is becoming more and more widespread in social and humanitarian sciences. It is established that the actualisation of the problems of human corporeality in Chinese philosophy is connected with the influence of European science and culture.

Keywords: body; corporeality; body-oriented approach; rationalism; phenomenology; postmodernism.

Классическая европейская философия разделила понятия «дух» и «тело», тем самым основав дуализм разума (шире духа) и тела. В рамках радикальных вариантов данного учения тело признается источником всего зла. Начиная с теории души Платона и заканчивая дуализмом мышления и материи Р. Декарта, разум и тело рассматривались как «две субстанции, существующие независимо»² [1, с. 154]. С точки зрения Сократа и Платона, «тело является препятствием на пути к постижению истины, знаний и справедливости» людьми, а разделение души и тела выступает основой «для понимания мира философами, поэтому истинные философы должны осознавать значимость смерти» [2, с. 15]. Аврелий Августин изучал соотношение души и тела с позиции христианской веры. На протяжении всего периода Средневековья в европейской культуре и религиозной философии душа считалась священной и благородной, в то время как тело было постыдным, непристойным и порочным. Осознание значения и красоты тела произошло только в эпоху Ренессанса, когда с ростом гуманистических размышлений о жизни человека понятие тела стало возвращаться в поле зрения философов и других деятелей культуры. Классическими научными работами, посвященными этой теме, являются труды «О строении человеческого тела» А. Везалия, «Анатомическое исследование о движении сердца и крови у животных» У. Гарвея и «Происхождение видов» Ч. Дарвина, которые стали основой важных достижений в изучении природы человека, а именно свойств его тела.

Традиция рационализма в классической европейской философии способствовала усилению роли науки и техники в обществе и превращению его в техногенную цивилизацию. В значительной степени изменились и мировоззренческие установки европейской философии касательно понимания тела. Этот процесс прежде всего связан с развитием в XIX–XX вв. иррационалистической философии. Так, в работах А. Шопенгауэра и Ф. Ницше телесность определяет все сферы человеческого бытия, поэтому именно она «должна быть главным критерием» подлинности бытия [3, с. 38]. Открытая первыми иррационалистами субъектность тела обосновывалась в ходе развития постклассической философии с помощью терминов «инстинкты», «бессознательная сфера», «желания» (З. Фрейд), «предметно-практическая деятельность» (К. Маркс), «дисциплина» (М. Фуко) и т. д. Введение понятия тела в философию освободило его от

угнетенного на протяжении веков положения по отношению к духовной составляющей человеческого бытия. Таким образом, постклассическая европейская философия зафиксировала принципиальную внеприродную обремененность тела, что отражено в представлении о телесности как совокупности внеприродных и природных свойств человеческого тела.

Вместе с тем европейская философия, в частности постклассическая, никогда не избавлялась от дуализма разума и тела. Он во многом способствовал развитию рационального мышления, т. е. научному анализу данных категорий. Впоследствии появились «науки о духе и науки о природе», а понятия духа и тела окончательно разделились [4, с. 73]. Не относящаяся к природе сфера человеческого бытия, которая включает, например, аспекты, связанные с проблемами психики и духовной жизнью общества, стала объектом изучения социально-гуманитарных наук. Взгляд на тело с точки зрения анатомии сделал его объектом исследования естественных наук. Необходимо отметить, что анализ различных аспектов человеческого бытия стал основанием значительных достижений европейской науки в его познании и развитии технологий, повышающих качество жизни.

В китайской и европейской традициях философствования понятие тела рассматривается с разных позиций, что проявляется уже на уровне постановки проблемы, касающейся субъектности тела. С древнейших времен считается, что тело представляет собой феномен, обладающий свойствами культурного и природного аспектов. Изучение тела с биологической точки зрения не является достаточным, поскольку данная категория содержит в себе историю конкретного общества [5, с. 237]. Таким образом, на различие взглядов на тело влияют социокультурные факторы [6, с. 84].

В восточной и западной культурах тело выступает носителем культурных смыслов. Данный тезис свидетельствует о том, что тело является не только отправной точкой самопознания человека, но и точкой опоры его существования, общения с социумом и природой. По этой причине именно тело считается условием достижения истинного знания, что отражено уже в древнекитайском языке. Согласно словарю китайских иероглифов «Эръя» (III–II вв. до н. э.) иероглиф 身 (shēn), помимо толкования «целостный человеческий организм, обладающий душой и те-

²Здесь и далее перевод в цитатах наш. – Т. Б., С. У.

лом», имеет значение «я» [7, с. 7]. Следует отметить, что его форма схожа с формой человеческого тела. В современном китайском языке для обозначения тела существует лексема 身体 (shēntǐ), при этом элемент 身 подчеркивает субъектность тела, включая его духовный компонент, а элемент 体 (tǐ) – биологическую составляющую тела. Можно сделать вывод о том, что в узком смысле тело понимается как материальная форма, в широком смысле – как целостный организм, имеющий душу и тело.

Иероглифы 身 и 体 редко употреблялись как одно наименование в древнекитайском языке. Исследователь Сяо Сюэчжоу обнаружил, что данное слово встречается в книгах о традиционной китайской медицине. Этот факт указывает на первоначальное функционирование названных иероглифов в качестве медицинского термина, который впоследствии вошел в обиход [8, с. 71]. Сегодня для обозначения тела население Китая использует только второй элемент лексемы 身体. Первый же элемент употребляется для наименования самого себя, а также плода, развивающегося в материнской утробе (有身 (yǒushēn) – «быть беременной (иметь в себе тело)»).

В традиционной китайской философии, в частности в даосизме (защита природы) или конфуцианстве (активное вписывание индивида и общества в мир), тело имеет онтологический статус. Данное понятие отражает целостность и основу существования человека, а также место его связи с миром. Такое фундаментальное «...значение тела – результат взаимодействия между субъектом и ситуацией. Оно не вытекает из природных инстинктов, не является пассивным продуктом исторических решений или решений об окружающей среде» [9, с. 44]. Американский ученый Ф. Капра отметил: «Поскольку восточная философия и религиозные традиции всегда склонны рассматривать дух и тело как единое целое, неудивительно, что Восток разработал большое количество техник для решения проблемы сознания с физической стороны» [10, с. 123]. Таким образом, в китайской философии под телом подразумевается сосуществование разума, морали, эмоций и физической оболочки, европейская философия сводит понимание тела к природной основе человеческого бытия.

В современной китайской философии изучению специфики человеческой телесности посвящен ряд работ таких авторов, как Янь Ляньфу, Хуан Цзюньцзе, Чжоу Юшень, Ли Цинлян, Чжан Цзайлинь, Чэнь Лишен и др. Их публикации значительно изменили ситуацию в традиционной китайской философии тела, проблематизировав множество вопросов. В частности, было обнаружено, что не китайские, а японские исследователи первыми включили восточный взгляд на тело в поле своего научного интереса. В 1977 г. японский ученый Ясуо Юаса обратился к данной теме, сравнив положения традиционной китайской фило-

софии с принципами классической и постклассической европейской философии. Он доказывал, что особенностью восточной точки зрения на тело является акцент на его духовном и физическом единстве, при этом уделяя большое внимание структуре отношений между разумом и телом и предполагая, что они могут меняться [11, с. 36].

Вслед за японскими исследователями взгляд на китайскую философию тела изложили ученые из Национального университета Тайваня. По итогам проведенного ими в 1991 г. семинара «Теория ци и взгляд на тело в древнекитайской мысли» был опубликован первый сборник статей, в котором была изложена китайская точка зрения на тело [12]. Издание открыло поле проблем для будущего научного поиска по этой теме.

Таким образом, развитие китайского взгляда на тело происходило сложным путем. Ли Цинлян выделил четыре этапа данного процесса:

- 1) внимание западного научного сообщества к проблемам, касающимся тела;
- 2) деятельность японских ученых, которые первыми исследовали восточный взгляд на тело;
- 3) дискуссию, организованную тайваньским академическим сообществом и западной синологической общественностью;
- 4) работу китайских ученых по формированию современного китайского взгляда на тело, основанного на принципах традиционной китайской философии [13, с. 21].

В истории китайской культуры отношение к телу как к базовой ценности неоднократно менялось. Ли Чонг подчеркивает, что выделяется несколько реологических траекторий данного процесса. В доциньскую эпоху (до 221 г. до н.э.) в человеческом бытии фиксировались духовная и физическая составляющие, а также изучалось их взаимодействие с учетом возвышения второго компонента – тела [14, с. 76]. Отступление от ценностного приоритета тела в пользу духа наблюдалось в период правления династий Сун (960–1368) и Мин (1368–1644), возвращение к нему – в период правления династии Цин (1616–1911) [15, с. 65].

В современных китайских исследованиях прежде всего отмечается отличие традиционной китайской философии от классической европейской философии. Как указывает Чжан Цзайлинь, китайская философия сводится к структуре тело – пол – семья (Чжоу И), в то время как европейская философия основывается на структуре сознание – категория – Вселенная (И. Кант) [16, с. 114]. Таким образом, онтологический статус в традиционной китайской философии имеет тело, в классической европейской философии – сознание. Различие позиций данных традиций философствования отражают следующие выражения: «Приведи в порядок тело – и жизнь сразу же начнется» (安身立命) и «Я мыслю, следовательно, я существую».

Чжан Цзайлинь отметил, что в китайской философии тело воплощает изначальное единство смешанной природы души и тела, внутреннего и внешнего мира [17, с. 28]. Кроме того, ученый проанализировал онтологический статус тела в традиционной китайской философии с точки зрения трех аспектов: космологии, этики и религиозных воззрений. Он обнаружил, что философский текст «Чжоу и» является космологической теорией тела, потому что она рассматривает всю Вселенную как воплощение человеческого тела. Например, взаимодействие мужчины и женщины – это концепция изначального жизненного механизма Вселенной и времени пути Вселенной [18, с. 11]. Данный антропоморфный подход, характерный как для восточной, так и для западной мифологии, сыграл важную роль в развитии китайской философии, поскольку с помощью него Вселенная стала пониматься с опорой на идею единства неба и человека.

Рассматривая тело как основу социальной этики, Чжан Цзайлинь пришел к выводу о том, что ее прототипом являлась диалогическая этика, которая воплощалась в ритуале поклонов, требующих тренировки тела [19, с. 64]. Ученый доказал, что фактором, предопределившим специфику древнекитайских религий, выступает разум в его единстве с чувством, что обусловлено пониманием тела как целостного организма. Чжан Цзайлинь считал, что древнекитайская религия чувственного поклонения свела Богочеловеческую связь ко взаимодействию мужчины и женщины, в ходе чего примитивные мифы трансформировались в древние религии. Они основаны на открытии священности времени как формы протекания процессов, восприятие которого указывает каждому человеку реалистичный и осуществимый способ войти во внутреннюю трансцендентность времени жизни тела. По мнению исследователя, в центре древнекитайских религий находится категория священности тела как инструмента для диалога между богами и людьми [20, с. 28].

Таким образом, Чжан Цзайлинь считает, что люди, помимо плоти и крови, обладают «разумом, духом и Богом», т. е. сочетают в себе «небо, землю и все сущее... уже на биохимическом уровне» (цит. по [21, с. 239]). Тело для него – феноменология с гендерным различием и диалогическим мышлением. Можно заключить, что в китайской философии тело – это не только биологический организм, но и внутреннее Я, связанное со Вселенной посредством эмоций.

Следует отметить, что в ряде направлений постклассической европейской философии китайская традиция философствования относительно телесности человеческого культурного бытия обрела поддержку и развитие. Так, детерминированность культуры телесными свойствами человека, обоснованная

в феноменологии, постмодернизме и конструктивизме, усовершенствовала методологическую оптику, необходимую для рассмотрения субъектности тела как единства плоти и мышления – важнейшей характеристики традиционной китайской философии.

В истории европейской философии выделяются четыре основных подхода к проблеме понимания человеческой телесности. Первый подход отражен в работах З. Фрейда и его последователей и связан с идеей о первичности тела, выступающего основой человеческой психики. Представители второго подхода, в частности М. Шелер, отстаивают примат души над телом, рассматривая тело как оболочку для души, придающей человеку особую значимость. Третий подход к проблеме телесности соотносится с дуализмом души и тела, который наиболее ярко выражен в исследованиях Б. Спинозы, считавшего, что душа и тело являются отдельными, но взаимодействующими сущностями. Четвертый подход, характерный для постклассического европейского философствования, базируется на убеждении о том, что ни душа, ни тело не обладают полной самостоятельностью: тело одухотворено, а душа телесна.

К концу XX в., после выхода работ М. Мерло-Понти, М. Фуко и других европейских философов, рациональному субъекту классической философии был противопоставлен цельный человек, и тело превратилось из объекта умаления и контроля в основу человеческого существования. Благодаря феноменологической и постмодернистской философии концепт тела приобрел беспрецедентное идеологическое и историческое значение, проникнув во все области социально-гуманитарного знания и породив различные интеллектуальные нарративы: феноменологию тела, психологию тела, политологию тела, социологию тела, антропологию тела, морфологию тела, эстетику тела и т. д.

В процессе переосмысления дуализма европейской философии было введено понятие человеческой телесности, которое, в отличие от понятия тела, не имеет исключительно физико-биологической коннотации. Телесность – это социокультурный феномен. Она представляет собой неосознанный пласт человеческого опыта, предшествующий рациональному мышлению и недоступный для рефлексивного анализа. Как отмечает М. Мерло-Понти, телесность выступает в качестве системы возможных действий, феноменального тела, местоположение которого обусловлено задачей и ситуацией. М. Фуко рассматривает понятие телесности в контексте определения общества как продукта исторически выработанных взаимосвязанных социальных и телесных практик. По его мнению, телесность является средоточием двух форм терапевтической политики – анатомополитики человеческого тела и биополитики населения. С точки зрения Ж. Делёза и Ф. Гваттари, телесность – это тело без органов, которое постоянно разрушается орга-

низмом. Для Ж.-Ф. Лиотара телесность связана с либидинальным желанием и безличностью³.

Дихотомия души и тела, характерная для классической мысли, остается препятствием для целостного понимания человеческого опыта. Однако благодаря вышеперечисленным мыслителям фундаментальным концептом постклассической европейской философии, направленным на преодоление таких традиционных метафизических ориентиров, как разделение субъекта и объекта, представление о едином центре репрезентации и безоговорочное превосходство гносеологии, стала именно телесность. Она является полем для взаимодействия внутреннего и внешнего жизненных пространств человека и служит комплексной характеристикой его существования.

Исследование человеческой телесности становится все более актуальным в контексте современных научных и социальных достижений. Оно требует использования междисциплинарного подхода, в том числе учета философского, биологического и соци-

ального аспектов. Помимо приведенных взглядов философов, существует множество точек зрения на телесность в контексте ее взаимосвязи с различными феноменами (например, телесность и гендер тела в разных социальных и культурных условиях, телесность и сексуальные практики, телесность и расовая идентичность, телесность и инвалидность, телесность и медицина, телесность и спорт). Телесность, как мультидисциплинарное явление, способствует целостному пониманию человеческого опыта, позволяет принимать более обоснованные решения в области здравоохранения и социальной политики, а также создавать инклюзивную окружающую среду.

Таким образом, исследования понятия тела в европейской философии не могли не привлечь внимания китайских ученых. В результате произошла актуализация китайской философии тела, что связано с разработкой понятия телесности в постклассической европейской философии.

Библиографические ссылки

1. 峰季晓. 论梅洛庞蒂的身体现象学对身心二元论的突破. 东南学术研究. 2010;2:154–162 = Цзи Сяофэн. О прорыве феноменологии тела Мело Понти к дуализму тела и разума. *Юго-Восточные академические исследования*. 2010;2:154–162.
2. 柏拉图. 斐多篇. 杨杨, 翻译者. 沈阳: 辽宁人民出版社; 2000. 98 页 = Платон. *Федон*. Ян Цзянь, переводчик. Шэньян: Ляонинское народное издательство; 2000. 98 с.
3. 尼采弗里德里希. 权力意志: 重估一切价值的尝试. 东张念, 心凌素, 翻译人员. 北京: 中央编译出版社; 2000. 433 页 = Ницше Ф. *Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей*. Чжан Няньдун, Лин Сусинь, переводчики. Пекин: Центральное издательство компиляции и перевода; 2000. 433 с.
4. 文军. 身体意识的觉醒: 西方身体社会学理论的发展及其反思. 华东师范大学学报. 2008;6:73–81 = Вэнь Цзюнь. Пробуждение телесного сознания: развитие западной теории социологии тела и ее отражение. *Журнал Восточно-китайского педагогического университета*. 2008;6:73–81.
5. 吴锐. 行为艺术中的身体意识浅谈以何云昌为例. 大众文艺. 2018;17:237–238 = У Жуй. Краткая дискуссия о телесном сознании в исполнительском искусстве на примере Хэ Юньчана. *Популярная литература и искусство*. 2018;17:237–238.
6. 吕俊莉. 身体哲学视域下的中西体育思想比较研究. 体育与科学. 2015;5:84–89 = Лу Цзюньли. Сравнительное исследование спортивного мышления в Китае и западных странах с точки зрения философии тела. *Спорт и наука*. 2015;5:84–89.
7. 刘翔. 商周古文字读本. 语文出版社; 1989. 420 页 = Лю Сян. *Древние тексты династий Шан и Чжоу*. Пекин: Издательство языков и культур; 1989. 420 с.
8. 肖学周. 在抑制与发现之间: 中国人的身体观念引论. 湖南文理学院学报. 2005;4:69–72 = Сяо Сюэчжоу. Между подавлением и открытием: введение в китайскую концепцию тела. *Журнал Хунаньского колледжа искусств и наук*. 2005;4:69–72.
9. 章黎明. 文化人类学视野中的身体与性研究. 北京: 中国书籍出版社; 2013. 214 页 = Чжан Лимин. *Исследование тела и сексуальности с точки зрения культурной антропологии*. Пекин: Китайское книжное издательство; 2013. 214 с.
10. 夫卡普拉美] 弗里乔. 转折点: 科学, 社会, 兴起中的新文化. 卫飒英, 南李思, 翻译人员. 成都: 四川科学技术出版社; 1988. 438 页 = Капра Ф. *Переломный момент: наука, общество и восходящая культура*. Вэй Шаинг, Ли Синань, переводчики. Чэнду: Сычуаньское издательство науки и техники; 1988. 438 с.
11. 汤浅泰雄. 灵肉探微: 神秘的东方身心观. 北京: 中国友谊; 1990. 202 页 = Ясуо Юаса. *Исследование души и плоти: таинственный восточный взгляд на тело и разум*. Пекин: Дружба с Китаем; 1990. 202 с.
12. 杨儒宾. 中国古代思想中的气论及身体观. 台北: 巨流; 1993. 589 页 = Ян Рубин. *Теория ци и взгляд на тело в древнекитайской мысли*. Тайбэй: Джулиу; 1993. 589 с.
13. 清良李. 中国身体观与中国问题 (兼评周与沉《身体: 思想与修行》). 哲学动态. 2006;5:21–27 = Ли Цинлян. Китайский взгляд на тело и китайские проблемы (комментарий к книге Чжоу Шэня «Тело: мысль и практика»). *Философские течения*. 2006;5:21–27.
14. 李重. 身体的澄明之途: 对西方哲学中的身体性问题的思考. 西安交通大学学报. 2006;5:76–82 = Ли Чонг. О свете тела: размышления о проблеме телесности в западной философии. *Журнал Синьского университета Цзяотун*. 2006;5:76–82.
15. 张再林, 张慧敏. 即身而道在: 中国古代身体哲学与马克思主义哲学的对话. 青海社会科学. 2018;2:65–73 = Чжан Цзайлинь, Чжан Хуэйминь. О теле: диалог между древнекитайской философией тела и марксистской философией. *Общественные науки Цинхая*. 2018;2:65–73.

³Телесность // Словари онлайн : портал. URL: <https://rus-new-philosophia-enc.slovaronline.com/413-%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D1%81%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C?ysclid=m1uhhxp3b93107779> (дата обращения: 04.02.2024).

16. 郑文超. 身体哲学: 中国古代哲学的再生性书写 (张再林教授学术访谈录). 西安政治学院学报. 2009;1:114–118 = Чжэн Вэнь-чао. Философия тела: письмо о регенерации в древнекитайской философии (академическое интервью с профессором Чжан Цзайлинем). Журнал Сианьского политического института. 2009;1:114–118.
17. 张再林. 作为身体哲学的中国古代哲学. 人文杂志. 2005;2:28–31 = Чжан Цзайлинь. Древнекитайская философия как философия тела. Журнал гуманитарных наук. 2005;2:28–31.
18. 张再林. 中国古代宇宙论的身体性. 西北大学学报 (哲学社会科学版). 2006;4:10–17 = Чжан Цзайлинь. Материальность древнекитайской космологии. Журнал Северо-Западного университета (издание по философии и социальным наукам). 2006;4:10–17.
19. 张再林. 中国古代伦理学的身体性. 陕西师范大学学报 (哲学社会科学版). 2006;5:63–71 = Чжан Цзайлинь. Материальность древнекитайской этики. Журнал Шэньсийского педагогического университета (издание по философии и социальным наукам). 2006;5:63–71.
20. 张再林. 中国古代宗教观的身体性. 人文杂志. 2006;6:28–35 = Чжан Цзайлинь. Материальность древнекитайских религиозных воззрений. Журнал гуманитарных наук. 2006;6:28–35.
21. 杜维明. 文明的冲突与对话. 长沙: 湖南大学出版社; 2001. 239 页 = Ду Вейминг. Конфликт и диалог цивилизаций. Чанша: Издательство Хунаньского университета; 2001. 239 с.

References

1. Ji Xiaofeng. [Merleau-Ponty's phenomenology of the body making a breakthrough in mind-body dualism]. *Dongnan xueshu yanjiu*. 2010;2:154–162. Chinese.
2. Plato. *Feiduopian* [Phaedo]. Yang Jiang, translator. Shenyang: Liaoning People's Publishing House; 2000. 98 p. Chinese.
3. Nietzsche F. *Quanli yizhi: zhong gu yiqie jiazhi de chang* [The will to power: an attempted transvaluation of all values]. Zhang Niandong, Lin Suxin, translators. Beijing: Central Compilation & Translation Press; 2000. 433 p. Chinese.
4. Wen Jun. [The awakening of body consciousness: the development and reflection of the Western body sociology theory]. *Journal of East China Normal University*. 2008;6:73–81. Chinese.
5. Wu Rui. [A brief discussion on body consciousness in performance art with He Yunchang as an example]. *Dazhong wenyi*. 2018;17:237–238. Chinese.
6. Lu Junli. [A comparative study of sport thoughts in China and the Western countries from the perspective of body philosophy]. *Tiyu yu kexue*. 2015;5:84–89. Chinese.
7. Liu Xiang. *Shang zhou guwenzi duben* [Ancient texts of the Shang and Zhou dynasties]. Beijing: Languages and Cultures Publishing House; 1989. 420 p. Chinese.
8. Xiao Xuezhou. [Between suppression and discovery: an introduction to the Chinese concept of the body]. *Journal of Hunan University of Arts and Science*. 2005;4:69–72. Chinese.
9. Zhang Liming. *Wenhua renlei xue shiye zhong de shenti yu xing yanjiu* [Research on body and sex from the perspective of cultural anthropology]. Beijing: Chinese Book Publishing House; 2013. 214 p. Chinese.
10. Capra F. *Zhuanzhedian: kexue, shehui, xingqi zhong de xin wenhua* [The turning point: science, society, and the rising culture]. Wei Shaying, Li Sinan, translators. Chengdu: Sichuan Publishing House of Science and Technology; 1988. 438 p. Chinese.
11. Yasuo Yuasa. *Ling rou tan wei: shenmi de dongfang shenxin guan* [Exploring the soul and the flesh: a mysterious oriental view of the body and mind]. Beijing: China Friendship; 1990. 202 p. Chinese.
12. Yang Rubin. *Zhongguo gudai sixiang zhong de qi lun ji shenti guan* [The theory of qi and the view of the body in ancient Chinese thought]. Taipei: Juliu; 1993. 589 p. Chinese.
13. Li Cinlian. [Chinese viewpoint of the body and Chinese problems (commentary on Zhou Yuchen's book «The body: thought and practice»). *Zhexue dongtai*. 2006;5:21–27. Chinese.
14. Li Zhong. [On the light of body: reflections on the problem of corporeality in the Western philosophy]. *Journal of Xi'an Jiaotong University*. 2006;5:76–82. Chinese.
15. Zhang Zailin, Zhang Huimin. [Being in the body: dialogue between ancient Chinese philosophy of the body and Marxist philosophy]. *Qinghai shehui kexue*. 2018;2:65–73. Chinese.
16. Zheng Wenchao. [Human body philosophy: the writing of regeneration in Chinese ancient philosophy (interview with professor Zhang Zailin)]. *Journal of Xi'an Politics Institute*. 2009;1:114–118. Chinese.
17. Zhang Zailin. [Traditional Chinese philosophy as the philosophy of the body]. *Journal of Humanities*. 2005;2:28–31. Chinese.
18. Zhang Zailin. [The materiality of ancient Chinese cosmology]. *Journal of Northwest University (Philosophy and Social Sciences Edition)*. 2006;4:10–17. Chinese.
19. Zhang Zailin. [The materiality of ancient Chinese ethics]. *Journal of Shaanxi Normal University (Philosophy and Social Sciences Edition)*. 2006;5:63–71. Chinese.
20. Zhang Zailin. [The materiality of ancient Chinese religious beliefs]. *The Journal of Humanities*. 2006;6:28–35. Chinese.
21. Du Weiming. *Wenming de chongtu yu duihua* [Clash of civilisations and dialogue]. Changsha: Hunan University Press; 2001. 239 p. Chinese.

УДК 316.4 + 316.7

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА И КУЛЬТУРЫ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ

И. Н. КОЛЯДКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Проанализированы важнейшие аспекты цифровой трансформации общества и культуры в условиях создания единого коммуникационного пространства. Установлено, что система мировоззренческих универсалий претерпевает существенные изменения под воздействием современных информационно-коммуникационных технологий. Подчеркнута мысль о том, что формирующиеся образы реальности определяют различное видение одних и тех же фактов. Выявлено, что событийность медиареальности позволяет конструировать желаемые представления о мире, воспроизводя поддерживаемые средствами массовой информации стереотипы мышления, поведения и деятельности. Рассмотрен вызов, возникший в процессе цифровой трансформации общества и культуры, который предполагает использование современных информационно-коммуникационных и медийных технологий в целях манипулирования коллективным и индивидуальным сознанием. Раскрыт аналитический потенциал философской рефлексии как средства рациональной экспликации картины мира, соответствующей реальности, в периоды преобразования основ общества и культуры. Определены прогностический потенциал философии и ее роль в конституировании социального порядка и стабильности.

Ключевые слова: цифровая трансформация общества и культуры; мировоззренческие универсалии; современные медийные технологии; мозаичная культура; медиареальность.

Образец цитирования:

Колядко И.Н. Цифровая трансформация общества и культуры: особенности формирования медиареальности. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2024;3:23–28.
EDN: HHWKNV

For citation:

Kolyadko IN. Digital transformation of society and culture: features of the formation of media reality. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2024; 3:23–28. Russian.
EDN: HHWKNV

Автор:

Илья Николаевич Колядко – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Author:

Ilya N. Kolyadko, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
kaliadka@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0003-4177-6617>

DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY AND CULTURE: FEATURES OF THE FORMATION OF MEDIA REALITY

I. N. KOLYADKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article analyses the most important aspects of digital transformation of society and culture in the conditions of creating a unified communication space. It is established that the system of worldview universals undergoes significant changes under the influence of modern information and communication technologies. The idea that the emerging world pictures and images of reality determine a different vision of the same facts is emphasised. It is revealed that the event-based nature of media reality allows constructing desired perceptions of the world by reproducing stereotypes of thinking, behaviour and activity supported by mass media. The challenge arising in the process of digital transformation of society and culture, which implies the use of modern information and communication technologies and media technologies to manipulate collective and individual consciousness, is considered. The analytical potential of philosophical reflexion as a means of rational explication of the world picture adequate to reality in the periods of transformation of the foundations of society and culture is revealed. The analytical potential of philosophy and its role in the constitution of social order and stability are defined.

Keywords: digital transformation of society and culture; ideological universals; modern media technologies; mosaic culture; media reality.

Введение

В условиях становления информационного типа современного общества его характер существенно изменяется. Данный процесс выстраивается в направлении конфронтации локальных социокультурных систем по вопросу о статусе культурной, этнонациональной и политической субъектности. Формирующееся единое коммуникационное пространство привносит альтернативные образы реальности практически в каждую культуру и радикально изменяет традиционные модели мышления и поведения людей, что нередко становится причиной фрагментации общества в целом и отдельных социальных групп в частности на большое количество слабо интегрированных объединений, имеющих различные критерии культурной идентификации. Эти перемены выступают в качестве фактора глобального кризиса культуры, характеризующегося прежде всего модификацией ее основ.

Ситуацию существенно усугубляют перманентные социальные преобразования, в результате которых под воздействием современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) развиваются новые формы коллективной и индивидуальной идентичности. Влияние цифровизации на важные компоненты культуры не только делает жизнь человека более комфортной и безопасной, «но и инициирует возникновение кризиса идентичности, а также ставит мировоззренческие проблемы, связанные с появлением феномена современной мозаичной культуры и возрастанием значимости медийных технологий в конструи-

ровании идентичности субъекта» [1, с. 196]. Главную роль в оценке, осмыслении и интерпретации происходящих изменений играет философия, поскольку именно она определяет и моделирует будущее состояние культуры, ориентируя членов общества на сохранение подлинно человеческой идентичности в условиях интенсификации процессов цифровизации [1, с. 196]. В данных обстоятельствах речь может идти о формировании социальной реальности как символически конструируемого пространства, в котором идеологический компонент выражен в виде неявного знания. Язык, как средство репрезентации культурного кода, становится механизмом реализации властеотношений, направленных на достижение согласия по поводу ключевых аксиологических ориентаций социума.

Актуальность настоящего исследования состоит в определении рисков и вызовов цифровизации путем выявления функционального статуса новых медийных технологий в создании единого коммуникационного пространства как фактора изменения современного общества и культуры. Особое внимание уделяется параметризации социально-антропологических и социокультурных последствий цифровизации и роли медийных технологий в формировании противостоящих друг другу картин мира. В связи с этим раскрывается аналитический и прогностический потенциал философской рефлексии в периоды изменения социума и культуры, обосновывается ее значение в конституировании социального порядка и стабильности.

Результаты и их обсуждение

Процессы, происходящие в современной культуре, все чаще характеризуются как кризисные, сопровождающиеся модификацией ее основ – миро-

воззренческих универсалий, которые закрепляют и воспроизводят глубинные смыслы бытия на конкретном этапе развития человечества. Как отмечает

В. С. Стёпин, «преобразование базисных смыслов универсалий культуры и, соответственно, изменение типа культуры всегда связаны с переломными этапами человеческой истории, ибо означают трансформацию не только образа человеческого мира, но и продуцируемых им типов личности, их отношения к действительности, их ценностных ориентаций» [2, с. 64]. В ситуации, когда мировоззренческие универсалии не позволяют ассимилировать новый социальный опыт, включать его в существующую культурную традицию и передавать от поколения к поколению, их изменение является необходимым условием перехода к новому типу цивилизационного развития.

Следует отметить, что содержание универсалий культуры достаточно сложно структурировано. В нем можно выделить три уровня смыслов. Первый уровень включает в себя существенные отличия человека от животного, которые являются инвариантом различных культур и образуют человеческое сознание. Второй уровень представляет специфику культуры определенного типа общества, выражающую способы общения и деятельности людей, хранения и передачи ими социального опыта, а также принятую шкалу ценностей. На третьем уровне находится конкретизация особенных компонентов универсалий культур в многообразии коллективного и индивидуального мировосприятия [2, с. 54]. Транслируя накопленный социально значимый опыт, универсалии культуры выступают в качестве глубинных программ, предопределяющих воспроизводство форм и видов поведения и деятельности, характерных для того или иного типа социальной организации. Следовательно, динамика развития конкретной культуры обусловлена динамикой реинтерпретации мировоззренческих универсалий [3, с. 110].

Переосмысление устоявшихся универсалий культуры происходит в периоды социокультурных трансформаций, когда исторически сложившаяся категориальная модель мира становится нежизнеспособной [2, с. 190]. Обозначая одно из условий конструктивности переустройства общества, В. С. Стёпин указывает на то, что в периоды фазовых переходов «в самых различных сферах культуры происходит интенсивная переоценка ценностей, смыслов мировоззренческих универсалий, ранее казавшихся очевидными и само собой разумеющимися, которые уже исчерпали свои возможности в качестве глубинных программ человеческой жизнедеятельности» [4, с. 76]. Так, при акцентировании конструктивных аспектов кризисных этапов социодинамики речь идет прежде всего о том, что преобразованию подвергаются смыслы универсалий культуры, переставшие отвечать актуальным социальным запросам и потребностям, а также «обеспечивать воспроизводство, генерацию и сцепление необходимых обществу видов деятельности, поведения и общения» [4, с. 75].

На современном этапе развития общества культура переходит на стадию цифровой трансформации, в процессе которой с помощью медийных технологий, основанных на больших данных и заменяющих реальность, создается единое коммуникационное пространство. Важнейшей чертой такой культуры становится событийность, выступающая условием появления конструируемой реальности – реальности, моделирующейся из совокупности определенным образом интерпретируемых объективных фактов. Такие реальности содержат в себе конкретные картины мира, эксплицирующие отношение субъекта к тем или иным феноменам, что позволяет говорить об их манипулятивном характере. Воздействуя на различные уровни смыслов мировоззренческих универсалий, современные медийные технологии влияют на изменение «не только образа человеческого мира, но и продуцируемых им типов личности, их отношения к действительности и ценностных ориентаций» [2, с. 64]. Данные модификации затрагивают именно социальную коммуникацию, поскольку в этой сфере осуществляются трансляция закреплённых традицией смыслов универсалий культуры и воспроизводство социально значимых ценностей. В. В. Миронов подчеркивает, что коммуникация является «не фоном, фиксирующим события, а своеобразным стержнем современной культуры, подчиняет и формирует особенности восприятия информации, а значит, оказывает влияние на механизмы смыслообразования» [5, с. 166].

Современная культура становится мозаичной, поскольку инструментом продуцирования знаний и моделей реальности выступают средства массовой информации [6, с. 45]. По мнению А. Моля, именно СМИ создают «войлочный экран знаний», заменяющий упорядоченный «сетчатый экран знаний» гуманитарной культуры, квинтэссенцией которой представляется система образования. Вызовом, возникшим в процессе цифровизации общества и культуры, является использование современных ИКТ и медийных технологий в целях осуществления манипуляций коллективным и индивидуальным сознанием. В данном случае можно говорить о формировании нового типа тоталитаризма – цифрового: «...глобальная цифровая пещера может выступить моделью нового тоталитарного общества. При внешне сохраняющейся свободе нажимать кнопки и беседовать в социальных сетях человек все в большей степени передает власть системе, в которой он становится цифровым винтиком или кодом» [7, с. 81].

СМИ выступают главным инструментом для распространения сообщений, воздействующих на общественное сознание. Развитие медийных технологий позволяет стимулировать появление вариантов конструируемой реальности, неотличимых от реальности как таковой, что приводит к проблеме сосуществования множества онтологий, зачастую не связанных с действительностью. В условиях цифровизации общества и культуры проблематизируется

феномен событийности: событием становится не сам факт реальности, а его виртуальная конструкция. При отсутствии медийного освещения объективных фактов они могут никогда не стать событием. Конструируемые реальности различаются в зависимости от социально-политического и социокультурного контекстов, погружая индивида в информационный кластер и формируя у него необходимое отношение к действительности, а также к тем или иным событиям. Происходит «переписывание» реальности, которая становится основой для дальнейшей ценностно и идеологически ангажированной интерпретации. Использование современных медийных технологий в процессе конституирования реальности Дж. Ваттимо называет слабой онтологией, или онтологией ослабления бытия [8]. Таким образом, картина мира формируется не только посредством языка, убеждений того или иного сообщества и реальных предметов, но и посредством цифровых объектов-конструкций. В. Л. Васюков и Е. Н. Шульга отмечают, что «...новая реальность подразумевает ее восприятие через призму информационно-коммуникативной сферы как обширной многомерной территории цифровых систем, взаимодействующих между собой. Ориентируются в ней с помощью связей и смыслов, часто совершенно не совпадающих с теми, которые используют сами пользователи» [9, с. 116].

В разных дискурсах анализируются противоречивые эффекты применения цифровых технологий, в частности ИКТ, появляющиеся на различных социальных уровнях: от преобразования практик общественного взаимодействия до конструирования субъектности и идентичности с помощью медийных технологий. И. А. Асеева утверждает, что «быстрые и кардинальные изменения формата коммуникации и способов сбора и передачи информации, повсеместное распространение специальных приспособлений и высокотехнологичных устройств свидетельствуют о свершившейся цифровой медиареволуции» [10, с. 25]. Так, к социально-антропологическим вызовам, возникшим вследствие глобального внедрения ИКТ и медийных технологий, относятся распространение взаимообмана и манипулирования, появление феномена постправды как новой нормальности, расцвет киберпреступности, когнитивная деградация, девиация когнитивных и коммуникативных практик, утрата навыков и глубины рефлексии и эмпатии, наличие парадоксальных противоречий между потребностью в защите тайны личной жизни и беспрецедентной публичностью, постоянное пребывание в социальных сетях и желание спрятаться в безопасном информационном «коконе», радикализация кризиса межпоколенческих отношений, а также существование зависимости удовлетворенности цифровизацией от возраста, места жительства, доступности цифровых технологий [10, с. 27–28].

Особенностью цифровизации общества выступает возрастающая атомизация социального пространства, которая выражается в делигитимации культурной традиции, дезинтеграции отдельных социальных страт, возникновении множественной идентификации и, как результат, угрозы целостности социальной системы. Фрагментация социума проявляется в таких формах коммуникации, как информационные сети. Развитие современных ИКТ привело к тому, что в первой четверти XXI в. стали доминировать не локальные информационные обмены, а удаленные и опосредованные контакты, которые осуществляются в распределенной коммуникационной среде. Таким образом, одной из характеристик социального пространства выступает фрагментарное сетевое поле, а основанием информационного общества служат сетевые технологии, при помощи которых информация инициирует изменения самой системы. Возникает феномен символического информационного насилия, в пространстве которого появляются и «начинают конкурировать различные “сценарии-видения” одного и того же бытия» [11, с. 38].

Производство информации, культурных и социальных кодов, формирование «новых технологий контроля в условиях отсутствия единой системы ценностно-нормативных инвариантов, подкрепленных авторитетом традиции», создают почву для распространения репрессивных общественных практик в рамках глобальной цифровизации [12, с. 157]. Данные практики могут стать основой для возникновения тоталитаризма нового типа с уникальными возможностями манипуляции сознанием социума в целом и отдельного человека в частности. Тоталитарность может выражаться как в открытой форме (контроль за оцифрованными данными всех пользователей интернета), так и в скрытой форме (субъект, ощущая себя свободным в изложении мыслей в социальных сетях, не осознает степень манипуляции своей личностью). В этом смысле тоталитаризм становится следствием неконтролируемого развития современных ИКТ. Происходит конструирование такой формы контроля, которая осуществляется не извне, а изнутри, посредством самодисциплины. Можно говорить о возникновении идеологического эффекта, когда создаются «некоторые автономные образования осознания, воображающие себя конечной точкой отсчета, а в действительности являющиеся выражением чего-то другого» [13, с. 68]. Контроль как над коллективным, так и над индивидуальным сознанием осуществляется через утверждение беспредпосылочности и универсальности формируемой СМИ реальности, пространство которой, в свою очередь, конституируется и воспроизводится путем распространения постправды как социальной технологии, придающей более важное значение эмоциям и личным убеждениям, а не объективным фактам.

Заключение

Современные ИКТ и медийные технологии играют ключевую роль не только как средство коммуникации, но и как инструмент конституирования картин мира. Амбивалентность данных технологий проявляется в том, что они, предоставляя более широкие возможности для взаимодействия, определяют способы видения и интерпретации фактов социальной реальности. По этой причине ИКТ и медийные технологии выступают в качестве «мягкой идеологии», в основе которой лежит идея ненасильственного принуждения. Субъект социальной коммуникации незаметно для себя подвергается информационному воздействию, в результате которого у него формируется соответствующий образ реальности. В таких условиях

есть вероятность стать жертвой манипуляции, утратить самостоятельность в принятии решений. В связи с этим видится важным задействовать аналитический и прогностический потенциал философской рефлексии: критически оценить и проанализировать, какие смыслы и ценности транслируются СМИ, какую они преследуют цель и адекватно ли представляют факты и социальную картину мира. Обращение к философии позволяет предотвратить воздействие репрессивных практик на субъекта социальной коммуникации, сформировать базирующийся на рациональных началах образ реальности, а также выстраивать и обосновывать конструктивные варианты развития переходных и модернизирующихся социумов.

Библиографические ссылки

1. Колядко ИН. Цифровизация культуры: «вызовы» и риски современной медиареальности. В: Пинчук ИВ, редактор. *Современная урбанистика: социальное благополучие и цифровая трансформация города. Сборник материалов Международной научно-практической конференции*; 30 ноября 2023 г.; Минск, Беларусь. Минск: БГУ; 2024. с. 192–197.
2. Стёпин ВС. *Философская антропология и философия культуры*. Москва: Академический проект; 2015. 542 с. (Философские технологии). Совместно с издательством «Альма-матер».
3. Колядко ИН. Цифровая трансформация культуры: особенности конструирования медиареальности. В: Лапте́нок АС, редактор. *Философия и общество в эпоху социальной турбулентности. Сборник научных статей и материалов XVII междисциплинарного научно-теоретического семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии»*; 23 ноября 2023 г.; Минск, Беларусь. Минск: БГУ; 2023. с. 108–113.
4. Стёпин ВС. *Цивилизация и культура*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов; 2011. 407 с. (Классика гуманитарной мысли; выпуск 3).
5. Миронов ВВ. *Метафизика не умирает*. Москва: РГ-пресс; 2020. Трансформация экономики, политики и права в условиях глобализации; с. 152–168.
6. Моль А. *Социодинамика культуры*. Бирюков БВ, Зарипов РХ, Плотников СН, редакторы. Москва: Прогресс; 1973. 405 с.
7. Миронов ВВ. *Метафизика не умирает*. Москва: РГ-пресс; 2020. Платон и современная пещера big data; с. 62–83.
8. Vattimo G. *Della realtà: fini della filosofia*. Milano: Garzanti; 2012. 231 p.
9. Васюков ВЛ, Шульга ЕН. Цифровая онтология и цифровая герменевтика. *Вопросы философии*. 2024;4:116–125. DOI: 10.21146/0042-8744-2024-4-116-125.
10. Асеева ИА. Кривое зеркало цифровизации. *Вопросы философии*. 2024;2:25–33. DOI: 10.21146/0042-8744-2024-2-25-33.
11. Сидоренко ИН. *Философия насилия: от метафоры к концепту*. Минск: БГУ; 2017. 175 с.
12. Колядко ИН. Культурная традиция и кризис легитимации в развитии социальной системы: рецепция метамодерна. *Труды БГТУ. Серия 6, История, философия*. 2021;1:155–160. DOI: 10.52065/2520-6885-2021-245-1-155-160.
13. Мамардашвили МК. *Классический и неклассический идеалы рациональности*. Санкт-Петербург: Азбука-аттикус; 2010. 288 с.

References

1. Kolyadko IN. Digitization of culture: «challenges» and risks of modern media reality. In: Pinchuk IV, editor. *Sovremennaya urbanistika: sotsial'noe blagopoluchie i tsifrovaya transformatsiya goroda. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*; 30 noyabrya 2023 g.; Minsk, Belarus' [Modern urbanistics: social well-being and digital transformation of the city. Proceedings of the International scientific and practical conference; 2023 November 30; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2024. p. 192–197. Russian.
2. Stepin VS. *Filosofskaya antropologiya i filosofiya kul'tury* [Philosophical anthropology and philosophy of culture]. Moscow: Akademicheskii proekt; 2015. 542 p. (Filosofskie tekhnologii). Co-published by the «Alma Mater». Russian.
3. Kolyadko IN. Digital transformation of culture: features of media reality construction. In: Laptenok AS, editor. *Filosofiya i obshchestvo v epokhu sotsial'noi turbulentnosti. Sbornik nauchnykh statei i materialov XVII mezhdistsiplinarnogo nauchno-teoreticheskogo seminar «Innovatsionnye strategii v sovremennoi sotsial'noi filosofii»*; 23 noyabrya 2023 g.; Minsk, Belarus' [Philosophy and society in the age of social turbulence. Collection of scientific articles and proceedings of the 17th interdisciplinary scientific-theoretical seminar «Innovative strategies in contemporary social philosophy»]; 2023 November 23; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2024. p. 108–113. Russian.
4. Stepin VS. *Tsivilizatsiya i kul'tura* [Civilisation and culture]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences; 2011. 407 p. (Klassika gumanitarnoi mysli; issue 3). Russian.

5. Mironov VV. *Metafizika ne umiraet* [Metaphysics does not die]. Moscow: RG-press; 2020. [Transformation of economics, politics and law in the context of globalisation]; p. 152–168. Russian.
6. Moles A. *Sociodynamics of culture*. Biryukov BV, Zaripov RK, Plotnikov SN, editors. Moscow: Progress; 1973. 405 p. Russian.
7. Mironov VV. *Metafizika ne umiraet* [Metaphysics does not die]. Moscow: RG-press; 2020. [Plato and the modern big data cave]; p. 62–83. Russian.
8. Vattimo G. *Della realtà: fini della filosofia*. Milano: Garzanti; 2012. 231 p.
9. Vasukov VL, Shulga EN. Digital ontology and digital hermeneutics. *Voprosy filosofii*. 2024;4:116–125. Russian. DOI: 10.21146/0042-8744-2024-4-116-125.
10. Aseeva IA. The crooked mirror of digitalization. *Voprosy filosofii*. 2024;2:25–33. Russian. DOI: 10.21146/0042-8744-2024-2-25-33.
11. Sidorenko IN. *Filosofiya nasiliya: ot metafory k kontseptu* [Philosophy of violence: from metaphor to concept]. Minsk: Belarusian State University; 2017. 175 p. Russian.
12. Kolyadko IN. Cultural tradition and the crisis of legitimation in the development of the social system: reception of metamodern. *Proceedings of BSTU. Issue 6, History, Philosophy*. 2021;1:155–160. Russian. DOI: 10.52065/2520-6885-2021-245-1-155-160.
13. Mamardashvili MK. *Klassicheskii i neklassicheskii idealy ratsional'nosti* [Classical and non-classical ideals of rationality]. Saint Petersburg: Azbuka-attikus; 2010. 288 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 21.07.2024.
Received by editorial board 21.07.2024.

СЕТЕВАЯ ЭКОНОМИКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ

Д. А. МОЗАЛЕВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Проанализирована сущность сетевой экономики в контексте глобальной цифровизации общества. Представлены основные подходы к осмыслению данного феномена. Выявлены преимущества и недостатки сетевой модели управления экономической деятельностью. Обозначены такие специфические свойства сетевой структуры, как самовоспроизводимость, взаимозависимость элементов сети, полицентричность, нелинейность и др. Рассмотрена реализация сетевого управления, в том числе в действующих программах социально-экономического развития Республики Беларусь.

Ключевые слова: сетевая экономика; сетевая структура; цифровизация; формы организации экономической деятельности; кластеризация; человекоцентричность.

NETWORK ECONOMY IN THE CONTEXT OF DIGITALISATION OF SOCIETY: APPROACHES TO DEFINITION AND FEATURES OF DEVELOPMENT

Д. А. MOZALEVSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The essence of the network economy in the context of global digitalisation of society is analysed. The main approaches to understanding this phenomenon are presented. The advantages and disadvantages of network management of economic activity are revealed. Such specific properties of the network structure as self-reproducibility, interdependence of network elements, polycentricity, non-linearity, etc., are indicated. The implementation of network management, including in the current programmes of socio-economic development of the Republic of Belarus, is considered.

Keywords: network economy; network structure; digitalisation; forms of organisation of economic activity; clustering; human-centricity.

Введение

Увеличение количества преобразований информационного характера в обществе, а также появление и распространение интернета и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) значительно

изменяют привычные формы социальных практик и сферы жизни общества (экономическую, политическую, культурную). В условиях развития сетевой формы социального взаимодействия, продолжающей

Образец цитирования:

Мозалевская ДА. Сетевая экономика в условиях цифровизации общества: подходы к определению и особенности развития. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2024;3:29–34. EDN: SNLULN

For citation:

Mozalevskaya DA. Network economy in the context of digitalisation of society: approaches to definition and features of development. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2024;3:29–34. Russian. EDN: SNLULN

Автор:

Даниэла Андреевна Мозалевская – аспирантка кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент Д. Г. Доброродный.

Author:

Daniela A. Mozalevskaya, postgraduate student at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
daniela_mozalevskaya@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0896-597X>

ся модернизации мирового сообщества обостряется проблема поиска наиболее эффективных и гибких подходов к управлению многозадачной экономиче-

ской ситуацией. В связи с этим все больший интерес вызывает становление новой модели экономической деятельности – сетевой экономики.

Подходы к пониманию термина «сетевая экономика»

В докладе, опубликованном Европейской комиссией, сетевая экономика определяется как «...характеристика новой глобальной экономики, в которой доминируют сети, т. е. разнообразные узлы и соединения, в отличие от иерархических и контролируемых иным образом экономик. Обычно означает электронную или цифровую сеть, основанную на инфраструктурах ИКТ и особенно на интернете»¹ (здесь и далее перевод наш. – Д. М.). По мнению российских исследователей С. И. Парина и Т. И. Яковлевой, термин «сетевая экономика» употребляется как синоним терминов «интернет-экономика», «цифровая экономика» и «электронная экономика», поскольку все они подразумевают использование информационных технологий в экономической деятельности².

Сетевая экономика зачастую рассматривается в контексте глобальной экономики. Так, британский экономист П. Мейсон в работе [1] анализирует состояние экономической системы и стремится построить социально справедливый проект глобальной экономики. Он отмечает такие ключевые особенности посткапитализма с точки зрения технологической революции, как уменьшение потребности в работе и автоматизация производства, проблема адекватного ценообразования и информационного изобилия, появление товаров, услуг и организаций, которые не соответствуют традиционной управленческой иерархии.

Современные исследования в области ИКТ привели к формированию глобальной электронной среды для экономической деятельности. Немецкий ученый Р. Вайбер указывает на то, что инновационная информационная база (цифровые и компью-

терные технологии) является фундаментом экономического роста, импульсом экономического развития, особым инструментарием для его достижения становятся сетевые структуры [2]. Подобные тенденции в значительной степени влияют на продвижение сетевой экономики и появление новых экономических форм.

Проанализировав работу М. Кастельса [3], можно сделать вывод о том, что испанский исследователь отождествляет термины «сетевая экономика», «интернет-экономика» и «электронная экономика», несколько сужая понимание сущности самой сетевой экономики. По его мнению, именно интернет преобразует горизонтальную структуру экономической активности. Такой активностью в сфере коммуникации посредством интернета является электронный бизнес, который служит моделью электронной экономики. Формой электронного бизнеса выступает сетевое предприятие, компоненты которого объединяются в одну горизонтально взаимодействующую структуру в рамках работы над конкретным проектом. Благодаря распространению интернета актуализируются определенные организационные принципы сетевого предприятия: интерактивность, масштабируемость, гибкость управления и ориентация на потребителя [3, с. 67–97].

В условиях интенсивного развития ИКТ предложенный вариант понимания сетевой экономики имеет объективные основания для существования. Рассматривая информационные технологии как инструмент формирования сетевой структуры, мы выявили ряд других факторов, определяющих сущность сетевой модели экономической деятельности.

Сетевая модель управления экономической деятельностью: общая характеристика, преимущества и недостатки

Сетевая экономика характеризуется объединением традиционных организационных и информационных ресурсов и технологий. В то же время мы считаем, что происходит изменение принципов формирования сетевой организации и управления ею по сравнению с традиционной координирующей структурой – иерархической моделью управления.

Преимуществами традиционной иерархической модели управления являются контроль на каждом этапе создания стоимости, наличие всех необходимых ресурсов и четкий принцип взаимодействия (делегирование полномочий, субординация). Не-

достатком можно считать потребность в большом количестве средств для обеспечения контроля, что в долгосрочной перспективе означает более низкую прибыльность, низкую административную и кооперативную гибкость (бюрократическая основа снижает эффективность управления и негативно влияет на способность быстро реагировать на изменение состояния внешней среды), а также полную формальную интеграцию. В современных условиях, когда компания нуждается в минимизации издержек, максимизации прибыли и гибком реагировании на запросы клиентов, негативные последствия исполь-

¹Status report on European telework [Electronic resource] // Institute of Networks and Security. URL: <http://www.fim.uni-linz.ac.at/research/telework/tw99.pdf> (date of access: 10.05.2024).

²Парин С. И., Яковлева Т. И. Экономика 21 века на базе интернет-технологий // Информационное общество : сайт. URL: <http://colscy.narod.ru/21vek.htm> (дата обращения: 10.05.2024).

зования иерархической модели управления оказываются более значительными, чем ее преимущества.

Дж. Б. де Лонг, научный сотрудник Национального бюро экономических исследований, и А. М. Фрумкин, специалист по правовым проблемам в сфере интернета, утверждают, что «современные технологии начинают подрывать свойства, которые делают невидимую руку рыночной системы эффективным средством для организации производства и распределения продукции»³. Авторы указывают на экономические преимущества сетевой формы организации бизнеса.

В экономике есть запрос на новые формы экономической деятельности – смешанные. Они основаны на сочетании иерархических и сетевых инструментов регулирования при использовании различных неформальных механизмов обеспечения устойчивости. Сетевая модель экономического взаимодействия может снизить потребность в иерархических управленческих структурах, изменить социальный статус участников экономических отношений и повысить скорость решения вопросов.

Основоположниками подхода, согласно которому сетевая модель впервые была признана организационным решением, считаются Х. Дж. Коулман, Г. Майлз, Р. И. Майлз, Дж. А. Мэттьюз, Ч. С. Сноу [4]. В 1980-х гг. они изучили практику многочисленных компаний и пришли к выводу о том, что межфирменные сети являются новой вехой в эволюции организационных структур. Деятельность данных сетей координируется на основе доверия и обмена информацией, а работа сетевых структур осуществляется преимущественно за счет рыночных механизмов, для функционирования которых используются активы субъектов, обслуживающих различные сферы цепочки потребительской ценности.

Сегодня сформулировано множество определений термина «сетевая структура» (В. Е. Дементьев, П. Зибер, М. Кастельс, М. Райсс, Й. Рюэгг-Штюрм, М. Янг и др.). Например, сетевая структура понимается как «способ взаимодействия предприятий, самостоятельных в правовом, но зависимых в экономическом отношении, осуществляемый по вертикали и/или по горизонтали» [5, с. 92]; «способ интеграции предприятий, то есть их объединение через систему вертикальных и горизонтальных кооперационных соглашений, контрактов, координацию их деятельности и привлечение новых партнеров»⁴; институт, который устанавливает правила взаимодействия и интеграции предприятий, представляющих собой экономические субъекты и разделяющих близкую систему ценностей [6]. Указанные определения схожи в том, что они представляют сетевую структуру как добровольное объединение самостоятельных субъектов, связанных общими целями.

Сетевая структура обладает следующими свойствами:

- самовоспроизводимостью (взаимосвязанность участников и возможность восстановления связей при замене некоторых из них);
- взаимозависимостью элементов сети;
- полицентричностью (возможность сетевого управления без позиции лидера при помощи механизмов координации структуры сети);
- нелинейностью (построение новых сетей, циркуляция новых идей);
- наличием центр-периферийной системы (формирование внутри сети ядра, состоящего из инициаторов притяжения участников для взаимодействия (по мере его развития функции тех, кто находится в ядре, могут переходить к другим участникам сети [7]), а также сетевой периферии и сетевого моста);
- способностью к долгосрочному сотрудничеству.

Сети могут создавать и изменять не противоречащие действующему законодательству правила, которые регулируют совместную деятельность участников. Кроме того, они занимаются сокращением и рационализацией структуры издержек, поскольку позволяют более эффективно использовать объединенные ресурсы (продолжая конкурировать за клиентов, партнеры по сети совместно противостоят производителям продуктов-заменителей, повышают качество обслуживания клиентов и эксплуатируют производственные активы). Также, применяя сетевой подход к взаимодействию с персоналом и конечными клиентами, организация частично страхует себя от рисков бизнес-среды.

Таким образом, сетевая организация – это объединение участников компании, созданное для поддержки экономической деятельности в долгосрочной перспективе на основе конкуренции или кооперации и базирующееся на возможности совместного использования ресурсов членами этой компании. Данные организации за счет большей гибкости, более высокого уровня специализации подразделений и снижения затрат на управление способны обеспечить более эффективное использование ресурсов, чем предприятия с традиционными формами управления.

Помимо преимуществ, у сетевых организаций есть и недостатки. Отсутствие полного административного контроля над всеми членами сети и сотрудничество на основе только взаимной заинтересованности приводят к тому, что правила поведения участников сети могут быть нарушены. Следовательно, необходимо закрепление в сетевом договоре санкций за нарушение данных правил. Кроме того, могут возникнуть трудности при координации, осуществляемой членами сети, поскольку сетевые структуры характеризуются как отношениями сотрудничества, так и отношениями

³ de Long J. B., Froomkin A. M. The next economy? [Electronic resource]. URL: <http://personal.law.miami.edu/~froomkin/articles/newecon.htm> (date of access: 10.04.2024).

⁴ Дементьев В. Е. Особенности разных форм межфирменной интеграции : учебник : в 2 кн. Кн. 1. Экономика / ред.: Д. С. Львов, В. И. Видяпин. М. : ГОУВПО РЭА им. Г. В. Плеханова, 2008. С. 13.

конкуренции (у каждого участника сети наряду с общими целями есть свои бизнес-цели). Также использование сетевой модели управления экономической деятельностью может привести к монополизации рынков, так как благодаря более высокой продуктив-

ности сети, достигаемой за счет синергетического эффекта, ее участники могут вытеснить с рынка конкурентов. По этой причине необходимо уделять больше внимания законодательному регулированию сетевых организаций.

Сетевое управление и его реализация в экономической сфере

В связи с переходом к сетевой экономике в условиях интеграции мирового общества на разных уровнях экономические организации стали изменять свой тип с вертикального бюрократического на горизонтальный сетевой. Появляются новые формы сообществ, основанные на соединении локального опыта и глобального видения, использовании интегрального подхода к деятельности, объединяющей творческую и трудовую сферы. В корпоративном секторе этот тренд проявляется в распространении новых схем управления, а именно *agile*-менеджмента и холакратии. Первый подход является интерактивным и предполагает гибкое управление проектом на протяжении всего его жизненного цикла. По сути, такие проекты должны демонстрировать центральные ценности: доверие, гибкость, самоорганизацию, расширение прав и возможностей для сотрудничества. *Agile*-менеджмент применяется в индустрии информационных технологий, банковском и финансовом секторах, страховании и юридической сфере. Второй подход заключается в децентрализованном и организационном управлении, при котором полномочия распределяются по сети автономных команд (холон). При холакратии основное внимание уделяется созданию общих правил, выявлению индивидуальных ролей, организации малых команд и построению взаимодействия между ними. Подобную систему управления используют такие компании, как «HolacracyOne»⁵, «IGI Partners», «Evolving Organisation», «Zappos», «Кнопка».

Обратим внимание на потенциал создания и развития кластерной системы как разновидности сетевой структуры. Кластер представляет собой совокупность географически локализованных взаимосвязанных компаний, поставщиков оборудования, комплектующих компонентов, специализированных услуг, инфраструктуры, научно-исследовательских институтов, высших учебных заведений или других организаций, дополняющих друг друга и усиливающих конкурентные преимущества отдельных компаний в частности и кластера в целом [8].

Идея кластеров не нова: объединения смежных видов экономической деятельности в определенных местах были известны по крайней мере со времен

А. Маршалла. Однако экономист М. Портер воплотил эту идею в реалиях современной экономики, выделив такие ключевые свойства кластера, как географическая локализация (масштабы кластера могут варьироваться от одного города до страны или даже группы стран), межфирменная взаимосвязь (богатая система специализированных поставщиков и сервисных центров обеспечивает более высокий уровень производительности и инноваций), технологическая взаимосвязанность отраслей (в кластер входят «предприятия готового продукта, поставщики специализированных факторов производства, компонентов, машин, а также сервисных услуг, финансовые институты, производители сопутствующих продуктов» и т. д. [8, с. 5]) [9].

В структуре кластера можно выделить несколько уровней: ядро, в которое входят крупные компании – экспортеры продукции; сеть поставщиков (малые и средние фирмы); организации, обеспечивающие ядро кластера трудовыми и финансовыми ресурсами и инфраструктурой⁶.

Принципиальное отличие кластера от сети состоит в том, что в кластере в целях устойчивого развития объединены различные группы предприятий и потребителей на конкретном сегменте цепи поставщик – производитель знаний – посредник – сборщик – дистрибьютор – покупатель [10, с. 27]. Кластеры обеспечивают взаимозависимость участников сетевой структуры, поддерживают конкурентные преимущества групп связанных между собой отраслей и открытую возможность для внедрения новых стратегий, информации и человеческих ресурсов.

Сегодня, в условиях все более нестабильного геополитического контекста крайне актуальной задачей является формирование устойчивой к внешним воздействиям и конкурентоспособной национальной экономики. Необходимость внедрения в Республике Беларусь кластерных технологий обозначена в ряде государственных программ (Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы⁷, Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы⁸ и др.). В нашей стране имеется потенциал для создания 18 кластерных инициатив,

⁵Минимум начальников – максимум свободы: 5 фактов о бирюзовых компаниях // Про бизнес : портал. URL: <https://probusiness.io/personal/3889-minimum-nachalnikov-maksimum-svobody-5-faktov-o-biryuzovykh-kompaniyakh.html> (дата обращения: 10.05.2024).

⁶Праздничных А. Особые экономические зоны – это не кластеры // Коммерсантъ : электрон. версия газ. 2006. 24 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/660222> (дата обращения: 08.05.2024).

⁷Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы : Указ Президента Респ. Беларусь от 29 июля 2021 г. № 292 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. Минск, 2021.

⁸О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы : Указ Президента Респ. Беларусь от 15 сент. 2021 № 348 // Там же.

а также для развития 8 действующих и 6 формирующихся кластеров⁹. Уже функционируют кластеры в области биотехнологий, фармацевтики, нефтехимии, информационных технологий, приборостроения и электротехники.

Для совершенствования кластеров и создания конкурентоспособной, устойчивой экономики регионов и страны требуется привлечение инвестиций. В этом контексте следует отметить формы взаимодействия «бизнес для бизнеса» (*business-to-business*, B2B) и «бизнес для государства» (*business-to-government*, B2G). Примером первой формы взаимодействия выступает белорусско-китайская платформа сотрудничества бизнеса «B2BY», которая служит площадкой для продвижения инвестиций и торгово-экономических связей индустриального парка «Великий камень»¹⁰. Целью данной платформы является содействие предприятиям – резидентам парка в оптимизации бизнес-моделей и повышении эффективности маркетинга, продвижения при взаимодополняемости онлайн- и офлайн-каналов. В то же время платформа представляет собой источник информирования о продукции и потребностях потенциальных бизнес-партнеров в закупках.

Одним из фундаментальных аспектов устойчивой экономики выступает ориентация на человека. О. Подольский, управляющий директор Центра компетенций по кадрам для цифровой экономики, доцент Института образования Высшей школы экономики, отмечает: «Сегодня важно сфокусироваться на человеке, его ценностях, потребностях и ожиданиях. При внедрении новых технологий нам порой кажется, что они представляют ценность сами по себе, хотя их главная или даже единственная задача – повысить качество жизни людей»¹¹. Руководящим принципом бизнес-моделей, ориентированных на человека (B2B, B2G), является учет интересов общества и его членов, что предполагает использование данных о людях на благо их самих и их сообществ, в свою очередь, внедрение технологий направлено на развитие гуманных ценностей и человеческого капитала. Человекоцентричный подход не только не проти-

воречит целям бизнеса, но и может стимулировать появление идей для создания инноваций и стать полезным для применения системных решений к практическим случаям в экономической сфере.

В настоящий момент активно развивается маркетинг взаимоотношений (*relationship marketing*) – процесс установления, поддержания и улучшения отношений с клиентами компании и другими заинтересованными сторонами [11]. В рамках данного направления акцент делается на стратегии, управлении поставщиками, внутреннем маркетинге, взаимоотношениях в каналах сбыта, а также на формах и методах коммуникации с конечными потребителями. В результате участники бизнес-сети получают такие эффекты, как снижение себестоимости основных видов деятельности и издержек, связанных с влиянием рыночных факторов, рост товарооборота и доли рынка, сокращение циклов выпуска на рынок продукции и создание ценности для потребителей. Интенсификация предпринимательской деятельности способствует возникновению новых форм межорганизационных связей, в том числе предпринимательских сетей [12].

Дополнительный потенциал для развития предпринимательских сетей и человекоцентричного подхода в экономике прослеживается в деятельности людей, занимающихся крафтовым предпринимательством: основателей и владельцев творческих пространств или небольших кофеен по интересам, производителей аутентичных продуктов и услуг и др. Такие предприниматели коммерциализируют творчество, самовыражение и могут стать потенциальными партнерами в рамках межорганизационных сетей. Представители данного сектора бизнеса не всегда являются явно включенными в предпринимательскую сеть, они находятся на сетевой периферии, т. е. выступают своеобразным креативным узлом сети. Предприниматели могут стать частью ядра сети при условии, что новые творческие решения, предлагаемые ими, демонстрируются регулярно, характеризуются надежностью и эффективностью для всей сети [13, с. 29].

Заключение

В условиях глобальной цифровизации происходят изменение и модернизация экономической сферы, все большее распространение получает сетевая форма экономической деятельности. По этой причине возникшую экономическую модель многие эксперты называют сетевой экономикой. Особенность функционирования сетевой экономики заключается не только в использовании современных ИКТ, но и в наличии специфической формы управления производствен-

ной деятельностью. Зачастую под сетевыми организациями понимаются структуры, которые активно внедряют ИКТ на всех уровнях ведения экономической деятельности. Сетевая структура обладает такими свойствами, как децентрализация и расширение горизонтальных связей, самовоспроизводимость, взаимозависимость элементов сетей, нелинейность и, как следствие, высокая скорость адаптации сетей, ориентация на долгосрочное сотрудничество, открытость

⁹ В Беларуси имеется потенциал для создания и развития более 30 кластеров // Министерство экономики Республики Беларусь : сайт. URL: <https://economy.gov.by/ru/news-ru/view/v-belarusi-imeetsja-potentsial-dlja-sozdaniya-i-razvitiya-bolee-30-klasterov> (дата обращения: 09.05.2024).

¹⁰ B2BY – платформа сотрудничества бизнеса // B2BY : сайт. URL: <https://b2by.org> (дата обращения: 10.05.2024).

¹¹ Человека забыли! Станет ли цифровая экономика человекоцентричной? // Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики» : сайт. URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/461510522.html> (дата обращения: 10.05.2024).

информационно-коммуникационных связей. Разнообразием сетевой структуры выступают кластеры. Внедрение кластерных технологий в экономическую сферу является перспективным направлением, что отмечено в ряде действующих государственных программ социально-экономического развития Республики Беларусь. Реализация сетевого подхода отражена в схемах управления экономической деятельностью компаний (*agile*-менеджмент, холакратия), формах

взаимодействия бизнеса (B2B, B2G), направлении работы с клиентами (маркетинг взаимоотношений) и стратегии человекоцентричной экономики. В условиях новых вызовов глобальной экономики сетевая модель управления представляется более конкурентоспособной, гибкой, эффективной и содействует появлению перспективных и взаимовыгодных отношений сотрудничества в межорганизационных сетях.

Библиографические ссылки

1. Мейсон П. *Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему*. Дунаев А, переводчик. Москва: Ад маргинем пресс; 2016. 415 с.
2. Вайбер Р. Эмпирические законы сетевой экономики. *Проблемы теории и практики управления*. 2003;3:82–88.
3. Кастельс М. *Галактика интернет: размышления об интернете, бизнесе и обществе*. Матвеев А, переводчик; Харитонов В, редактор. Екатеринбург: У-фактория; 2004. 327 с. Совместно с издательством «Издательство Гуманитарного университета».
4. Miles RE, Snow ChS, Mathews JA, Miles G, Coleman HJ. Organizing in the knowledge area: anticipating the cellular form. *Academy of Management Executive*. 1997;4:7–20. DOI: 10.5465/ame.1997.9712024836.
5. Зибер П. Управление сетью как ключевая компетенция предприятия. *Проблемы теории и практики управления*. 2000;3:92–96.
6. Райсс М. Границы «безграничных» предприятий: перспективы сетевых организаций. *Проблемы теории и практики управления*. 1997;1:92–97.
7. Ключко МВ. Сетевой подход как инструмент повышения экономической эффективности и конкурентоспособности региона. *Экономика, предпринимательство и право*. 2023;12:6289–6304. DOI: 10.18334/epp.13.12.120197.
8. Раевская ЕА. Кластеры как разновидность сетевой структуры. *Экономические системы*. 2013;1:5–9.
9. Портер М. *Конкуренция*. Москва: Вильямс; 2001. 495 с.
10. Клёсова С, Дранёв Я, редакторы. *Практика экономического развития территорий: опыт ЕС и России*. Москва: Сканрус; 2001. 144 с.
11. Alberico R, Joaquim AC. Relationship marketing and customer retention. A systematic literature review. *Studies in Business and Economics*. 2023;18(3):44–66. DOI: 10.2478/sbe-2023-0044.
12. Николаев МВ, Марактаев АН. Стратегия повышения конкурентоспособности алмазно-бриллиантового комплекса России. *Проблемы современной экономики* [Интернет; процитировано 10 мая 2024 г.]. Доступно по: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=879>.
13. Мозалевская ДА. «Анализ социальных сетей» как исследовательская стратегия социальной динамики. *Педагогическая наука и образование*. 2023;3:27–32.

References

1. Mason P. *Postkapitalizm: putevoditel' po nashemu budushchemu* [Postcapitalism: a guide to our future]. Dunaev A, translator. Moscow: Ad marginem press; 2016. 415 p. Russian.
2. Vayber R. [Empirical laws of the network economy]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*. 2003;3:82–88. Russian.
3. Castells M. *Galaktika internet: razmyshleniya ob internete, biznese i obshchestve* [The Internet galaxy: reflections on the Internet, business and society]. Matveev A, translator; Kharitonov V, editor. Yekaterinburg: U-factoriya; 2004. 327 p. Co-published by the «Humanities University Press». Russian.
4. Miles RE, Snow ChS, Mathews JA, Miles G, Coleman HJ. Organizing in the knowledge area: anticipating the cellular form. *Academy of Management Executive*. 1997;4:7–20. DOI: 10.5465/ame.1997.9712024836.
5. Sieber P. [Network management as a key competence of the enterprise]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*. 2000;3:92–96. Russian.
6. Reiss M. [The boundaries of «limitless» enterprises: perspectives of network organisations]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*. 1997;1:92–97. Russian.
7. Klochko MV. The network approach as a tool for improving the region's economic efficiency and competitiveness. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. 2023;12:6289–6304. Russian. DOI: 10.18334/epp.13.12.120197.
8. Rayevskaya EA. Clusters as a sort of network structure. *Economic Systems*. 2013;1:5–9. Russian.
9. Porter M. *Konkurentsya* [Competition]. Moscow: Williams; 2001. 495 p. Russian.
10. Klesova S, Dranev Ya, editors. *Praktika ekonomicheskogo razvitiya territorii: opyt ES i Rossii* [Practice of economic development of territories: EU and Russian experience]. Moscow: Skanrus; 2001. 144 p. Russian.
11. Alberico R, Joaquim AC. Relationship marketing and customer retention. A systematic literature review. *Studies in Business and Economics*. 2023;18(3):44–66. DOI: 10.2478/sbe-2023-0044.
12. Nikolaev MV, Maraktaev AN. [Strategy for increasing the competitiveness of the diamond complex of Russia]. *Problems of Modern Economics* [Internet; cited 2024 May 10]. Available from: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=879>. Russian.
13. Mozalevskaya DA. Social network analysis as a research strategy of social dynamics. *Pedagogicheskaya nauka i obrazovanie*. 2023;3:27–32. Russian.

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ

ЕPISTEMOLOGY

УДК 165.6

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ РЕЛАЙАБИЛИЗМ И ВЕРИТИЧЕСКАЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ

А. М. КАРДАШ¹⁾

¹⁾Институт философии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматриваются основные идеи процессуального релейабиллизма Алвина Голдмана: эпистемическая надежность, разделение когнитивных процессов на условно и безусловно надежные, критерий эпистемической истории, концепции индикации и отслеживания истины, принципы чувствительности и приверженности. Анализируются эпистемологические теории, в связи с которыми формулировались эти идеи. Устанавливается концептуальное различие эпистемической надежности и веритической результативности как более простая форма традиционных аргументов против релейабиллизма.

Ключевые слова: эпистемология; обоснование; Алвин Голдман; релейабиллизм; процессуальный релейабиллизм; исторический релейабиллизм; индикативный релейабиллизм; теория отслеживания истины.

Благодарность. Статья подготовлена при частичной финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (грант № Г22МС-001).

Образец цитирования:

Кардаш АМ. Процессуальный релейабиллизм и веритическая результативность. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2024; 3:35–44.
EDN: TYDWBX

For citation:

Kardash AM. Process reliabilism and veritic effectiveness. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2024;3:35–44. Russian.
EDN: TYDWBX

Автор:

Алексей Михайлович Кардаш – аспирант отдела теории познания и методологии науки Центра философско-методологических и междисциплинарных исследований. Научный руководитель – доктор философских наук, кандидат физико-математических наук И. Е. Прись.

Author:

Aleksey M. Kardash, postgraduate student at the department of theory of knowledge and methodology of science, Centre for Philosophical-Methodological and Interdisciplinary Research.
krdwalexei@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9683-0601>

PROCESS RELIABILISM AND VERITIC EFFECTIVENESS

A. M. KARDASH^a

^a*Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surganova Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus*

Abstract. The article discusses the main ideas of Alvin Goldman's process reliabilism and related epistemological theories. A conceptual distinction between epistemic reliability and veritic effectiveness is introduced as a more parsimonious alternative to traditional arguments against reliabilism. The main ideas of reliabilism are examined in light of the notion of veritic effectiveness.

Keywords: epistemology; justification; Alvin Goldman; reliabilism; process reliabilism; historical reliabilism; indicator reliabilism; truth tracking theory.

Acknowledgements. This article was prepared with the partial financial support of the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research (grant No. G22MS-001).

Введение

Релейабиллизм возник как эпистемологическая теория Алвина Голдмана (1938–2024), направленная на объяснение природы обоснования, т. е. того, каким критериям должно отвечать обоснованное убеждение [1]. Ключевая идея философа состояла во введении понятия «эпистемическая надежность», под которым подразумевалась тенденция определенного когнитивного процесса к производству истинных убеждений. Принципиальная особенность данной теории заключалась в том, что она выступала не как набор рекомендаций для субъекта по обоснованию своей позиции, а как инструмент для ретросказательного анализа обоснованности убеждений. Впоследствии релейабиллизм привел

к появлению семейства теорий в эпистемологии, а сам А. Голдман стал одним из наиболее цитируемых современных философов согласно базе данных «Скопус» (занимает восьмую позицию в соответствующем списке) [2].

Настоящая статья посвящена прояснению базовых идей релейабиллизма, нередко понимающихся если и не искаженно, то неполно. Кроме того, нами сопоставлены различные модификации процессуального релейабиллизма с целью выявить проблему веритической результативности, которая наиболее очевидным образом касается исследуемого семейства теорий, но вместе с тем может рассматриваться как общий вопрос эпистемологии.

Редуктивный анализ в эпистемологии

Современная эпистемология возникла и развивалась в большей мере как область аналитической философии, которая задает как типичные методы, так и некоторые стилистические условности философствования. В познавательных ситуациях предполагается наличие познающего субъекта и универсального предмета познания, в качестве которого выступает пропозиция, указывающая на наличие пропозиционального содержания у эпистемических явлений в рассматриваемых теориях. Познавательная операция, связывающая названные компоненты, обычно описывается словами, которые могут быть представлены как логические операторы, например, с помощью средств эпистемической логики.

Уже в 1960-х гг. сложилась тенденция строить эпистемологические теории как теории о необходимых и достаточных условиях атрибуции знания. Такой подход предполагает выражение теорий знания как

эквивалентности утверждения «S знает, что P»¹ утверждениям, репрезентирующим критерии знания. Одно утверждение о знании фактически сводится ко множеству утверждений о его условиях, поэтому данный подход к знанию имеет название «проект редуктивного анализа». Для демонстрации подхода следует представить теорию знания как истинного убеждения², которую Тезтет предлагал Сократу [3]:

S знает, что P	iff	S убежден, что P. P истинно.
----------------	-----	---------------------------------

Данную теорию можно выразить языком эпистемико-доксастической логики: $K_S P \Leftrightarrow B_S P \wedge P$, где K – знание, B – убеждение. Однако чаще используется менее формальная запись, похожая на следующее определение: S знает, что P, если S убежден, что P, и P истинно. Для удобства будем считать, что в подобных формулировках слово «если» отражает отношение

¹Здесь и далее в формулировках теорий буквой S обозначается познающий субъект, буквой P – повествовательное предположение, или пропозиция.

²Синонимичные термины «убеждение» и «мнение» используются в качестве русскоязычных аналогов для слова *belief*, обозначающего базовую доксастическую установку, которая состоит в том, что субъект относится к некоему утверждению как к истинному вне зависимости от того, истинно оно или нет.

эквивалентности, которое обычно описывается словосочетанием «тогда и только тогда» или «если и только если».

Процессуальный релейабиллизм возник в рамках проекта редуктивного анализа. В связи с этим, чтобы рассмотреть различные модификации исследуемой теории, мы будем использовать последнюю из предложенных форм записи концепций знания. Проект редуктивного анализа знания, как и других эпистемических явлений (в первую очередь обоснованного убеждения), помимо достоинств, связанных с ясностью и наглядностью выражения сути теории, имеет и явные недостатки. Например, формально построенные таким образом теории говорят о природе зна-

ния не напрямую, а через условия истинности утверждения «S знает, что Р». Для настоящей работы данный факт не является значимым, однако он необходим для лучшего понимания контекста, в рамках которого возникал релейабиллизм. Отдельно следует сказать об ученых Н. Баллантайне, рассмотревшем влияние на эпистемологию социальных и политических условий до 1960-х гг. [4, р. 1–26], и Т. Уильямсоне, показавшем, как проект редуктивного анализа способствовал наивному фальсификационизму в эпистемологии [5]. Отметим, что релейабиллистские взгляды на знание и обоснование следуют не только из обсуждения философских проблем, но и из обобщения эмпирических данных когнитивных наук [6].

Процессуальный релейабиллизм и эпистемическая надежность

Процессуальный релейабиллизм был описан А. Голдманом в 1979 г.³ [1]. Данная теория обоснования задает необходимые и достаточные условия обоснованного убеждения.

Процессуальный релейабиллизм. *S обоснованно убежден в Р в момент t, если его убежденность в Р является результатом надежного когнитивного процесса формирования убеждений или набора таких процессов [1, р. 97].*

Подобный подход к обоснованию опирается в первую очередь на концепцию эпистемической надежности, а во вторую очередь на концепцию когнитивных процессов, которые выступают носителями свойства эпистемической надежности. Указанный момент является важным, поскольку впоследствии релейабиллисты не всегда явным образом связывали данное свойство исключительно с когнитивными процессами. Например, эпистемически надежными часто полагаются сами утверждения, агенты или источники знания.

Эпистемическая надежность понимается как свойство когнитивного процесса, состоящее в тенденции этого процесса производить больше истинных убеждений, чем ложных [1, р. 95]. Соответственно, обоснованность убеждения в релейабиллизме – это функция от надежности когнитивного процесса, результатом которого стало данное убеждение. По этой причине обоснованность рассматривается не как категоричная (убеждение либо обоснованно, либо необоснованно), а как градуальная характеристика (бывают более или менее обоснованные убеждения).

А. Голдман оставлял открытым вопрос о том, насколько надежным должен быть когнитивный процесс, чтобы произведенные им убеждения считались обоснованными. Он указывал на то, что его теория

просто не предполагает идеальной надежности, т. е. на то, что ложные, но обоснованные убеждения возможны [1, р. 96]. Исходя из определения эпистемической надежности, можно утверждать, что процессуальный релейабиллизм подразумевает, что надежный когнитивный процесс должен производить статистически больше истинных убеждений, чем ложных. Отсюда протекает минимальный (необходимый, но, как правило, недостаточный) критерий приписывания надежности когнитивному процессу: данный процесс должен приводить к появлению истин более чем в половине случаев. Однако эпистемическая надежность обычно понимается не минимально, поэтому некоторые релейабиллисты подчеркивают, что когнитивный процесс должен приводить к появлению истинных убеждений значительно чаще, чем в 50,0 % случаях, хотя и неясно, насколько именно. Если назвать конкретное число, то релейабиллизм столкнется с внутренней проблемой, подобной парадоксу кучи. Например, если когнитивному процессу, чтобы считаться надежным, необходимо производить истинные убеждения в 80,0 % случаев, то релейабиллистам придется обосновывать контринтуитивное следствие, т. е. то, почему процесс, производящий истины в 79,9 % случаев, уже ненадежен. Осознавая данную сложность, А. Голдман предложил объяснять разную степень обоснованности убеждений различной надежностью когнитивных процессов.

Тенденция производить истинные, а не ложные убеждения трактуется вероятностно (статистически), что делает идею эпистемической надежности эмпирически привлекательной, поскольку познавательную надежность того или иного процесса можно подвергнуть проверке. Примером такой проверки

³Наброски релейабиллистского взгляда на знание отражены в эссе «Знание» Ф. Рамсея (1929) [7]. Ввиду объема изложение трудно назвать полноценным, однако стоит отметить несколько важных моментов. Во-первых, Ф. Рамсей считал термин «процесс» неудовлетворительным. Во-вторых, он связывал релейабиллизм только с когнитивными процессами безусловной надежности. В-третьих, редактор приписал Ф. Рамсею согласие с аксиомой позитивной интроспекции, тогда как релейабиллизм А. Голдмана обычно рассматривается как позиция, отрицающая ее. В-четвертых, Н.-Э. Салин, исследователь философии Ф. Рамсея, отметил связь взгляда ученого на знание с прагматической теорией истины, что также необычно в сравнении с последующими релейабиллистскими теориями знания, подразумевающими корреспондентскую, или когерентную, теорию истины [8, р. 89].

могут служить исследования интуиции в когнитивной психологии, например известные исследования нобелевского лауреата Д. Канемана и его коллеги А. Тверски. Ученые пришли к выводу о том, что интуиция, как автоматический и быстрый познавательный процесс, происходящий посредством использования эвристик, и соответствующее ей эвристическое мышление не являются источниками эпистемически надежных когнитивных процессов формирования убеждений [9; 10, р. 414–421].

Эпистемическая надежность может пониматься и более абстрактно, а именно как тенденция чего-либо к производству истинных или ложных убеж-

дений. Под словом «чего-либо» подразумеваются, например, агенты, расцениваемые как эпистемически надежные или ненадежные в самостоятельном смысле. Также и надежность источника нередко оценивается вне зависимости от того, какие процессы его сформировали. Подобная вариативность делает эпистемическую надежность удобной категорией для эмпирических исследований познания, нацеленных на поиск когнитивных закономерностей, где позитивные закономерности могут получать объяснение как формы эпистемически надежного познания, а негативные закономерности – как формы эпистемически ненадежного познания.

Веритическая результативность

Релейабиллизм склонен к ориентации на веритическую, или истинностную, результативность, что обуславливает специфический характер и несколько ограниченную применимость релейабиллистских подходов. Под веритической результативностью понимается наличие истины или истин в рамках познавательной ситуации. Рассмотрим три случая: 1) калькулятор исправно совершает операции над числами; 2) компетентный врач правильно определяет болезни пациентов; 3) черепаха угадывает результаты футбольных матчей. Эти ситуации эпистемически различаются множеством аспектов, но имеют схожесть: в них демонстрируется веритическая результативность. Иначе говоря, веритическая результативность возникает ввиду принципиально разных эпистемических причин, в связи с чем она сама по себе не сигнализирует о конкретном эпистемическом явлении, например о знании. В данном контексте уместно упомянуть известную проблему Менона из одноименного диалога Платона, которую можно выразить через вопрос о том, почему знание ценнее истинного мнения [11]. Проблема состоит в одинаковой веритической результативности знания и истинного мнения, поэтому для нахождения ценностных отличий этих эпистемических явлений требуется дополнительный критерий.

Веритическая результативность проблематизируется нами одновременно психологически и эпистемологически. С психологической точки зрения актуальная веритическая результативность некоторого метода приводит людей к переоценке надежности как этого познавательного метода, так и схожих с ним методов, что может подтверждаться исследованиями эвристики репрезентативности [12]. Данный психологический аспект имеет эпистемологическую значимость для любой регулятивной теории познания, предлагающей конкретные рекомендации и методы познания. Регулятивные теории должны быть направлены на исключение вероятности того, что их положения мотивированы или даже искажены веритической результативностью, поскольку это

будет означать, что рекомендации подобной теории могут быть мотивированы не закономерными, а случайными познавательными успехами. Кроме того, возникает необходимость концептуального разделения эпистемической надежности и веритической результативности для исключения восприятия любого истинного результата в качестве свидетельства в пользу наличия познавательной тенденции.

Веритически результативный в отдельный момент когнитивный процесс может быть эпистемически ненадежным, и наоборот: эпистемически надежный процесс, производящий истинные убеждения со значимой долей вероятности, может быть веритически нерезультативным в отдельный момент времени. Например, если по совету финансового консультанта компания сделала неудачную инвестицию (при этом в восьми из десяти случаев советы консультанта приводят к удачным инвестициям), то данный совет веритически нерезультативен, хотя сам консультант, как источник, эпистемически надежен. Рассмотрим другой случай. С позиции процессуального релейабиллизма исправная программа, выполняющая математические операции, будет иметь 100-процентную эпистемическую надежность, поскольку она не может ошибаться. На наш взгляд, корректнее говорить о том, что программа демонстрирует абсолютную веритическую результативность, поскольку в данной ситуации тенденция ошибаться или достигать истин является бесполезной характеристикой, если один из вариантов заведомо исключен. Аналогичное утверждение справедливо и в случаях неабсолютной веритической результативности. Например, если неисправные часы, стрелка которых остановилась на 12:00, показывают правильное время, когда вы каждый день смотрите на них ровно в 12:00, то относительно этого специфического набора проверок часы веритически результативны, но было бы ошибкой приписать им какую-либо надежность. Данный пример демонстрирует, что эпистемически ненадежные когнитивные процессы могут быть веритически результативными в некотором ограниченном аспекте.

Когнитивные процессы условной и безусловной надежности

Помимо концепции эпистемической надежности, процессуальный релейабиллизм подразумевает определенный взгляд на когнитивные процессы. А. Голдман рассматривал когнитивный процесс в качестве функционального оператора, взаимодействующего с некоторыми входными состояниями и приводящего к некоторым выходным состояниям [1, р. 96–97]. Иными словами, когнитивный процесс подразумевает обработку входных данных, которая приводит к получению новых данных с контекстным эпистемическим статусом, зависящим от надежности или других характеристик когнитивного процесса. Ненадежный когнитивный процесс всегда порождает ненадежные убеждения, даже если они веритически результативны.

Следует рассмотреть один из ключевых аргументов против релейабиллизма. В работах [13; 14] предлагается представить экстрасенса, дающего всегда сбывающиеся прогнозы. Считается, что теоретических средств процессуального релейабиллизма недостаточно, чтобы показать ненадежность такого гипотетического ясновидения. Однако проблема состоит в том, что в данном примере ясновидению приписывается в первую очередь полная веритическая результативность, сравнимая с той, которая рассматривалась в случае с программой, выполняющей математические операции. Таким образом, нужно еще доказать, что этой результативности соответствует некоторый процесс, характеризующий познавательной надежностью. По нашему мнению, на примере ясновидения сложно показать, что именно выступает в качестве входных данных подобного процесса и как происходит их обработка. На практике вопрос о том, что является когнитивным процессом, а что им не является, разрешается не через модификации релейабиллизма, а через обращение к дескриптивным дисциплинам (нейронауке, психологии и т. д.).

Поскольку речь идет о процессах формирования убеждения, следует отметить, что А. Голдман разделял когнитивные процессы условной и безусловной надежности [1, р. 98]. Отличие данных процессов состоит в том, что является их входными данными. Когнитивные процессы условной надежности взаимодействуют с пропозициональными данными (суждениями, убеждениями, положениями, предложениями и т. д.), т. е. их надежность (имеют ли такие процессы тенденцию производить истинные или ложные убеждения) зависит от истинности или ложности входных данных. Классический пример такого когнитивного процесса – это валидные правила вывода в логике, истинность следствий в которых зависит от истинности предпосылок. Другим примером могут служить суждения, которые выведены на основании свидетельств людей. Когнитивные

процессы безусловной надежности не зависят от характера входных данных. Примером данного когнитивного процесса выступает зрительное восприятие, которое имеет статистическую надежность распознавания визуальной информации в различных условиях. Когнитивные процессы безусловной надежности практически совпадают со всем тем, что можно считать источниками непосредственного (невыводного) знания, поэтому использование идеи безусловной надежности отчасти сковывает теоретиков релейабиллизма концептуальными обязательствами по наличию дополнительной позиции относительно источников непосредственного знания.

В свете разделения когнитивных процессов с точки зрения условной и безусловной надежности познавательную операцию в процессуальном релейабиллизме можно описать подробнее.

Релейабиллизм условно и безусловно надежных когнитивных процессов. *С обоснованно убежден в Р, если его убежденность в Р является результатом (1) условно надежного когнитивного процесса формирования убеждений, входные данные которого сами по себе обоснованны, или (2) безусловно надежного когнитивного процесса формирования убеждений или набора таких процессов.*

Следует отметить, что условие (1) в конечном счете может быть истинным только в том случае, если оно сводится к условию (2), т. е. условно надежный когнитивный процесс требует опоры на некоторый первичный безусловно надежный когнитивный процесс. По этой причине процессуальный релейабиллизм А. Голдмана является формой эпистемического фундаментализма, позицией, согласно которой существуют утверждения, не требующие аргументации в свою пользу и выступающие в качестве обоснования менее фундаментальных положений.

Именно эпистемическая надежность стала главным элементом изучаемой теории и, следовательно, мишенью для критики. Помимо упомянутого аргумента, касающегося ясновидения, выделяется аргумент, связанный с проблемой генерализации: эпистемическая надежность зависит от того, насколько узко или широко понимается когнитивный процесс в конкретной ситуации [15, р. 2–3]. На наш взгляд, решение данной проблемы состоит в признании зависимости процессуального релейабиллизма от положений дескриптивных дисциплин, утверждающих, какие именно явления относятся к числу когнитивных процессов и насколько широко их необходимо трактовать. Кроме того, существует аргумент нового злого демона, который критикует приписывание эпистемической надежности когнитивным процессам, не демонстрирующим веритическую результативность [16].

Критерий эпистемической истории

Существуют некоторые модификации процессуального релейабиллизма. А. Голдман указывал на наличие в эпистемологии теорий текущего отрезка времени, которые связывают эпистемический статус убеждения исключительно с тем, что доступно субъекту в момент формирования и удерживания этого убеждения. Философ противопоставил теориям текущего отрезка времени исторический, или генетический, подход, истоки которого он видел у Г. В. Ф. Гегеля и Дж. Дьюи [1, р. 99]. Соответственно, А. Голдман предлагал формулировку релейабиллизма в историческом ключе.

Исторический релейабиллизм. *С обоснованно убежден в Р, если история его убежденности в Р включает факт того, что эта убежденность возникла в ходе надежного когнитивного процесса формирования убеждения или набора таких процессов.*

Рассмотрим следующую ситуацию: Смит убежден в том, что Вашингтон – это столица США, но он не помнит, почему так считает. Если исходить из теорий текущего отрезка времени, то убеждение Смита необоснованно, а сам он на самом деле не знает, где находится столица США, и в лучшем случае обладает истинным мнением по эпистемической случайности. С точки зрения исторического релейабиллизма убеждение Смита считается обоснованным,

если эпистемическая история его убеждения в том, какой город является столицей США, подразумевает факт получения этого убеждения из надежного источника (например, он узнал об этом в школе от компетентного преподавателя). В данном контексте выявляется следующее отличие: релейабиллизму как более объективистскому подходу в эпистемологии свойственно подчеркивать, что обоснованность убеждения субъекта зависит не от наличия или отсутствия у него доступа к обоснованию, а от объективных характеристик самого убеждения.

Таким образом, критерий эпистемической истории можно добавить к общему определению необходимых и достаточных условий обоснованного убеждения согласно процессуальному релейабиллизму. Следует представить формулировку познавательной операции с точки зрения исторического процессуального релейабиллизма.

Исторический процессуальный релейабиллизм. *С обоснованно убежден в Р, если история его убежденности в Р включает факт того, что эта убежденность была произведена в результате условно надежного когнитивного процесса формирования убеждений, входные данные которого сами по себе обоснованны, или безусловно надежного когнитивного процесса формирования убеждений или набора таких процессов.*

Надежное и рациональное убеждение

Более концептуально сложной представляется модификация исторического релейабиллизма, которую А. Голдман называл релейабиллизмом терминальной стадии. Данная версия подразумевает то, что субъект имеет набор убеждений в момент t_1 и некоторые из этих убеждений не являются обоснованными. К моменту t_2 субъект выводит из всего набора убеждений пропозицию, выступающую в качестве его убеждения. Сам процесс вывода является корректным и, следовательно, условно надежным. Философ считал, что в момент t_2 и далее убеждение субъекта в такой пропозиции необходимо рассматривать как обоснованное. Однако обоснованность убеждения, по его мнению, недостаточна для знания, но достаточна для того, чтобы считать убеждение субъекта в этой пропозиции разумным [1, р. 99].

Данный аргумент построен против возражения, связанного с дефитерами – факторами, которые, если бы были известны субъекту, подорвали бы его обоснование. Соответственно, если в предпосылки рассуждения входило сомнительное положение, то это положение и является дефитером, который, согласно некоторым воззрениям, исключает возможность обоснования или знания⁴. Такой до-

вод А. Голдмана не кажется нам удачным, поскольку философ пытался исключить критику. В рамках релейабиллизма терминальной стадии история убеждения субъекта в пропозиции может включать вывод пропозиции из ненадежного источника (заметим, что ситуация смягчается указанием на набор убеждений, поскольку вывод из единичного сомнительного убеждения не мог бы быть надежным), однако если впоследствии появляется фактор (в данном примере общая корректность вывода), который устраняет этот недочет, то убеждение можно назвать обоснованным, но в слабом смысле, т. е. скорее разумным, таким, которого следует рационально придерживаться.

Но что произойдет, если вывод из набора убеждений, в том числе убеждения, полученные посредством эпистемически ненадежных когнитивных процессов, будет веритически результативным? Вероятно, в таком случае в контексте релейабиллизма терминальной стадии будут считаться разумными любые истинные убеждения, в том числе истинные по случайности, поскольку истинность выходного убеждения может пониматься в качестве фактора, нивелирующего недостаток надежности ставших основанием для вывода убеждений. Можно представить

⁴Piazza T. Epistemic defeaters // Routledge encyclopedia of philosophy : electron. encycl. URL: <https://doi.org/10.4324/9780415249126-p080-1> (date of access: 03.12.2023).

формулировку познавательной операции с позиции релейабиллизма терминальной стадии.

Релейабиллизм терминальной стадии. *S разумно убежден в Р, выведенном из набора убеждений, включающих необоснованные убеждения, когда его убежденность в Р является результатом действия когнитивного процесса условной надежности, который в качестве входных данных включает больше обоснованных, чем необоснованных убеждений.*

Данную позицию можно рассмотреть как концептуальное обогащение процессуального релейабиллизма, поскольку А. Голдман проводил границу между убеждением, которое обоснованно в силу того, что ему присуща некоторая объективная степень обоснованности (объективное эпистемическое качество), и убеждением, которое обоснованно в силу того, что у человека есть рациональные причины его придерживаться. Чтобы избежать путаницы, второе убеждение мы предлагаем называть рациональным, ориен-

тируясь на дистинкцию рационального и надежного убеждения, которую ввел Ф. Дрецке [17].

В рамках процессуального релейабиллизма возникает определенный набросок теории рациональности, предполагающей, что разумна любая позиция, которая произведена условно надежным процессом, включающим в качестве входных данных больше обоснованных, чем необоснованных положений. Данное воззрение примерно соответствует тому, что в научной литературе рассматривается как инструментальная рациональность. Инструментально рациональным выбором называется выбор наиболее эффективных способов достижения собственных целей, исходя из имеющейся информации, что предполагает возможность выбора необоснованных предпочтений и использования когнитивных процессов условной надежности, поскольку такое предпочтение берется в качестве входных данных для последующего размышления о том, как лучше его реализовать [18].

Индикативный релейабиллизм и отслеживание истины

Об индикативном релейабиллизме обычно говорят в двух основных контекстах. Первый контекст связан с метафорой когнитивного термометра, которую соотносят со взглядами Д. М. Армстронга на познание [19, р. 166–183]. Она подразумевает сравнение знающего человека с термометром, показывающим правильную температуру, если он исправен. В данном случае исправность соотносится с базовой способностью человека знать. Чтобы понять преимущество этой позиции, необходимо ответить на вопрос: «Откуда я знаю, что сейчас читаю этот текст?» Требуется ли такое знание обоснования или широкой аргументации? Или же более правдоподобным утверждением является то, что ваше знание о факте, что вы сейчас читаете этот текст, требует просто исправной индикации состояния, в котором вы находитесь?

Метафору когнитивного термометра можно интерпретировать с точки зрения эпистемической надежности: как термометр статистически надежно показывает температуру, так и человек знает только тогда, когда статистически надежно индицирует истинные убеждения. Не делая историко-философских утверждений о том, исчерпывает ли такая формулировка позицию Д. М. Армстронга, выразим смысл индикативного релейабиллизма.

Индикативный релейабиллизм. *S знает, что Р, если его убежденность в Р является результатом познавательной индикации истинности Р.*

Индикативный релейабиллизм обычно рассматривается как теория знания, т. е. как теория о более сильном эпистемическом феномене, чем процессуальный релейабиллизм, изучающийся как теория

обоснованного убеждения⁵. Формулировки обеих теорий можно экстраполировать и на знание, и на обоснованное убеждение. Индикативный релейабиллизм иногда описывается как подход, исключающий обоснование из необходимых и достаточных условий для атрибуции знания, поскольку обоснование редуцируется до надежности. Причина, который привел к такому положению, заключается в том, что в рамках релейабиллизма обычно говорят об обоснованности как об эпистемическом свойстве суждения, а не как о способе, с помощью которого агент пытается придать своему мнению убедительности. Таким образом, обоснованность убеждения определяется эпистемической надежностью когнитивного процесса, ставшего причиной существования этого убеждения, а не применением процедуры обоснования как таковой.

Вторым контекстом, в котором упоминается индикативный релейабиллизм, выступает теория отслеживания истины, автором которой является Р. Нозик [20, р. 172–178; 21]. Философ считал, что субъект знает нечто только тогда, когда он в своем познании чувствителен к истине и привержен ей. Принцип чувствительности подразумевает, что субъект, используя некоторый способ познания, не обнаруживает истину там, где ее нет, но обнаруживает истину там, где она есть. Под принципом приверженности понимается то, что субъект, применяя определенный способ познания, обнаруживает истину именно этим способом. Иными словами, если некто считает, что посредством релейабиллизма можно распознавать наличие знания, то он не должен обнаруживать знание там, где его нет, как и пользоваться другой

⁵Причина, по которой процессуальный релейабиллизм нередко рассматривается как теория обоснования, состоит в том, что А. Голдман придерживался теории знания своего авторства – каузальной теории знания. Изначально он считал релейабиллизм дополнением к каузальной теории знания, но впоследствии случилось наоборот: каузальная теория знания фактически была интегрирована философом в релейабиллизм в аспекте его эпистемического натурализма [1, р. 90–91].

теорией, чтобы обнаружить знание там, где оно есть, но где его не фиксирует релейабиллизм. Отслеживание истины через принципы чувствительности и приверженности похоже на индикацию знания. Данные принципы имеют общие черты с концепцией эпистемической надежности. Таким образом, можно сформулировать теорию отслеживания истины.

Теория отслеживания истины. *S знает, что P, если соблюдаются следующие условия:*

(I) *P истинно;*

(II) *S убежден, что P;*

(III) *если бы P было ложным, то S не был бы убежден в P;*

(IV) *если бы P было истинным, то S был бы убежден в P.*

Р. Нозик более абстрактно выражал идею эпистемической надежности, независимую от представления о когнитивных процессах. Условия (III) и (IV) предполагают использование не концепции актуальной, или фактической, статистической надежности, как в процессуальном релейабиллизме, а концепции контрфактической надежности. Атрибуция знания с позиции теории отслеживания истины определяется ситуациями, альтернативными по отношению к актуальной ситуации (подчеркнем, что суть релейабиллизма А. Голдмана состоит в обратном). В связи с этим можно привести пример: студент в вопросе теста, не вникая в его суть, выбирает вариант «б», который является правильным. С точки зрения Р. Но-

зика, в данной ситуации студент не знает, что ответ на поставленный вопрос – вариант «б», поскольку если допустить, что верен вариант «а», то студент на том же основании, что и в актуальной ситуации, выбрал бы вариант «б» (нарушение принципа чувствительности); если допустить, что вариант «б» все еще правильный, то на том же основании студент мог бы выбрать иной вариант ответа (нарушение принципа приверженности).

Соображения Р. Нозика о контрфактических условиях знания получили развитие в виде представлений об условиях чувствительности и безопасности знания [22]. Несмотря на идейную близость этой ветви эпистемологии релейабиллизму, важно обозначить, что в парадигмальных формах релейабиллизм концентрируется на фактических условиях. Впоследствии А. Голдман скептически относился к рассмотрению модального аспекта знания, по крайней мере в некоторых значимых формах такого рассмотрения. В более поздних модификациях релейабиллизма философ ввел «оговорку категорического консерватизма» (перевод наш. – А. К.) как характеристику познающего субъекта, согласно которой контраргументация, связанная с мысленными экспериментами и контрфактическими ситуациями, не является достаточным основанием для того, чтобы конкретный субъект отказался от способов познания, которые он явно или неявно считает надежными [23, p. 279–280].

Заключение

Процессуальный релейабиллизм заслуженно называется одним из основных направлений в современной эпистемологии, поскольку за достаточно простой идеей о зависимости обоснованности убеждения и наличия знания от надежности когнитивных процессов находится множество глубоких идей, значительно расширяющих инструментарий релейабиллистского объяснения эпистемической действительности. Более того, сама концепция эпистемической надежности является незаменимым

средством для анализа некоторых познавательных ситуаций. О концептуальном богатстве процессуального релейабиллизма иногда забывают по той причине, что даже его базовые идеи разбросаны по различным источникам⁶. Как показало настоящее исследование, теоретические проблемы модификаций релейабиллизма во многом связаны с тем, как соотносятся эпистемическая надежность и веритическая результативность когнитивных процессов.

Библиографические ссылки

1. Goldman A. What is justified belief? In: Pappas GS, editor. *Justification and knowledge: new studies in epistemology*. Dordrecht: Reidel; 1979. p. 89–104. (Philosophical studies series; volume 17). DOI: 10.1007/978-94-009-9493-5_1.

2. Ioannidis JPA. October 2023 data update for «Updated science wide author databases of standardized citation indicators». *Elsevier Data Repository* [Internet]. 2023 [cited 2023 November 11];V6. Available from: <https://elsevier.digitalcommonsdata.com/datasets/btchxktzyw/6>.

⁶Существует ряд англоязычных текстов, включая энциклопедические издания, которые призваны собрать основные релейабиллистские идеи в рамках одной работы. На наш взгляд, в вводных материалах по релейабиллизму иногда упускаются важные идеи классической формулировки этой теории (разделение на процессы условной и безусловной надежности, историческая составляющая и др.) и приписываются к числу общих идей элементы более современных эпистемологических теорий (условие безопасности знания, обращение к интеллектуальным добродетелям и др.). Стоит отметить работу К. Келпа [24, p. 1–16; 25], в которой рассматривается менее широкий спектр идей, связанных с процессуальным релейабиллизмом, но делается больший акцент на классической триаде проблем этой позиции. Следует упомянуть и первую русскоязычную статью о релейабиллизме, написанную М. В. Лебедевым [26]. Несмотря на наличие некоторых фактологических неточностей, подход автора представляется интересным. Можно сказать, что М. В. Лебедев опередил свое время, поскольку обратился к теме, о которой только через десятилетие начали регулярно писать на русском языке.

3. Платон. *Собрание сочинений в 4 томах. Том 2*. Маркиш СП, Апт СК, Егупов АН, Васильева ТВ, Ананьин СА, Томасов НН, переводчики; Лосев ЛФ, Асмус ВФ, Тахо-Годи АА, редакторы. Москва: Мысль; 1993. Теэтет; с. 192–274.
4. Ballantyne N. *Knowing our limits*. Oxford: Oxford University Press; 2019. 344 p.
5. Williamson T. *Where did it come from? Where will it go?* Oxford: Oxford University Press. Forthcoming.
6. Kornblith H. *Scientific epistemology: an introduction*. Oxford: Oxford University Press; 2021. 184 p.
7. Ramsey FP. *Philosophical papers*. Mellor DH, editor. Cambridge: Cambridge University Press; 1990. Knowledge (1929); p. 110–111.
8. Sahlin NE. *The philosophy of F. P. Ramsey*. Cambridge: Cambridge University Press; 2008. 272 p.
9. Sturm T. Intuition in Kahneman and Tversky's psychology of rationality. In: Osbeck LM, Held BS, editors. *Rational intuition: philosophical roots, scientific investigations*. Cambridge: Cambridge University Press; 2016. p. 257–286. DOI: 10.1017/CBO9781139136419.015.
10. Kahneman D, Slovic P, Tversky A, editors. *Judgment under uncertainty: heuristics and biases*. Cambridge: Cambridge University Press; 1982. 544 p.
11. Хорт МГ. Проблема Менона в контексте эпистемологии добродетелей. *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2022;1A:30–37. DOI: 10.34670/AR.2022.92.45.003.
12. Kahneman D, Tversky A. Subjective probability: a judgment of representativeness. *Cognitive Psychology*. 1972;3:430–454. DOI: 10.1016/0010-0285(72)90016-3.
13. Bonjour L. Externalist theories of empirical knowledge. *Midwest Studies in Philosophy*. 1980;5:53–73. DOI: 10.1111/j.1475-4975.1980.tb00396.x.
14. Plantinga A. *Warrant: the current debate*. 1st ed. Oxford: Oxford University Press; 1993. 240 p. DOI: 10.1093/0195078624.001.0001.
15. Conee E, Feldman R. The generality problem for reliabilism. *Philosophical Studies: an International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. 1998;89(1):1–29. DOI: 10.1023/A:1004243308503.
16. Ball B, Blome-Tillmann M. Indexical reliabilism and the new evil demon. *Erkenntnis*. 2013;78:1317–1336. DOI: 10.1007/s10670-012-9422-3.
17. Dretske F. Two conceptions of knowledge: rational vs reliable belief. *Grazer Philosophische Studien*. 1991;40:15–30. DOI: 10.5840/gps1991404.
18. Bruckner DW. Second order preferences and instrumental rationality. *Acta Analytica*. 2011;26(4):367–385. DOI: 10.1007/s12136-010-0113-x.
19. Armstrong DM. *Belief, truth and knowledge*. London: Cambridge University Press; 1973. 240 p.
20. Nozick R. *Philosophical explanations*. Cambridge: Harvard University Press; 1981. 784 p.
21. Kripke SA. Nozick on knowledge. *Philosophical Troubles: Collected Papers*. 2011;1:161–224. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199730155.003.0007.
22. Прись ИЕ. О двух формулировках условия безопасности и эпистемическом риске. *Диалог*. 2020;1:8–18.
23. Goldman A. Epistemic folkways and scientific epistemology. *Philosophical Issues*. 1993;3:271–285. DOI: 10.2307/1522948.
24. Kelp Ch. *Good thinking: a knowledge first virtue epistemology*. London: Routledge; 2019. 148 p. DOI: 10.4324/9780429455063.
25. Kelp Ch. How to be a reliabilist. *Philosophy and Phenomenological Research*. 2017;98(2):346–374. DOI: 10.1111/phpr.12438.
26. Лебедев МВ. Перспективы современных концепций надежности знания. *Вопросы философии*. 2007;11:119–132.

References

1. Goldman A. What is justified belief? In: Pappas GS, editor. *Justification and knowledge: new studies in epistemology*. Dordrecht: Reidel; 1979. p. 89–104. (Philosophical studies series; volume 17). DOI: 10.1007/978-94-009-9493-5_1.
2. Ioannidis JPA. October 2023 data update for «Updated science wide author databases of standardized citation indicators». *Elsevier Data Repository* [Internet]. 2023 [cited 2023 November 11];V6. Available from: <https://elsevier.digitalcommonsdata.com/datasets/btchxktzyw/6>.
3. Plato. *Sobranie sochinenii v 4 tomakh. Tom 2* [Collected works in 4 volumes. Volume 2]. Markish SP, Apt SK, Egupov AN, Vasil'eva TV, Anan'in SA, Tomasov NN, translators; Losev LF, Asmus VF, Takho-Godi AA, editors. Moscow: Mysl'; 1993. [Theaetetus]; p. 192–274. Russian.
4. Ballantyne N. *Knowing our limits*. Oxford: Oxford University Press; 2019. 344 p.
5. Williamson T. *Where did it come from? Where will it go?* Oxford: Oxford University Press. Forthcoming.
6. Kornblith H. *Scientific epistemology: an introduction*. Oxford: Oxford University Press; 2021. 184 p.
7. Ramsey FP. *Philosophical papers*. Mellor DH, editor. Cambridge: Cambridge University Press; 1990. Knowledge (1929); p. 110–111.
8. Sahlin NE. *The philosophy of F. P. Ramsey*. Cambridge: Cambridge University Press; 2008. 272 p.
9. Sturm T. Intuition in Kahneman and Tversky's psychology of rationality. In: Osbeck LM, Held BS, editors. *Rational intuition: philosophical roots, scientific investigations*. Cambridge: Cambridge University Press; 2016. p. 257–286. DOI: 10.1017/CBO9781139136419.015.
10. Kahneman D, Slovic P, Tversky A, editors. *Judgment under uncertainty: heuristics and biases*. Cambridge: Cambridge University Press; 1982. 544 p.
11. Khort MG. The Meno problem in the context of virtue epistemology. *Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*. 2022;1A:30–37. Russian. DOI: 10.34670/AR.2022.92.45.003.
12. Kahneman D, Tversky A. Subjective probability: a judgment of representativeness. *Cognitive Psychology*. 1972;3:430–454. DOI: 10.1016/0010-0285(72)90016-3.
13. Bonjour L. Externalist theories of empirical knowledge. *Midwest Studies in Philosophy*. 1980;5:53–73. DOI: 10.1111/j.1475-4975.1980.tb00396.x.
14. Plantinga A. *Warrant: the current debate*. 1st ed. Oxford: Oxford University Press; 1993. 240 p. DOI: 10.1093/0195078624.001.0001.

15. Conee E, Feldman R. The generality problem for reliabilism. *Philosophical Studies: an International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. 1998;89(1):1–29. DOI: 10.1023/A:1004243308503.
16. Ball B, Blome-Tillmann M. Indexical reliabilism and the new evil demon. *Erkenntnis*. 2013;78:1317–1336. DOI: 10.1007/s10670-012-9422-3.
17. Dretske F. Two conceptions of knowledge: rational vs reliable belief. *Grazer Philosophische Studien*. 1991;40:15–30. DOI: 10.5840/gps1991404.
18. Bruckner DW. Second order preferences and instrumental rationality. *Acta Analytica*. 2011;26(4):367–385. DOI: 10.1007/s12136-010-0113-x.
19. Armstrong DM. *Belief, truth and knowledge*. London: Cambridge University Press; 1973. 240 p.
20. Nozick R. *Philosophical explanations*. Cambridge: Harvard University Press; 1981. 784 p.
21. Kripke SA. Nozick on knowledge. *Philosophical Troubles: Collected Papers*. 2011;1:161–224. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199730155.003.0007.
22. Pris' IE. On two formulations of safety condition and epistemic risk. *Dialog*. 2020;1:8–18. Russian.
23. Goldman A. Epistemic folkways and scientific epistemology. *Philosophical Issues*. 1993;3:271–285. DOI: 10.2307/1522948.
24. Kelp Ch. *Good thinking: a knowledge first virtue epistemology*. London: Routledge; 2019. 148 p. DOI: 10.4324/9780429455063.
25. Kelp Ch. How to be a reliabilist. *Philosophy and Phenomenological Research*. 2017;98(2):346–374. DOI: 10.1111/phpr.12438.
26. Lebedev MV. Prospects of modern concepts of reliability of knowledge. *Voprosy filosofii*. 2007;11:119–132. Russian.

Статья поступила в редколлегию 05.02.2024.
Received by editorial board 05.02.2024.

УДК 316(075.8)

ВЛИЯНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРНЕТА НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Л. Г. ТИТАРЕНКО¹⁾, Ц. ГАО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Изучено влияние использования интернета мужчинами и женщинами на их участие в политической жизни Китая. На основе сравнения данных Всеобщего социального исследования Китая за 2011 и 2021 гг. построена модель сопоставления показателей склонности. Выявлено, что использование интернета не оказывает существенного воздействия на уровень политического участия женщин, однако снижает уровень участия мужчин в политической жизни страны. Результаты исследования демонстрируют пределы использования интернет-технологий в процессе политического участия в Китае.

Ключевые слова: политическое участие; использование интернета; Всеобщее социальное исследование Китая; Китай; гендерные различия; технологический оптимизм.

INFLUENCE OF INTERNET USE ON POLITICAL PARTICIPATION: GENDER ASPECT

L. G. TITARENKO^a, J. GAO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: L. G. Titarenko (larissa@bsu.by)

Образец цитирования:

Титаренко ЛГ, Гао Ц. Влияние использования интернета на политическое участие: гендерный аспект. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2024;3:45–49 (на англ.).
EDN: URZFOQ

For citation:

Titarenko LG, Gao J. Influence of Internet use on political participation: gender aspect. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2024;3:45–49.
EDN: URZFOQ

Авторы:

Лариса Григорьевна Титаренко – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Цзячэн Гао – аспирант кафедры социологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – Л. Г. Титаренко.

Authors:

Larissa G. Titarenko, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.

larissa@bsu.by

<https://orcid.org/0000-0002-5729-1430>

Jiacheng Gao, postgraduate student at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.

13951841399@163.com

<https://orcid.org/0000-0003-2087-2212>

Abstract. The impact of Internet use by males and females on their political participation in China is studied. On the basis of comparing the data of the Chinese General Social Survey for 2011 and 2021, the propensity score matching model is constructed. It is found that Internet use has no significant impact on females' political participation, but reduces the rate of males' participation in the political life of the country. The results of the study demonstrate the limits of Internet technology use in the process of political participation in China.

Keywords: political participation; Internet use; Chinese General Social Survey; CGSS; China; gender differences; technological optimism.

Introduction

Political participation is an important part in the process of democratic political construction and an indicator to evaluate the development of modern politics. Therefore, studying political participation has become a significant topic in today's academic discourse. At the same time, under the background of the global digital age Internet, a technology with epoch-making connotations, has profoundly changed the way people live and work. Among them, the relationship between the daily use of the Internet technology and the active political participation process has long been a controversial topic. As an important source of information, mainstream communication medium and virtual anonymous public space, the Internet provides the users with convenience in obtaining political information, cultivating political views and participating in politics. Technological optimism states that the decentralised nature of Internet technology can expand the channels for its users to obtain and exchange political information and strengthen their political perception [1], thereby promoting social public discussion, which will help accelerate the process of political participation [2]. However, there is also a view that the long-standing digital divide has not only caused an imbalance in Internet political participation, but also that the ubiquity and anonymity of the Internet allow false information, irrational emotions, and even racism and terrorism to spread rapidly on the Internet, thereby inducing par-

ticipants to engage in radical or criminal behaviour [3]. In addition, the increasingly commercialised and entertaining Internet media is also constantly eroding the daily public sphere. Both Internet optimists and pessimists agree that its use has profoundly affected people's political behaviour. As Internet technology enters the 5G era, this impact will only increase. Therefore, reflection on the Internet influence on the political participation is a necessary and urgent issue in social and political research.

Another aspect to be explored is the impact of the Internet use on gender political participation. Traditionally, females' political participation rates have been significantly lower than males'. In addition, females' political participation behaviour has been continuously influenced by traditional culture. The problem is to review whether Internet use can promote people's political participation. Answer to this question can enrich the current status of research on political participation in a digital society and further expand theoretical foundation for political participation. To this end, based on the data of 2011 and 2021 Chinese General Social Survey (CGSS), the authors constructed the propensity score matching model and simultaneously adopts the nearest neighbour matching strategy (1 : 1), the near neighbour matching strategy (1 : 4), and the kernel matching strategy to more accurately estimate the net impact of Internet use on political participation of males and females.

Literature review

As the main way to realise citizens' political rights, political participation plays an important role in the functioning of the political and social system. Its continuous expansion also witnesses the socialisation process of politics. The scholars defined political participation as the activities of civilians trying to influence government decisions [4, p. 36]. Political participation indicates the degree of influence of ordinary citizens on the political decision-making process [5]. According to Chinese scholars, political participation demonstrates that ordinary citizens participate in political activities through legal means, thus affecting the state of the political system [6]. Referring to existing literature, the term «political participation» in this article emphasises the ability of citizens to legally use their power to participate in political activities, excluding any illegal channels, first of all, in elections and voting.

There are studies that examine in detail the various factors that influence political participation and their mechanisms of action from aspects such as gender, age, household registration, education level, income level and political status [7–9]. However, there are relatively few studies on the relationship between the Internet use and political participation, and most of them ignore gender differences. From the perspective of technological optimism, as the underlying technology of the digital age, the Internet, provides a public space for political information. It can also break through the limitations of the political participation. The Internet should be able to stimulate the political participation interest of users who are indifferent to political information, so that they will have more opportunities and willingness to participate in political activities.

However, even the most optimistic scholars of technological optimism dare not assert that the use of the Internet has no negative impact on political participation. In fact, even without considering the digital divide, the use of the Internet also has great hidden dangers. For example, the use of the Internet is likely to lead to an increase in cynicism, causing the public to be indifferent to politics and inhibiting the political participation. In fact, not only can the information in the Internet space not guarantee objectivity, accuracy and balance, but the Internet space even inherits and strengthens the shortcomings of various traditional media. Thus, selective exposure is considered to be the cause of social and political polarisation at the media level, and this effect is further strengthened by the Internet technological advantages such as convenience, immediacy, openness, sharing, interactivity, diffusion, and decentralisation. At the same time, the increasing commercialisation of the media development is also a threat for political activity. Once the news value is replaced by the

consumption value, all kinds of soft news and fake news will be spread wantonly in the Internet space. Since the Internet space gives its users a high degree of freedom to choose information, this will further strengthen the negative effects of political participation caused by selective exposure.

Still, under the influence of traditional gender culture, females are often confined to the private sphere and gradually shaped into the role of family caregivers. At present, the gender awareness of a large number of females in China has not yet completely broken away from the traditional culture of this country, while males in China are shaped into more independent and competitive roles, and their social activities are more concentrated in the public sphere rather than in virtual world. Thus, Internet influence on males and females can differ. Based on the above analysis, the authors of study hypothesised that the Internet use significantly reduced males' political participation, but has no significant impact on females' political participation.

Materials and methods

The study materials are the data of CGSS for 2011 and 2021, which allows effective comparative analysis. The study sample for 2011 was 1477 males and 1394 females and for 2021 was 1898 males and 1873 females. The CGSS questionnaire was designed and completed by the employees of Renmin University of China. The sampling method used was a multi-stage stratified probability proportional to size random sampling method, which comprehensively covers all provinces (municipalities and autonomous regions) in mainland China, and comprehensively and systematically collects multi-level data on individuals, families, and society.

The dependent variable is the political participation, which refers to the political participation and behaviour of the respondents. The CGSS measures the rate of political participation through the following question: «Did you vote in this neighbourhood/village committee election?» The answer options for this question are «yes» and «no». In this study, «yes» is assigned to 1, «no» is corresponds to 0.

The independent variable is the Internet use, which refers to the frequency of Internet use by respondents.

The CGSS measures Internet use through the following question: «How often do you use the Internet in your daily life?» The answer options for this question are «frequent use» and «infrequent use». In this study, «frequent use» is corresponds to 1, «infrequent use» is assigned to 0.

Based on the actual design of the CGSS questionnaire and referring to existing research [3; 7–9], gender, age, ethnicity, years of education, annual personal income, household registration, marriage, father's years of education, father's political status, mother's years of education, and mother's political status were selected as control variables.

In order to avoid the problem of sample self-selection bias caused by a series of individual characteristic variables such as gender and age, this study chose the propensity score matching model to estimate the impact of Internet use on political participation, and adopts the nearest neighbour matching strategy (1 : 1), the near neighbour matching strategy (1 : 4), and the kernel matching strategy to ensure that the estimation results are more accurate and effective.

Results and discussion

The results of descriptive statistical analysis presented in table 1 show in terms of the dependent variable that in 2011, 47.33 % of male respondents and 42.68 % of female respondents participated in political activities. Males were more willing to participate in political activities than female respondents, and the difference between them was statistically significant at the 5.0 % significance level. In 2021, 54.95 % of male respondents and 48.26 % of female respondents participated in political activities. As can be seen, the rates of male respondents and female respondents participating

in political activities have been effectively improved. Also the males were still more willing to participate in political activities than females, and the difference between them was statistically significant at the 0.1 % significance level. In terms of the independent variable, in 2011, only 24.17 % of male respondents and 23.03 % of female respondents frequently used the Internet for political participation. There was no statistically significant difference between them. In 2021, 65.70 % of male respondents and 71.12 % of female respondents frequently used the Internet for political participation. Compared with

2011 rates, the rates for 2021 increased markedly, with a considerably higher proportion of female respondents frequently using the Internet for political participation. The difference between them was also statistically significant at the 0.1 % significance level. This analysis shows that there are overall significant differences in

dependent variable and independent variable between male and female respondents. However, in order to answer whether Internet use has a significant impact on political participation from a gender perspective, it is necessary to further verify the results through the propensity score matching model.

Table 1

Descriptive statistics of variables

Variable	Sample mean for 2011			Sample mean for 2021		
	Males	Females	Value difference	Males	Females	Value difference
Political participation	0.473 3	0.426 8	0.046 5*	0.549 5	0.482 6	0.066 9**
Internet use	0.241 7	0.230 3	0.011 4	0.657 0	0.711 2	−0.054 2**
Age	46.798 9	44.307 8	2.491 1**	51.319 8	48.546 7	2.773 1**
Ethnicity	0.945 2	0.960 5	−0.015 3	0.938 9	0.937 5	0.001 4
Years of education	10.065 7	9.698 0	0.367 7**	10.681 2	10.538 2	0.143 0
Annual personal income	2.489 6	1.491 2	0.998 4**	7.294 4	3.833 1	3.461 3**
Household registration	0.498 3	0.504 3	−0.006 0	0.445 7	0.480 5	−0.034 8*
Marriage	0.838 9	0.835 0	0.003 9	0.759 7	0.774 2	−0.014 5
Father's years of education	5.558 6	5.863 0	−0.304 4	5.523 2	5.977 0	−0.453 8**
Farher's political status	0.177 4	0.182 2	−0.004 8	0.147 5	0.150 0	−0.002 5
Mother's years of education	3.382 5	3.690 1	−0.307 6*	3.619 6	4.127 1	−0.507 5**
Mother's political status	0.029 1	0.036 6	−0.007 5	0.024 8	0.031 5	−0.006 7

Notes: 1. Symbol * stands for $p < 0.05$. 2. Symbol ** stands for $p < 0.001$.

Table 2 reports the average treatment effect on the treated (hereinafter – ATT) of Internet use on political participation using the nearest neighbour matching strategy (1 : 1), the near neighbour matching strategy (1 : 4), and the kernel matching strategy, taking gender differences into account. The results show that in both 2011 and 2021 before data matching is completed, Internet use significantly reduced the political participation of male respondents and female respondents. After data matching is

completed, Internet use only affected male respondents' political participation in 2021, but had no significant impact on female respondents' political participation. It was found that the sample has a serious problem of sample self-selection bias. If the traditional regression method is used directly, it will result in biased estimation. Therefore, it is very reasonable for this study to choose building the propensity score matching model to estimate the impact of Internet use on political participation.

Table 2

ATT on the impact of Internet use on political participation from a gender perspective

Matching strategy	2011				2021			
	Males' ATT		Females' ATT		Males' ATT		Females' ATT	
	Unmatched	Matched	Unmatched	Matched	Unmatched	Matched	Unmatched	Matched
Nearest neighbour (1 : 1)	−0.195 6* (0.029 9)	−0.031 0 (0.069 0)	−0.238 8* (0.030 8)	0.012 7 (0.065 9)	−0.124 5* (0.023 9)	−0.206 4** (0.071 3)	−0.129 7* (0.025 3)	0.054 2 (0.074 1)
Near neighbour (1 : 4)	−0.195 6* (0.029 9)	0.026 1 (0.057 0)	−0.238 8* (0.030 8)	0.001 6 (0.058 5)	−0.124 5* (0.023 9)	−0.169 9** (0.065 9)	−0.129 7* (0.025 3)	0.029 6 (0.065 1)
Kernel	−0.195 6* (0.029 9)	0.011 2 (0.055 0)	−0.238 8* (0.030 8)	−0.012 8 (0.057 5)	−0.124 5* (0.023 9)	−0.175 6** (0.060 7)	−0.129 7* (0.025 3)	0.005 6 (0.056 1)

Notes: 1. Values in brackets indicate standard errors. 2. Symbol * stands for $p < 0.001$. 3. Symbol ** stands for $p < 0.01$.

Specifically, in 2011, Internet use had no significant impact on the political participation of both male and female respondents. In 2021, Internet use still had no significant impact on female respondents' political participation, but it significantly reduced male respondents'

political participation. In 2021, the ATT parameter estimates of Internet use on male respondents' political participation under the above three matching strategies are −0.206 4, −0.169 9, and −0.175 6 respectively, and they are all statistically significant at the 1.0 % signifi-

cance level. Frequent the Internet use made the political participation rate of male respondents drop significantly to 16.99 % indicating that Internet use did signifi-

cantly reduce males' political participation, but had no significant impact on females' political participation, which verifies our hypothesis.

Conclusions

Based on the CGSS data in 2011 and 2021, this study found that in 2011, Internet use had no significant impact on the political participation of either males or females. In 2021, Internet use still had no considerably impact on females' political participation. However, it reduced males'

political participation: Internet factor had negatively influenced this participation, and only impact of other factors made possible to keep males' political participation on the level of level of 20.64 %. This empirical result needs further researching to verify whether it is valid only for China.

References

1. Castells M. *The information age: economy, society, and culture. Volume 1, The rise of the network society*. Oxford: Wiley-Blackwell; 2011. 656 p.
2. Fisher DR, Boekkooi M. Mobilizing friends and strangers: understanding the role of the Internet in the step it up day of action. *Information, Communication & Society*. 2010;13(2):193–208. DOI: 10.1080/13691180902878385.
3. Gao Jiacheng, Liu Yue. The influence of Internet usage on gender division of labour bias: evidence from Chinese General Social Survey data. *Human Behavior and Emerging Technologies*. 2022;1:1–11. DOI: 10.1155/2022/6948934.
4. Huntington SP, Nelson JM. *No easy choice: political participation in developing countries*. Cambridge: Harvard University Press; 1976. 336 p.
5. Campbell A. Surge and decline: a study of electoral change. *Public Opinion Quarterly*. 1960;24(3):397–418. DOI: 10.1086/266960.
6. Zeng Fanbin. Social capital, media use and political participation of urban residents: based on urban data from the 2005 Chinese General Social Survey (CGSS). *Modern Communication*. 2014;10:33–40. Chinese.
7. Krook ML. Why are fewer women than men elected? Gender and the dynamics of candidate selection. *Political Studies Review*. 2010;8(2):155–168. DOI: 10.1111/j.1478-9302.2009.00185.x.
8. Hu Rong, Hu Kang, Guo Xiqing. Analysis of factors affecting women's participation in village elections. *Journal of East China Normal University (Philosophy and Social Sciences)*. 2006;5:40–45. Chinese. DOI: 10.16382/j.cnki.1000-5579.2006.05.007.
9. Wang Liping. From ethical spirit to political value: the impact of the concepts of «harmony between man and nature» and «valuing righteousness over profit» on the political psychology of the people. *Journal of Tsinghua University (Philosophy and Social Sciences)*. 2010;5:132–141. Chinese. DOI: 10.13613/j.cnki.qhdz.001889.

Received by editorial board 04.07.2024.

УДК 364.4-787(476) + 378.091.8(476)

ЦЕНТРЫ ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СТРУКТУРЕ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СО СТУДЕНТАМИ В БЕЛАРУСИ: СОЦИОЛОГО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

А. А. ПОХОМОВА¹⁾, Л. А. БЕРЕЗЮК²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Белорусский государственный экономический университет, пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Проанализирован опыт организации волонтерской деятельности студентов посредством реализации воспитательной работы в учреждениях высшего образования Беларуси. Как правило, при работе со студентами-волонтерами методическую функцию выполняют центры волонтерской деятельности данных учебных заведений, а также Республиканский волонтерский центр. Изложены результаты проведенного в декабре 2023 г. междисциплинарного исследования студенческого волонтерства. Представлены рекомендации по дальнейшему развитию волонтерского движения в среде учащихся учреждений высшего образования Беларуси.

Ключевые слова: студенческое волонтерство; центр волонтерской деятельности; возможности воспитательной деятельности; направления воспитательной работы; междисциплинарность; реципиенты безвозмездной помощи; правовое регулирование волонтерской деятельности.

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (научно-исследовательская работа «Социокультурный потенциал волонтерского движения в системе воспитательной работы в высшей школе Республики Беларусь», № гос. регистрации 20231159).

VOLUNTEER ACTIVITY CENTRES IN THE STRUCTURE OF EDUCATIONAL WORK WITH STUDENTS IN BELARUS: SOCIO-LEGAL ASPECT

A. A. POKHOMOVA^a, L. A. BERAZIUK^b

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bBelarusian State Economic University, 26 Partyzanski Avenue, Minsk 220070, Belarus

Corresponding author: A. A. Pokhomova (zolotva@yandex.by)

Abstract. The article analyses the experience of organising volunteer activity of students through the implementation of education work in higher education institutions of Belarus. As a rule, the methodological function when working with volunteer students is usually performed by the volunteer activity centres of higher education institutions, as well as the

Образец цитирования:

Похомова АА, Березюк ЛА. Центры волонтерской деятельности в структуре воспитательной работы со студентами в Беларуси: социолого-правовой аспект. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2024;3:50–56.
EDN: VGJIKN

For citation:

Pokhomova AA, Beraziuk LA. Volunteer activity centres in the structure of educational work with students in Belarus: socio-legal aspect. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2024;3:50–56. Russian.
EDN: VGJIKN

Авторы:

Алеся Андреевна Похомова – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Лилия Анатольевна Березюк – ассистент кафедры государственно-правовых дисциплин факультета права.

Authors:

Alesya A. Pokhomova, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.

zolotva@yandex.by

<https://orcid.org/0000-0001-8627-953X>

Liliya A. Beraziuk, assistant at the department of state law disciplines, faculty of law.
2505624@gmail.com

Republican Volunteer Centre. The results of the interdisciplinary study of student volunteering conducted in December 2023 are described. Recommendations on further development of the volunteer movement among students of higher education institutions of Belarus are presented.

Keywords: student volunteering; volunteer activity centre; educational opportunities; areas of educational work; interdisciplinarity; recipients of gratuitous assistance; legal regulation of volunteer activity.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research (research work «Socio-cultural potential of volunteer movement in the system of educational work in higher school of the Republic of Belarus», state registration No. 20231159).

Введение

Для молодого человека современность наполнена огромным количеством рисков, как экологических, техногенных, так и социальных. Выбор молодежью жизненного пути во многом зависит от того окружения, которое обеспечивает направленную и ненаправленную социализацию. Одной из социальных технологий, обуславливающих формирование социально значимых качеств, выступает волонтерство, или добровольчество. Волонтерство, как социальный феномен, базируется на универсальных качествах человека (взаимопомощи, сопереживании, ответственности), которые актуальны вне зависимости от исторического периода и пространственных координат. Тема содействия развитию молодежного, в том числе студенческого, волонтерства является важной при осуществлении государственной молодежной политики в системе высшего образования.

Вопросы, связанные с волонтерством, рассматривались рядом российских (М. В. Певная [1], Е. В. Богданова [2], Л. И. Кобышева [3], М. И. Васильковская [4; 5],

Л. Р. Салаватулина^{1*}, Е. А. Паклина [6] и др.) и белорусских (Е. А. Лазарчук [7], М. Е. Минова [8], Т. В. Соколова^{2*}, В. П. Горленко, Н. Н. Зенько^{3*} и др.) ученых. Монография российского социолога О. Н. Яницкого посвящена анализу изменений, происходящих в современном мобильном и гибридном мире, природных и техногенных рисков, с которыми сталкивается человек, а также стратегий, которые избираются гражданским обществом для их преодоления [9]. В контексте рассматриваемой в настоящей работе темы стоит отметить ряд изданий, подготовленных сотрудниками Республиканского института высшей школы, в структуре которого функционирует Республиканский волонтерский центр^{4*}. Методическое обеспечение развивающегося молодежного волонтерства представляет собой результат научной рефлексии происходящих процессов институционализации феномена волонтерства в Беларуси, а также обобщения и систематизации позитивного национального и международного опыта в области менеджмента волонтерской деятельности.

Методология исследования

Проведение междисциплинарного исследования было обусловлено предположением о взаимосвязи уровня правового регулирования волонтерской деятельности и степени вовлеченности населения в волонтерские практики. При этом применение при анализе молодежного волонтерства исследовательских методов социологии и права позволяет выйти за предметные границы данных наук и осуществить комплексную оценку феномена в социокультурных условиях белорусского общества.

В Беларуси проблема развития волонтерского движения является актуальной, что подтверждает возрастающая полемика по поводу введения систем-

ного правового регулирования волонтерской деятельности на законодательном уровне в противовес фрагментарным отраслевым нормам. До 2020 г. Беларусь шла по пути включения положений о волонтерстве в отдельные нормативные правовые акты, однако в 2020 г. законодатель, учитывая многоаспектность данной деятельности, увидел потребность в ее комплексном регулировании. Так, было начато обсуждение проекта Закона Республики Беларусь «О волонтерской деятельности», посредством которого предполагалось закрепить ключевые принципы и направления волонтерства, разграничить волонтерскую и трудовую деятельность, установить

^{1*} Салаватулина Л. Р. Педагогическая стратегия формирования культуры инклюзивного волонтерства в условиях социокультурных трансформаций : учеб.-метод. пособие / Юж.-Урал. гос. гуманитар.-пед. ун-т, Юж.-Урал. науч. центр Рос. акад. образования. Челябинск : Юж.-Урал. науч. центр Рос. акад. образования, 2021. 105 с.

^{2*} Соколова Т. В. Формирование социального интеллекта будущих специалистов по социальной работе средствами волонтерской деятельности : учеб.-метод. пособие. Брест : Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2018. 71 с.

^{3*} Горленко В. П., Зенько Н. Н. Основы волонтерской деятельности. Историческая ретроспектива традиций социальной помощи и благотворительности. Гомель : Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины, 2017. 47 с.

^{4*} Шереметьева Я. В., Захаревская В. О. Менеджмент волонтерской деятельности в учреждениях образования : метод. пособие. Минск : Респ. ин-т высш. шк., 2021. 61 с. ; Как научиться помогать? : сб. материалов для специалистов, работающих с волонтерами / Респ. волонтер. центр. Минск : [б. и.], 2021. 101 с.

основание осуществления добровольческой деятельности (с заключением гражданско-правового договора и без такого договора), предусмотреть возможные варианты материально-технического обеспечения волонтеров и т. д. В настоящее время данный закон не принят и многие вопросы остались без разрешения. Участникам, вовлеченным в осуществление волонтерской деятельности по специальным направлениям (спорт, социальное обслуживание, донорство и др.), необходимо руководствоваться общими положениями Концепции организации молодежного волонтерского (добровольческого) движения в Республике Беларусь^{5*} (далее – Концепция) и Стратегии развития государственной молодежной политики Республики Беларусь до 2030 года^{6*} (далее – Стратегия), а также отраслевым законодательством.

В ноябре – декабре 2023 г. нами было проведено исследование социокультурного потенциала во-

лонтерской деятельности студентов. В настоящей статье делается акцент на роли центров добровольческой деятельности как инструмента развития молодежного волонтерства в учреждениях высшего образования (УВО), а также рассматриваются ключевые моменты, имеющие значение для дальнейшего развития студенческого волонтерского движения в Беларуси.

Методами сбора информации являлись глубинное интервью с экспертами, которыми выступили руководители волонтерских объединений в УВО, и фокус-группы, состоящие из студентов-волонтеров.

Специфика методологии исследования на пересечении социологии и права позволила преодолеть ограничения дисциплинарных подходов и выйти на более глубокий уровень оценки рассматриваемых социальных феноменов.

Результаты и их обсуждение

Функции центров волонтерской деятельности в УВО. На основании полученной от участников исследования информации можно сделать вывод о том, что векторами методической и практической работы, которая осуществляется центрами волонтерской деятельности в УВО в отношении развития студенческого волонтерского движения, являются:

1. Продвижение идеи волонтерской помощи в молодежной среде. Как правило, основная информационная работа со студентами осуществляется ответственным за их волонтерскую деятельность методистом учебного заведения с помощью таких каналов коммуникации, как социальные сети и мессенджеры. Большинство студенческих волонтерских объединений имеют аккаунты в социальных сетях «ВКонтакте», «Инстаграм» и группы в мессенджере «Телеграм». Широкие возможности оперативного информирования студенческого актива и визуализации результатов проделанной работы определяют преимущества данного формата по сравнению с традиционными офлайн-встречами.

2. Популяризация добровольчества среди населения. Данная задача решается путем оказания молодежью помощи разным социальным группам населения, участия студентов в организации массовых культурных и спортивных мероприятий (например, II Игр стран СНГ), реализации проектов Республиканского волонтерского центра (например, проекта «Волонтерский навигатор»), проведения мастер-классов, создания образовательных программ и др. Такие практики необходимы для формирования позитивного имиджа волонтера в обществе. Стоит от-

метить, что информанты делились противоречивыми мнениями их окружения о добровольчестве. Диапазон ответов колебался от всесторонней поддержки и гордости до непонимания и осуждения, однако чаще всего студенты-волонтеры указывали на безразличное, нейтральное отношение близких и знакомых к их волонтерской активности. Данная ситуация в очередной раз подтверждает актуальность популяризации волонтерской деятельности среди населения.

3. Организационная и методическая работа. Согласно положениям о центрах волонтерской деятельности в УВО добровольное объединение ориентировано на координацию и осуществление волонтерства. Деятельность таких центров находится в компетенции структур по воспитательной работе с молодежью (например, управления, отдела). Приоритетной задачей центров волонтерской деятельности выступает разработка методических материалов для организации эффективного труда волонтеров и обмена опытом между учебными заведениями. Связующую роль в этом процессе играет Республиканский волонтерский центр, функцией которого также является методическое обеспечение волонтерского движения в Беларуси.

4. Обучение волонтеров. В ряде случаев деятельность волонтеров предполагает предварительное обучение или инструктаж. Данную задачу выполняют руководитель (координатор) волонтерского движения студентов, приглашенные специалисты, сотрудники посещаемого волонтерами учреждения, специалисты Республиканского волонтерского центра и т. д.

^{5*} Об утверждении Концепции организации молодежного волонтерского (добровольческого) движения в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : постановление М-ва образования Респ. Беларусь от 16 нояб. 2015 г. № 128 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.

^{6*} О Стратегии развития государственной молодежной политики Республики Беларусь до 2030 года [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 19 июня 2021 г. № 349 // Там же.

5. Установление и поддержание партнерства с другими организациями (государственными структурами, общественными объединениями).

Правовая основа функционирования молодежного волонтерства. Приобщение молодежи к волонтерскому движению, обучение и подготовка волонтеров, использование их труда в целях социально-экономического развития страны в целом и ее областей в частности являются механизмами работы с молодежью в рамках реализации государственной кадровой политики Беларуси^{7*}. При этом в Беларуси в отличие от многих зарубежных стран, включая государства, входящие в СНГ, отсутствует комплексное правовое регулирование волонтерской деятельности. Так, специальные законы в области волонтерства приняты в таких странах, как Азербайджан, Армения, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан и Украина.

Конституцией Республики Беларусь установлено, что каждый должен проявлять социальную ответственность, вносить посильный вклад в развитие общества и государства (ст. 21); государство ответственно за создание необходимых условий для свободного и эффективного участия молодежи в общественной жизни, а также для реализации ее потенциала в интересах всего общества (ст. 32¹); каждый имеет право на свободу объединений, в составе которых реализуются добровольческие практики (ст. 36).

Ключевые принципы, направления и приоритеты волонтерского движения закреплены в Концепции и Стратегии, что говорит о наличии организационно-правовых основ волонтерской деятельности. Также добровольчество упоминается в отраслевом законодательстве. Его анализ показал, что наиболее детально волонтерство регулируется Законом Республики Беларусь «О физической культуре и спорте»^{8*}, при этом необходимость заключения безвозмездных договоров с волонтерами и перечень лиц, которые не могут быть волонтерами, закреплены только в Законе Республики Беларусь «О физической культуре и спорте» и Законе Республики Беларусь «О донорстве крови и ее компонентов»^{9*}.

Можно выделить круг важнейших вопросов, требующих внимания как со стороны государства, так и со стороны лиц, вовлеченных в волонтерское движение. Во-первых, следует определиться с понятийно-категориальным аппаратом, а также с правами, обязанностями и ответственностью всех участников волонтерской деятельности. Во-вторых, важно раз-

граничить права молодых волонтеров и волонтеров других возрастных групп. Противоречие нормативного регулирования практике выражается в том, что и Концепция, и Стратегия закрепляют необходимость принятия нормативных правовых актов, направленных на создание системы поддержки молодежного волонтерства, т. е. Концепция и Стратегия распространяют свое действие только на молодежную аудиторию. Вместе с тем к волонтерской деятельности могут привлекаться лица разных возрастных категорий. В настоящее время в силу отсутствия централизованного регулирования возраста волонтеров видится целесообразным ориентироваться на ст. 25 Гражданского кодекса Республики Беларусь, согласно которой дееспособность гражданина в полном объеме возникает с наступлением совершеннолетия, т. е. по достижении 18 лет. В-третьих, нельзя допустить смешения добровольчества и работы по найму. Ключевым аспектом в данном случае должен быть вопрос оплаты труда: так как волонтеры действуют безвозмездно, к ним может применяться только механизм нематериального стимулирования. В-четвертых, необходимо закреплять волонтерскую деятельность в гражданско-правовых договорах (оформлять личные книжки волонтеров, вести реестр волонтеров). В-пятых, следует урегулировать вопросы страхования жизни и здоровья волонтеров, возмещения причиненного им вреда, компенсации понесенных расходов на здоровье, если данные ситуации возникают при осуществлении волонтерской деятельности. Так, в российском законодательстве (ст. 17.1 Федерального закона Российской Федерации «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)») в качестве таких ситуаций обозначены работа волонтеров в чрезвычайных ситуациях (тушение пожаров, проведение спасательных работ и т. д.) и их деятельность в отношении граждан, имеющих представляющие опасность для окружающих заболевания, а также в отношении лиц, пропавших без вести^{10*}.

На наш взгляд, указанные вопросы требуют разрешения на законодательном уровне. Кроме того, главные условия волонтерской деятельности важно закреплять договором, заключаемым с волонтером, что должно являться правовым основанием привлечения лица к волонтерской деятельности. Также, учитывая опыт государств – участников СНГ и тот аспект, что невозможно предусмотреть все необходимые положения в законодательстве, хорошей

^{7*} О Концепции государственной кадровой политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 3 янв. 2024 г. № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.

^{8*} О физической культуре и спорте [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2014 г. № 125-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19 июля 2022 г. № 200-3 // Там же.

^{9*} О донорстве крови и ее компонентов [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 30 нояб. 2010 г. № 197-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 14 окт. 2022 г. № 214-3 // Там же.

^{10*} О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве) [Электронный ресурс] : Федер. закон Рос. Федерации от 11 авг. 1995 г. № 135-ФЗ : в ред. Федер. закона Рос. Федерации от 27 нояб. 2023 г. № 558-ФЗ // Законодательство стран СНГ. Союзправоинфо. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1410 (дата обращения: 18.02.2024).

практикой могла бы стать детализация нужных положений в правовых актах организаций, на базе которых осуществляется волонтерская деятельность. Отдельные УВО (Белорусский государственный университет, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина, Белорусский государственный экономический университет и др.) разместили такие акты в интернете в свободном доступе.

В локальных правовых актах, по нашему мнению, первостепенно должны отражаться следующие аспекты: права, обязанности и ответственность всех участников волонтерского движения; возраст волонтеров и условия допуска к волонтерской деятельности несовершеннолетних лиц; документы, подтверждающие участие лица в волонтерской деятельности (личные книжки волонтеров, рекомендательные письма и т. д.), и порядок их выдачи. Рекомендательными частями данных актов в области волонтерства могут быть шаблоны документов, оформляемых в процессе волонтерской деятельности (планы мероприятий, личные книжки волонтеров, программы обучения волонтеров, примеры разрешения законного представителя несовершеннолетнего волонтера на участие в волонтерской деятельности и т. д.).

Важно обеспечить доступность рассматриваемых локальных правовых актов для студентов-волонтеров, при этом необходимо принимать во внимание каналы распространения информации для каждой целевой аудитории. Кроме того, представляется, что при реализации волонтерской деятельности требуется вести учет волонтеров. Эта процедура необходима, с одной стороны, для оценки и планирования деятельности волонтерского центра, с другой стороны, для отображения участия отдельного волонтера, что может способствовать его профессиональной и волонтерской деятельности.

Непрерывность воспитательного процесса в системе образования. В рамках реализации принципов непрерывности и преемственности в воспитании детей и учащейся молодежи особое внимание уделяется достижению кумулятивного эффекта. Формирование позитивного имиджа волонтера в обществе возможно через систематическую работу по информированию и вовлечению ребенка в добровольческие практики. Вероятность интеграции студента в волонтерские проекты, организуемые в рамках воспитательной работы в УВО, повышается при наличии у него предшествующего положительного опыта волонтерской деятельности в школе или детских общественных объединениях, что подтвердили и информанты настоящего исследования.

Мотивация и социальные эффекты волонтерской деятельности студентов. В Беларуси создаются условия для развития студенческого волонтерства, направленного на усиление у молодежи социальной ответственности, закрепление практик оказа-

ния помощи, реализацию инициатив по поддержке уязвимых социальных групп, приобщение к здоровому образу жизни, снижение рисков приобретения молодыми людьми признаков антиобщественного поведения, а также на достижение иных целей, имеющих общественное значение. Например, волонтерство выступает инструментом профессионального самоопределения и карьерного роста, компонентом неформального (дополнительного) образования; рассматривается в контексте вопросов инклюзии, самоорганизации молодежи, трудового, патриотического, духовно-нравственного и экологического воспитания, выражения проактивности, привития толерантности и социальной ответственности; является способом формирования социального^{11*} и эмоционального интеллекта и т. д. Развитый социальный интеллект молодого человека позволяет понимать и объяснять поведение других людей, а также встраивать себя в систему коммуникации с ними.

Участие в студенческом волонтерском движении обусловлено как альтруистическими, так и эгоистическими мотивами. Стоит отметить, что из категории ценности-средства волонтерство переходит в категорию ценности-цели, значимую для субъекта саму по себе. Как указывает белорусский педагог В. И. Козел, с помощью волонтерской деятельности реализуется ряд социальных потребностей молодого человека, в том числе потребности в общении, творчестве, саморазвитии и построении карьеры, приобретении социального опыта, подтверждении самостоятельности и взрослости, а также потребность быть нужным другому человеку^{12*}. Результаты проведенного нами исследования созвучны обозначенным выше положениям: в силу добровольного характера волонтерства степень активности студентов-волонтеров во многом зависит от наличия у них интереса к волонтерскому направлению как таковому и от его интерпретации в данном учебном заведении. Факторами, повышающими заинтересованность студентов в волонтерском движении, выступают коллективный труд, харизматичность и управленческий опыт формального или неформального лидера, поддержка участия студентов в волонтерских практиках со стороны руководства УВО, обратная связь от благополучателей и др. Феномен волонтерства вызывает у студентов устойчивые положительные ассоциации с людьми, добром (добротой), помощью (взаимопомощью), самоотдачей, эмпатией. Участники фокус-групп отмечали важность проявления активности в волонтерстве в противовес пассивному состраданию.

Структура волонтерского движения в УВО. В методических рекомендациях отражено, что в УВО волонтерская деятельность студентов реализуется организовано путем включения студентов в волонтерские группы, волонтерские отряды и волонтерские центры^{13*}. Под волонтерской группой понимают

^{11*} Соколова Т. В. Формирование социального интеллекта ... С. 10.

^{12*} Козел В. И. Социальное партнерство в воспитании : практ. рук. Барановичи : Баранов. гос. ун-т, 2020. С. 78–80.

^{13*} Шереметьева Я. В., Захаревская В. О. Менеджмент волонтерской деятельности ... С. 8.

такое объединение людей внутри учебной группы, которое осуществляет работу в пределах одного или двух направлений волонтерства; волонтерский отряд включает несколько волонтерских групп в рамках одного учебного заведения; волонтерский центр координирует деятельность всего волонтерского движения в учреждении образования, выстраивая его структуру и налаживая сотрудничество с другими организациями. Тем не менее результаты проведенного исследования показали, что на практике единообразие в употреблении названий волонтерских объединений и распределении функций отсутствует. Встречаются такие наименования, как волонтерский клуб, волонтерская группа, волонтерский отряд, волонтерский центр (центр волонтерской деятельности). Характер деятельности объединения обусловлен историей его создания, спецификой учебного заведения и числом обучающихся в нем студентов.

Методическое сопровождение и помощь волонтерам. Ведущую роль в успешном осуществлении волонтерской деятельности студентов играют педагогическое сопровождение и предварительное обучение. С одной стороны, подобная подготовка ориентирована на развитие у студента особой идентичности волонтера (этому способствует наличие в волонтерском объединении элементов отличия в виде уникальных футболок или жилетов, значков, эмблем и др.) и чувства сопричастности к общественному благу, становление мировоззренческого компонента индивидуального сознания, а также на приобщение к волонтерскому движению. С другой стороны, она направлена на формирование корпуса важных знаний для работы с различными социальными группами или животными, успешного выполнения разноплановых задач. Также с волонтером при необходимости проводит работу (беседу, тренинг, обучение) психолог, если благополучателями выступают дети, люди с особенностями психофизического развития и т. д.

Как отмечали информанты, на успешность выполнения поставленных перед волонтером задач

положительно влияют развитый эмоциональный интеллект и стрессоустойчивость. Молодые люди, вовлеченные в волонтерскую деятельность в рамках социального направления, сталкиваются с представителями разных общественных групп, черты характера которых существенно различаются от субъекта к субъекту. В связи с этим нет гарантий того, что волонтеры будут абсолютно готовы к возникающим в чрезвычайных ситуациях рискам и проблемам, они не всегда могут принять верное решение, не наносящее вреда их жизни, ментальному здоровью и благополучию. В силу данных причин участниками исследования не единожды подчеркивалась обязательность встреч социальных волонтеров с психологом. Одними из первых о необходимости оказания психосоциальной помощи волонтерам задумались представители Общества Красного Креста и Красного Полумесяца^{14*}.

Поощрение за участие в волонтерской деятельности. Сущность рассматриваемого феномена предполагает безвозмездность, что в условиях рыночной экономики, растущего индивидуализма может выглядеть как барьер для развития студенческого волонтерского движения. Тем не менее нематериальные формы вознаграждения (благодарность, общественное признание, обучение, тренинги и др.) имеют высокую ценность для молодых волонтеров, поскольку сигнализируют о значимости их работы, потребности в их труде. Именно стремление быть полезным обществу выступает одним из основных мотивов молодежного, в том числе студенческого, волонтерства. Вместе с тем особое беспокойство у активных студентов вызывает возможность совмещения волонтерской, трудовой и учебной деятельности. Как отмечают студенты-волонтеры, в большинстве случаев волонтерская активность не оказывает влияния на успеваемость, однако иногда в силу пропусков ими учебных занятий из-за участия в волонтерских мероприятиях возникают конфликтные ситуации с профессорско-преподавательским составом.

Заключение

На основании проведенной работы можно сделать следующие выводы.

1. Волонтерское движение в УВО выступает для студенческой молодежи социализирующей средой, которая формирует нравственные ценности (коллективизм, взаимопомощь, социальную ответственность и др.).

2. Молодежное волонтерство в Беларуси является одним из направлений государственной молодежной политики. Решение задачи по формированию позитивного имиджа волонтера осложняется отсутствием детального правового регулирования волон-

терской деятельности, которое бы позволило установить правовые границы поведения ее участников. Исходя из этого, в настоящее время важными с юридической точки зрения аспектами являются четкое определение участников волонтерского движения, разработка правовых актов, на основе которых осуществляется волонтерство в конкретном учебном заведении, обеспечение их доступности и т. д.

3. Республиканский волонтерский центр выступает координатором студенческого волонтерского движения в Беларуси. В поле его деятельности входят обучение волонтеров, проведение информационных

^{14*}Как научиться помогать? С. 4–5.

занятий и республиканских акций, организация курсов среди волонтерского сообщества и т. д.

4. Важными направлениями воспитательной работы по дальнейшему развитию студенческого волонтерского движения являются информационная работа со студентами младших курсов (организация кураторами информационных часов по проблематике волонтерской активности, ведение в социальных сетях и мессенджерах аккаунтов и тематических групп о деятельности студенческих волонтерских объединений, публикация информационных материалов на официальном сайте учебного заведения, использование принципа «равный обучает равного» среди студенческой молодежи), педагогическое и пси-

хологическое сопровождение волонтеров (обучение, проведение психологических тренингов, консультирование по вопросам эффективного взаимодействия с социально уязвимыми группами), установление сотрудничества между волонтерскими объединениями разных УВО, государственными учреждениями и т. д. К ожидаемым результатам воспитательной работы в отношении развития студенческого волонтерства можно отнести формирование позитивного имиджа волонтера в обществе, вовлечение студентов в волонтерскую деятельность, привитие представителям студенческой молодежи традиционных ценностей, социальной ответственности и гражданской активности.

Библиографические ссылки

1. Певная МВ. Студенческое волонтерство: особенности деятельности и мотивации. *Высшее образование в России*. 2015;6:81–88.
2. Богданова ЕВ. *Теория и практика организации волонтерской деятельности студентов*. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет; 2013. 158 с.
3. Кобышева ЛИ. Организация социально-педагогической деятельности студентов-волонтеров в условиях вуза. *Концепт* [Интернет]. 2016 [процитировано 18 апреля 2024 г.];9:134–140. Доступно по: <http://e-koncept.ru/2016/16196.htm>.
4. Васильковская МИ, Пономарев ВД. Волонтерство как социально-культурный феномен современности. В: Мальцева НЮ, редактор. *Педагогика волонтерства: феноменология и социально-культурная практика*. Кемерово: Кемеровский государственный институт культуры; 2021. с. 7–23.
5. Пономарев ВД, Лазарева ЛИ, Васильковская МИ, Черданцева АА. Культурное волонтерство как фактор развития гражданского общества: региональный аспект. *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. 2021;55:224–232.
6. Паклина ЕА. Культурное волонтерство как инновационный вид деятельности добровольцев. *Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры*. 2018;216:125–134.
7. Лазарчук ЕА. Правовое регулирование волонтерской (добровольческой) деятельности в Республике Беларусь. В: Республиканский институт высшей школы. *Высшая школа: проблемы и перспективы. Сборник материалов XV Международной научно-методической конференции; 18 ноября 2021 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Республиканский институт высшей школы; 2021. с. 83–86.
8. Минова МЕ. История развития детского и молодежного движения в Республике Беларусь. *Веснік адукацыі*. 2020;12:28–34.
9. Яницкий ОН. *Волонтерство в непрерывно меняющемся мире*. Москва: Весь мир; 2020. 312 с.

References

1. Pevnaya MV. Student volunteering: motivation of volunteers and features of their activity. *Higher Education in Russia*. 2015;6:81–88. Russian.
2. Bogdanova EV. *Teoriya i praktika organizatsii volonterskoi deyatel'nosti studentov* [Theory and practice of organising student volunteer activities]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University; 2013. 158 p. Russian.
3. Kobysheva LI. [Organisation of social-pedagogical activity of students-volunteers in the conditions of higher educational institutions]. *Concept* [Internet]. 2016 [cited 2024 April 18];9:134–140. Available from: <http://e-koncept.ru/2016/16196.htm>. Russian.
4. Vasilkovskaya MI, Ponomarev VD. [Volunteering as a socio-cultural phenomenon of our time]. In: Mal'tseva NYu, editor. *Pedagogika volonterstva: fenomenologiya i sotsial'no-kul'turnaya praktika* [Pedagogy of volunteering: phenomenology and socio-cultural practice]. Kemerovo: Kemerovskii gosudarstvennyi institut kul'tury; 2021. p. 7–23. Russian.
5. Ponomarev VD, Lazareva LI, Vasilkovskaya MI, Cherdantseva AA. Cultural volunteering as a development factor of civil society: regional aspect. *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Art*. 2021;55:224–232. Russian.
6. Paklina EA. Cultural volunteering as an innovative activity of volunteers. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 2018;216:125–134. Russian.
7. Lazarchuk AA. Legal regulation of volunteering activities in the Republic of Belarus. In: National Institute for Higher Education. *Vysshaya shkola: problemy i perspektivy. Sbornik materialov XV Mezhduнародной nauchno-metodicheskoi konferentsii; 18 noyabrya 2021 g.; Minsk, Belarus* [Higher school: problems and prospects. Proceedings of the 15th International scientific and methodological conference; 2021 November 18; Minsk, Belarus]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2021. p. 83–86. Russian.
8. Minova ME. [The history of the development of the children's and youth movement in the Republic of Belarus]. *Vesnik adukatsyi*. 2020;12:28–34. Russian.
9. Yanitskii ON. *Volonterstvo v nepreryvno menyayushchemsya mire* [Volunteering in a constantly changing world]. Moscow: Ves' mir; 2020. 312 p. Russian.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

PSYCHOLOGICAL RESEARCHES

УДК 159.99

САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ КАК ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ПСИХОЛОГИИ: ОБЗОР КЛАССИЧЕСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Г. А. ФОФАНОВА¹⁾, Е. А. АЛЕКСЕЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Представлен результат анализа классических и современных научных исследований феномена самопрезентации. Установлено, что, несмотря на наличие большого пласта изысканий в зарубежной и отечественной психологии, единого определения данного феномена нет. Выявлено, что в связи с влиянием реалий современной жизни, в частности цифровизации, на возможности, стратегии и тактики самопрезентационного поведения существует необходимость в глубоком эмпирическом изучении цифровой самопрезентации, имеющей важное значение в принятии решений личностного, профессионального и государственного характера.

Ключевые слова: самопрезентация; стратегии самопрезентации; тактики самопрезентации; реальная и виртуальная самопрезентация; самопрезентация в социальных сетях.

Образец цитирования:

Фофанова ГА, Алексеева ЕА. Самопрезентация как проблемное поле психологии: обзор классических и современных исследований. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2024;3:57–65. EDN: ODHDKX

For citation:

Fofanova GA, Aliakseyeva LA. Self-presentation as a problem field in psychology: review of classical and modern research. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2024;3:57–65. Russian. EDN: ODHDKX

Авторы:

Галина Александровна Фофанова – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук.

Елизавета Александровна Алексеева – магистрант кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – Г. А. Фофанова.

Authors:

Galina A. Fofanova, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences.

gfofanova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-4177-8399>

Lizaveta A. Aliakseyeva, master's degree student at the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences.

alexeeva.eliz@icloud.com

SELF-PRESENTATION AS A PROBLEM FIELD IN PSYCHOLOGY: REVIEW OF CLASSICAL AND MODERN RESEARCH

G. A. FOFANOVA^a, L. A. ALIAKSEYEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: G. A. Fofanova (gfofanova@gmail.com)

Abstract. The result of the analysis of classical and modern scientific research of the phenomenon of self-presentation is presented. It is established that, despite a large amount of research in foreign and domestic psychology, there is still no single definition of this phenomenon. It is determined that due to the influence of the realities of modern life, in particular digitalisation, on the possibilities, strategies, and tactics of self-presentational behaviour, there is a need for a deep empirical study of digital self-presentation, which is of great importance in personal, professional, and government decision-making.

Keywords: self-presentation; self-presentation strategies; self-presentation tactics; real and virtual self-presentation; self-presentation in social networks.

Введение

Самопрезентация является неотъемлемой частью жизни каждого человека и играет важную роль во взаимодействии между людьми, поскольку то, как индивид преподносит себя другим, определяет продуктивность как личных, так и профессиональных отношений. Обладая навыками грамотного представления себя в различных условиях, например в ситуациях знакомства, трудоустройства или продвижения по карьерной лестнице, акцентируя внимание на собственных профессионально-деловых, коммуникативных и волевых качествах, человек способен удовлетворять имеющиеся у него потребности. В реалиях современной жизни самопрезентация

претерпела некоторые изменения. Развитие информационно-коммуникационных технологий привело к возникновению таких феноменов, как виртуальная реальность, киберпространство и цифровая среда, которым человек посвящает значительную часть своего времени. Цифровое пространство трансформирует стратегии и тактики самопрезентации, предоставляя пользователям возможность управлять впечатлением – создавать и поддерживать определенный образ. В силу этой причины изучение специфики феномена самопрезентации и в реальном (нецифровом), и в виртуальном (цифровом) взаимодействии является актуальной задачей.

Основная часть

Термины «самопредъявление», «самоподача», «демонстрация я-образа», «управление впечатлением» и «самопрезентация» нашли отражение как в зарубежных, так и в отечественных исследованиях. Значительный интерес к сущности изучаемого феномена вызван большим количеством прикладных задач: знания об особенностях самопрезентационного поведения необходимы для повышения успешности реального взаимодействия (социальной адаптации, эффективной межкультурной коммуникации, решения вопроса трудоустройства, реализации себя в профессии и т. д.).

Исследования самопрезентации можно условно разделить на факторные и поведенческие. В первом случае изучаются ситуационные, личностные и мотивационные факторы, во втором случае определяются стратегии и тактики самопрезентации¹.

В рамках факторных исследований вопрос управления впечатлением впервые был затронут представителем драматургического подхода И. Гофманом.

Он считал, что в процессе общения для индивида характерны демонстрация желаемого я-образа и проявление активности в целях влияния на других участников взаимодействия. Иными словами, субъектом движет стремление произвести желаемое впечатление, которое поспособствует достижению наибольшей для него выгоды [1]. Положения гофмановской теории более детально были разработаны исследователями в контексте мотивационного, ситуационного и личностного подходов [2].

Представители мотивационного подхода выдвинули теорию, согласно которой самопрезентация обусловлена внутренним фактором – мотивацией. По мнению И. И. Джонса и Т. С. Питтмана, в основе управления впечатлением лежит мотив власти, что предполагает стремление установить собственное влияние в межличностных связях [3]. Л. Б. Филонов предлагает противоположную точку зрения, состоящую в том, что потребность в построении доверительных отношений выступает исходным мотивом

¹Клименко А. А., Хазова С. А., Карасева С. А. Самопрезентационная компетентность: содержание и основы формирования : учеб. пособие / М-во сел. хоз-ва Рос. Федерации, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина». Краснодар : КубГАУ, 2018. 163 с.

предъявления я-информации [4]. Выводы М. Р. Лири и Р. М. Ковальски позволяют определить в качестве мотивов самопрезентации поддержание самооценки и развитие желаемой идентичности путем создания я-образа [5]. Соглашаясь с ними, Б. Р. Шленкер и М. Ф. Вейголд полагают, что в процессе взаимодействия индивиду свойственно осознанное стремление сформировать я-образ и у себя, и у окружающих [2]. С точки зрения Р. Ф. Баумайстера и А. Штайнхилбера, самоподача базируется на мотиве проявления себя во внешнем мире посредством выражения собственных мыслей, демонстрации характера [6]. Роль управления впечатлением в реализации мотива достижения или избегания неудач отмечает Р. М. Аркин [7]. Обобщая все рассуждения исследователей, можно заключить, что в рамках мотивационного подхода самопредъявление рассматривается с позиции демонстративного поведения, главная цель которого – получение желаемого результата путем формирования определенного впечатления.

Сторонники ситуационного подхода, напротив, подчеркивают большое значение внешних факторов при управлении впечатлением. М. Р. Лири и Дж. Б. Незлек считают, что самопрезентация связана с такими характеристиками ситуаций, как степень знакомства субъекта с участниками интеракции, значимость ситуации для него и его зависимость от окружения [8]. По этой причине Б. Р. Шленкер предположил, что важную роль в регуляции процесса управления впечатлением играют принятые в культуре нормы и правила взаимодействия [9]. В данном ключе рассуждал и Р. А. Виклунд, который ввел понятие «объективное самосознание». По мнению автора, субъект, пытаясь осознать самого себя, обращается к имеющимся у него нормам этики, морали и эстетики [10]. Из вышесказанного следует, что при ситуативном подходе акцентируется важность социального и культурного контекста в построении индивидом соответствующего я-образа.

Личностный подход основывается на рассмотрении роли индивидуальных характеристик в процессе управления впечатлением. Например, концепция самомониторинга, предложенная М. Снайдером, предполагает зависимость самопрезентации от саморефлексии как личностной черты [11]. Поведение людей с высокой степенью рефлексии по поводу своего внутреннего мира выстраивается спонтанно, потому что их внимание сконцентрировано на собственных ценностях и мнениях. Напротив, индивиды с низкой степенью саморефлексии руководствуются мнением других о себе, их поведение ориентировано на формирование нужного впечатления, а следовательно, самоподача носит целенаправленный характер.

Описанные подходы предлагают уникальные и убедительные аргументы в пользу своей состоя-

тельности, однако ни один из них не может быть всеобъемлющим, поскольку, сосредоточиваясь на каком-либо аспекте рассматриваемого феномена, оставляет без внимания другие аспекты. Нам представляется, что в процессе самоподачи решающими являются ситуационные факторы, а мотивационные и личностные факторы выступают в качестве базиса для реализации самопрезентационного поведения в конкретных обстоятельствах.

Поведенческие исследования управления впечатлением посвящены анализу этого феномена через призму психических процессов. Например, определяя место самопредъявления в системе психологического знания, Г. В. Бороздина подчеркивает роль внимания в данном процессе. Автор рассматривает самоподачу через привлечение внимания к особенностям внешнего вида и поведения, учитывая ситуацию межличностного взаимодействия². К мнению исследователя присоединяется Е. Л. Доценко, определяя самопрезентацию как управление образами реципиента для достижения целей [12]. Ю. М. Жуков придерживается позиции, согласно которой самопредъявление есть компонент коммуникативного поведения [13]. Так, задачами процесса самоподачи выступают создание у окружающих определенного впечатления (в рамках восприятия) и регуляция собственного поведения в критических ситуациях (в рамках поведения).

Более полное понимание проблемного поля феномена самопрезентации в русскоязычных исследованиях представлено в работах О. А. Пикулёвой. Самоподача личности есть «в различной мере осознаваемый, с учетом специфики социальной ситуации, и постоянно осуществляемый в межличностном взаимодействии процесс предъявления я-информации в вербальном и невербальном поведении субъекта самопрезентации» [14, с. 162]. В основу данной дефиниции легли положения ситуационного и личностного подходов, где подчеркиваются важность индивидуальных характеристик человека (осознанность или неосознанность процесса) и влияние социального контекста на его поведение.

Эмпирические исследования позволили на базе различных критериев выделить ключевые виды самопрезентации субъекта, что нашло отражение в предложенных определениях. Например, В. В. Хороших и Е. Б. Чарыкова акцентируют внимание на сознательности этого процесса, понимая под самоподачей «процесс регуляции производимого субъектом впечатления, с учетом специфики социальных ситуаций, и (или) выражения системы представлений о самом себе» [15, с. 104]. В. А. Янчук толкует самопрезентацию как «процесс осознаваемого или неосознаваемого, целенаправленного или стихийного предъявления определенных аспектов собственной самости окружающим, осуществляемый

²Бороздина Г. В. Психология делового общения : учеб. пособие. М. : Инфра-М, 2006. 224 с.

при взаимодействии между людьми»³. Такая точка зрения предполагает выделение критерия целенаправленности управления впечатлением.

Разнообразие видов самопрезентации представлено в типологии В. В. Хороших. В основе данной типологии лежат следующие критерии: 1) стремление получить социальное одобрение или избежать потерь в нем (естественная (более полное участие в социальных интеракциях) и защитная (поведение, направленное на уменьшение социальных взаимодействий) самопрезентация); 2) осознанность действий субъекта (осознаваемая (контролируемая) и неосознаваемая (автоматическая) самопрезентация); 3) условия самоподачи (непосредственная и опосредованная самопрезентация); 4) способ предъявления информации (прямая (представление информации о себе) и косвенная (трансляция информации об индивидах и объектах, с которыми субъект самоподачи связан опосредованно) самопрезентация); 5) степень успешности (успешная и неуспешная самопрезентация) [16].

Обобщая результаты эмпирических исследований и различные варианты понимания феномена самопредъявления, О. А. Пикулёва также предложила классификацию видов самопрезентации личности. В качестве критериев выступили осознанность действий субъекта (осознаваемая (контролируемая) и неосознаваемая (автоматическая) самопрезентация), опосредованность (непосредственная (субъект-объектное взаимодействие) и опосредованная (субъект-объект-субъектное взаимодействие) самопрезентация), целенаправленность (проактивная (активная) и реактивная (пассивная) самопрезентация) и время осуществления самопрезентационных действий (стратегическая и тактическая самопрезентация) [17].

Различны не только подходы к пониманию рассматриваемого явления, но и стратегии и тактики самопрезентации. Стратегией самопредъявления выступает совокупность в различной мере осознаваемых поведенческих актов, нацеленных на формирование нужного впечатления с учетом долгосрочных идентичностей путем реализации конкретных тактик самоподачи [18]. Под тактикой самоподачи подразумевается поведенческий акт, включающий в себя «приемы вербального и невербального поведения, направленный на создание желаемого впечатления, необходимого для определенных краткосрочных целей, о субъекте самопрезентации» [18, с. 66]. Следовательно, тактика самопрезентации есть компонент стратегии, ее частное проявление. Использование тактик самоподачи сопровождается стремлением создать желаемое впечатление в краткосрочной перспективе, в то время как стратегическая самопрезентация рассматривается в качестве долгосрочного

явления, при котором формирование такого впечатления есть вклад в будущее.

Первая классификация стратегий самоподачи появилась в работе И. И. Джонса и Т. С. Питтмана. По мнению исследователей, для поддержания влияния в межличностных отношениях субъекты реализуют такие стратегии, как инграция (предъявление одобряемых в социуме качеств, т. е. стремление понравиться; основные тактики – проявление согласия с другими людьми, лесть), самопродвижение (демонстрация компетентности и профессионализма; основные тактики – доказательство своего превосходства, восхваление себя), примерность (потребность быть примером для людей; основные тактики – осуждение других людей, хвастовство, демонстрация превосходства), запугивание (демонстрация силы с целью казаться опасным, что заставляет окружающих повиноваться) и демонстрация слабости (признание нужды в помощи; основная тактика – просьба о помощи) [3].

Р. Ф. Баумайстер и А. Штайнхилбер ограничиваются выделением ублажающей и самоконструирующей стратегий самопрезентации. Суть ублажающей стратегии заключается в ориентации на аудиторию для получения ее одобрения. Самоконструирующая стратегия предполагает поддержание идеального Я, которое в последующем производит впечатление на окружающих [6].

Бинарную таксономию предлагают и Дж. Т. Тедески и С. Линдсколд, выделяя утверждающую и оборонительную стратегии самоподачи. Первая стратегия направлена на создание положительного образа, вторая стратегия – на восстановление хорошего впечатления путем устранения негативного я-образа [19].

Классификация, предложенная А. Шуцом, основана на двух факторах: 1) активности или пассивности субъекта; 2) мотиве самопредъявления (стремлении выглядеть хорошо или стремлении избавиться от негативного образа). В зависимости от сочетания данных факторов автором были выделены ассертивный (субъект предпринимает активные, но неагрессивные действия для создания позитивного впечатления), агрессивный (желаемый образ формируется индивидом достаточно агрессивно, например путем очернения конкурента), защитный (человек предъявляет ограниченное количество негативной информации о себе) и оправдывающий (субъект активен, однако стремится избежать негативного образа) стили самопрезентации [20].

В табл. 1 представлена детальная типология стратегий и тактик самопрезентации, разработанная Б. М. Куигли и его коллегами [21]. Данная типология апробирована О. А. Пикулёвой на российской выборке, в результате чего было установлено, что в процессе самопредъявления человек использует почти весь спектр стратегий и тактик. На выбор

³Янчук В. А. Введение в современную социальную психологию : учеб. пособие для вузов. Минск : Асар, 2005. С. 391.

субъектом конкретных стратегий и тактик влияют специфика социальной ситуации, степень значимо-

сти окружения для индивида, а также его личностные характеристики [18].

Таблица 1

Стратегии и тактики самопрезентации

Table 1

Strategies and tactics of self-presentation

Стратегии самопрезентации	Тактики самопрезентации
Уклонение – уход от ответственности и избегание решительных действий	Оправдание с отрицанием ответственности (З) Отречение (З) Препятствование самому себе (З)
Аттрактивное поведение – поведение, вызывающее благоприятное впечатление о субъекте самопрезентации	Желание понравиться (А) Извинение (З) Стремление быть образцом для подражания (А)
Самовозвышение – демонстрация высокой самооценки и доминирования	Сообщение о своих достижениях (А) Преувеличение своих достижений (А) Оправдывание с принятием ответственности (З)
Самопринижение – демонстрация слабости	Просьба или мольба (А)
Силовое влияние – демонстрация силы и статуса	Запугивание (А) Негативная оценка других людей (А)

Примечание. В скобках буквой А обозначен ассертивный вид тактики самопрезентации, буквой З – защитный вид тактики самопрезентации.

Распространение интернет-коммуникации способствовало возникновению новых форм самопрезентации в различных цифровых сферах (в социальных сетях и мессенджерах, на форумах и т. д.). Данные изменения повлекли за собой повышенный интерес со стороны социальных психологов, изучающих особенности управления впечатлением в цифровом пространстве.

Вопросами самопрезентации в социальных сетях занимались как зарубежные, так и отечественные исследователи: А. Васалоу и А. Н. Джоинсон [22], Чжао Шанян, С. Грасмук и Дж. Мартин [23], В. В. Хороших и Е. Б. Чарыкова [15], И. А. Уманская и Е. А. Тезикова [24], А. Е. Жичкина и Е. П. Белинская [25], а также другие ученые. Для русскоязычных исследователей предметом изучения выступали самоподача в интернет-общении, средства предъявления личности в киберпространстве, удельный вес реального компонента в виртуальном пространстве, особенности самопрезентационного поведения с точки зрения пола, возраста, социального статуса.

Д. С. Корниенко и его коллеги предлагают определять самоподачу в социальных сетях как «стремление создать, поддерживать и модифицировать образ себя перед реальной или воображаемой аудиторией» для подкрепления самооценки, «проявления собственной идентичности и идентификации с группой» [26, с. 3]. Виртуальная самопрезентация предполагает самовыражение с помощью цифровых сервисов и ресурсов, в частности их текстуальных и мультимедийных возможностей [24]. Несмотря на то что сегодня таких средств управления впечатлением становится все больше, существует базовый набор инструментов для создания субъектом своего цифрово-

го образа: никнейм, аватар, статус, персональные данные (пол, возраст, семейное положение, место работы и т. д.), а также фото-, видео- и аудиоматериалы, размещаемые в аккаунте субъекта в социальной сети. Данному процессу способствует существующая в интернет-среде анонимность. Она позволяет пользователям экспериментировать с представляемой информацией, поэтому способы подачи материала у них различаются.

Как отмечает Т. А. Бочарова, в основе создания виртуального образа находятся желание получить новый опыт, стремление к удовлетворению личных потребностей, а также мотив произвести на объект самопредъявления определенное впечатление [27]. А. Е. Жичкина и Е. П. Белинская также подчеркивают, что самопрезентация в цифровом пространстве способна удовлетворить те потребности индивида, которые он по каким-либо причинам не может удовлетворить в реальной жизни [25]. А. Э. Слюсарева обращает внимание на то, что в интернете личность пользователя базируется на его я-концепции, влияющей на выбор никнейма и аватара, указание возраста [28].

Сопоставляя реальные и виртуальные способы самоподачи, исследователи пришли к выводу о том, что реальный образ дополняет виртуальный и наоборот. Данный процесс происходит ввиду следующих причин: желания выразить подавленную часть личности; потребности продемонстрировать все стороны своего Я посредством ресурсов, предоставляемых электронными платформами; стремления воссоздать образ, которого субъект не способен достичь в реальности; преобладания в цифровом пространстве более социально одобряемых качеств; возможности

изменения своих внешних данных благодаря отсутствию телесности с целью примерить новую социальную роль [25]. Следовательно, субъект самопрезентации подходит к созданию виртуального образа сознательно, а средства конкретной социальной сети позволяют ему трансформировать информацию о своей личности. Аналогичные результаты были получены Д. В. Погонцевой, согласно которым предъявление я-информации в киберпространстве искажается в целях коррекции или сокрытия настоящего образа [29].

Асинхронность является одной из отличительных черт цифровой самопрезентации. Она предполагает возможность пользователя проверить и отредактировать информацию, которую он размещает в интернете, что может привести к созданию образа, отличного от реального. Однако, по данным О. А. Гримова, в социальных сетях наблюдается тенденция к демонстрации подлинных личностных характеристик [30]. В то же время этот факт не предполагает размещения абсолютно всей информации, соответствующей реальности: субъект делится лишь теми качествами, которые считает своими преимуществами. Чжао Шанян и его коллеги отмечают, что на сегодняшний день социальные сети выступают не анонимным пространством, а средой, интегрирующей как реальное, так и виртуальное окружение [23], что, в свою очередь, накладывает отпечаток на процессы заполнения аккаунта, выбора фотографий и написания текстов для публикации. В данном случае предоставление ложной информации о себе является нецелесообразным.

На соответствие виртуального образа реальному влияет и социальный контекст. Например, А. Васалоу и А. Н. Джоинсон выявили, что выбор пользователем фотографии аккаунта зависит от тематики ресурса [22]. Так, для блога отбираются повседневные снимки, для сайтов знакомств – наиболее привлекательные для потенциального партнера изображения, для игровых платформ – фотографии, отражающие интеллектуальный уровень субъекта.

Различные варианты самопрезентационного поведения в интернете были рассмотрены также М. Михияном и его коллегами [31]. В процессе самоподачи человек раскрывает одну сторону своего Я – реальную, идеальную или ложную. Объективные личностные характеристики он показывает в случае демонстрации реального Я, желаемые качества – при выражении идеального Я, вымышленные, отличающиеся от объективных характеристики – в ситуации предъявления ложного Я.

Исследование самопрезентации представителей творческих профессий в нецифровом и цифровом пространствах отражено в публикации О. В. Гавриченко [32]. Так, цель, которую преследуют студенты в случае нецифрового самопредъявления, состоит в создании реального образа, связанного с их профессиональной деятельностью, реализацией себя

в профессии в будущем. В процессе цифровой самопрезентации они фиксируют свою реальную жизнь в данный момент времени. Также О. В. Гавриченко вместе с Е. П. Белинской пришли к выводу о том, что различия в демонстрации Я в социальных сетях касаются социального статуса пользователя в интернете, где персонификация свойственна скорее субъектам с низким социальным статусом [33]. По мнению авторов, половые и возрастные характеристики на самопрезентацию в сети не влияют. М. К. Карпова и М. А. Моница, напротив, акцентируют внимание на разнонаправленности самопредъявления представителей младшего и старшего поколений [34]. Молодые люди чаще делятся информацией об экспериментах над своей внешностью, совершенных покупках, проведенном времени с друзьями и достижениях в играх, взрослые люди – подлинными сведениями и фотографиями их реальной жизни, например снимками на рабочем месте или с семьей. Эти особенности ранее были установлены И. А. Уманской и Е. А. Тезиковой, обнаруживших, что демонстрация ложных фактов преобладала у представителей периода ранней юности, размещение достоверной информации о себе – у представителей молодости [24]. Так, авторы выявили отличие реального образа представителей периода ранней юности от их виртуального образа, что может быть связано со стремлением пользователей выглядеть старше своего возраста, примерить новую социальную роль.

Р. В. Овчарова исследовала соотношение уровня самооценки человека и используемых им в социальных сетях тактик [35]. Результаты показали, что для личностей с высокой самооценкой характерно применение тактик ассертивного вида, для субъектов с низкой самооценкой – тактик защитного вида. Как подчеркивают Н. Стримбу и М. О'Коннелл, пользователи с высокой самооценкой склонны демонстрировать наиболее соответствующую реальности информацию [36].

Связи между характеристиками самоподачи в социальных сетях и личностными чертами человека были установлены в исследовании Д. С. Корниенко и его коллег [26]. Авторы выделяют такие виды презентации своего Я, как реалистичная демонстративная и фальшивая, обманная самопрезентация [26, с. 1]. При выраженности реалистичной демонстративной самопрезентации отмечается стремление индивида избегать обсуждения неудач и недостатков, а при большем проявлении фальшивой, обманной самопрезентации – ориентация субъекта на мнение других людей.

И. Г. Сидорова уделяет внимание роли статуса пользователей в социальных сетях как особого средства управления впечатлением [37]. По ее мнению, существуют следующие категории статусов: статус-обращение, статус-ссылка, статус-настроение и статус-размышление. Посредством статуса индивид может обозначить правила коммуникации с ним, свое

эмоциональное состояние, отношение к миру. Стоит отметить, что в русскоязычных социальных сетях статусы пользователей могут включать невербальные (графические) компоненты, что нехарактерно для англоязычных ресурсов.

Анализ эмпирических исследований, касающихся изучения самопрезентационного поведения в виртуальном пространстве, позволил выявить сходства и различия реальной и виртуальной самопрезентации (табл. 2).

Таблица 2

Сходства и различия реальной и виртуальной самопрезентации

Table 2

Similarities and differences between real and virtual self-presentation

Особый компонент реальной самопрезентации	Особые компоненты виртуальной самопрезентации	Общие компоненты реальной и виртуальной самопрезентации
Непосредственность	Анонимность (иллюзия анонимности)	Социальный контекст
	Асинхронность	Вербальное и невербальное общение
	Опосредованность электронной средой	Детерминированность личностными характеристиками субъекта

Заключение

Самопрезентация как в нецифровом, так и в цифровом взаимодействии осуществляется путем вербального и невербального общения, она опосредована социальным контекстом и детерминирована полом, возрастом, социальным статусом, уровнем самооценки и другими личностными характеристиками субъекта. Можно отметить стремление пользователей интернета демонстрировать подлинные факты о себе, но вместе с тем при коммуникации с партнером или более широкой аудиторией акцентировать внимание на сильных сторонах. Виртуальное самопредъявление предоставляет возможность как детализировать и разнообразить реальное Я по-

средством инструментов цифрового пространства (никнейма, аватара, статуса, различных персональных данных, а также фото-, видео- и аудиоматериалов, размещаемых в аккаунте субъекта), так и создать не пересекающийся с реальностью образ, что зависит от личностных характеристик субъекта. Несмотря на наличие достаточно обширного пласта исследований, нам видится необходимым углублять изучение соотношения нецифровой и цифровой самопрезентации субъекта, а также факторов, детерминирующих данные виды самопрезентации, поскольку распространение интернета интенсивно влияет на все сферы жизнедеятельности человека.

Библиографические ссылки

1. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. В: Андреева ГМ, редактор. *Современная зарубежная социальная психология*. Москва: Издательство Московского университета; 1984. с. 188–197.
2. Котлярова МН. *Теории самопрезентации*. Санкт-Петербург: Питер; 2002. 163 с.
3. Jones EE, Pittman TS. Toward a general theory of strategic self-presentation. *Psychological Perspectives on the Self*. 1982;1:231–262.
4. Филонов ЛБ. *Психологические аспекты установления контактов между людьми (методика контактного взаимодействия)*. Пушино: Научный центр биологических исследований АН СССР; 1982. 40 с.
5. Leary MR, Kowalski RM. Impression management: a literature review and two-component model. *Psychological Bulletin*. 1990;1:34–47.
6. Baumeister RF, Steinhilber A. Paradoxical effects of supportive audiences on performance under pressure: the home field disadvantage in sports championships. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1984;1:85–93.
7. Arkin RM. Self-presentation. In: Vallacher RR, Wegner DM, editors. *The self in social psychology*. New York: Oxford University Press; 1986. p. 356–365.
8. Leary MR, Nezlek JB. Self-presentation in everyday interactions: effects of target familiarity and gender composition. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1994;4:664–673.
9. Schlenker BR. Self-presentation. In: Leary MR, Tangney JP, editors. *Handbook of self and identity*. New York: Guilford Publications; 2003. p. 492–518.
10. Wicklund RA. Objective self-awareness. In: Berkowitz L, editor. *Advances in experimental social psychology*. Volume 8. New York: Academic Press; 1975. p. 233–275.
11. Snyder M. Self-monitoring of expressive behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1974;4:526–537. DOI: 10.1037/H0037039.
12. Доценко ЕЛ. *Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита*. Москва: ЧеРо; 1997. 344 с.
13. Жуков ЮМ. *Эффективность делового общения*. Москва: Знание; 1988. 63 с. (В помощь лектору).

14. Пикулёва ОА. Теоретические подходы к пониманию самопрезентации личности через призму осознанности-неосознанности процесса. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2013;4:158–172.
15. Хороших ВВ, Чарыкова ЕБ. Факторы вариативности виртуальной самопрезентации подростков. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология*. 2017;19:103–112.
16. Хороших ВВ. *Психологические факторы успешности самопрезентации* [диссертация]. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет; 2001. 269 с.
17. Пикулёва ОА. *Психология самопрезентации личности*. Москва: Инфра-М; 2013. 320 с. (Научная мысль).
18. Пикулёва ОА. Классификации самопрезентации личности: теоретические основания и проблемные аспекты. *Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина*. 2013;5(1):63–69.
19. Tedeschi JT, Lindskold S. *Social psychology: interdependence, interaction, and influence*. New York: Wiley; 1976. 728 p.
20. Schutz A. Assertive, offensive, protective, and defensive styles of self-presentation: a taxonomy. *The Journal of Psychology*. 1998;6:611–628. DOI: 10.1080/00223989809599293.
21. Suk-Jae Lee, Quigley BM, Nesler MS, Corbett AB, Tedeschi JT. Development of self-presentation tactics scale. *Personality and Individual Differences*. 1999;4:701–722. DOI: 10.1016/S0191-8869(98)00178-0.
22. Vasalou A, Joinson AN. Me, myself and I: the role of interactional context on self-presentation through avatars. *Computers in Human Behavior*. 2009;2:510–520. DOI: 10.1016/j.chb.2008.11.007.
23. Zhao Shanyang, Grasmuck S, Martin J. Identity construction on Facebook: digital empowerment in anchored relationships. *Computers in Human Behavior*. 2008;5:1816–1836. DOI: 10.1016/j.chb.2008.02.012.
24. Уманская ИА, Тезикова ЕА. Особенности самопрезентации в интернет-сетях в период ранней юности и молодости. *Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика*. 2012;4:66–68.
25. Жичкина АЕ, Белинская ЕП. Самопрезентация в виртуальной коммуникации и особенности идентичности подростков-пользователей интернета. В: Собкин ВС, редактор. *Образование и информационная культура. Социологические аспекты. Труды по социологии образования. Том 5, выпуск 7*. Москва: Институт социологии образования Российской академии образования; 2000. с. 431–460.
26. Корниенко ДС, Руднова НА, Горбушина ЕА, Дериш ФВ. Психометрические характеристики шкалы самопрезентации в социальной сети. *Психологические исследования* [Интернет]. 2021 [процитировано 26 марта 2024 г.];75. Доступно по: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/153/90>. DOI: 10.54359/ps.v14i75.153.
27. Бочарова ТА. Особенности цифровой самопрезентации. *Научное мнение*. 2019;12:43–47. DOI: 10.25807/PBH.22224378.2019.12.43.47.
28. Слюсарева АЭ. Самопрезентация подростков в социальных сетях. *Интерактивная наука*. 2019;12:23–25. DOI: 10.21661/r-519206.
29. Погонцева ДВ. Самопрезентация в киберпространстве. *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*. 2012;2:66–72.
30. Гримов ОА. Самопрезентация личности в социальных сетях. *Социология*. 2013;2:59–66.
31. Michikyan M, Subrahmanyam K, Dennis J. Can you tell who I am? Neuroticism, extraversion, and online self-presentation among young adults. *Computers in Human Behavior*. 2014;33:179–183. DOI: 10.1016/j.chb.2014.01.010.
32. Гавриченко ОВ. Особенности самопрезентации в реальном и виртуальном пространстве представителей творческих профессий. *Вестник РГТУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование*. 2018;4:96–114.
33. Белинская ЕП, Гавриченко ОВ. Самопрезентация в виртуальном пространстве: феноменология и закономерности. *Психологические исследования* [Интернет]. 2018 [процитировано 26 марта 2024 г.];60. Доступно по: <http://psystudy.ru>. DOI: 10.54359/ps.v11i60.269.
34. Карпова МК, Мони́на МА. Социальные сети как особый канал самопрезентации индивида. *Наука. Общество. Государство*. 2018;1:158–167.
35. Овчарова ПВ. Самопрезентация личности подростков и юношей в социальной сети. *Общество: социология, психология, педагогика*. 2021;3:74–79. DOI: 10.24158/spp.2021.3.12.
36. Strimbu N, O'Connell M. The relationship between self-concept and online self-presentation in adults. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2019;12:804–807. DOI: 10.1089/cyber.2019.0328.
37. Сидорова ИГ. Способы позиционирования интернет-личности в социальной сети. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2013;9:29–33.

References

1. Goffman E. [The presentation of self in everyday life]. In: Andreeva GM, editor. *Sovremennaya zarubezhnaya social'naya psihologiya* [Modern foreign social psychology]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta; 1984. p. 188–197. Russian.
2. Kotlyarova MN. *Teorii samoprezentatsii* [Theories of self-presentation]. Saint Petersburg: Piter; 2002. 163 p. Russian.
3. Jones EE, Pittman TS. Toward a general theory of strategic self-presentation. *Psychological Perspectives on the Self*. 1982;1:231–262.
4. Filonov LB. *Psikhologicheskie aspekty ustanovleniya kontaktov mezhdu lyud'mi (metodika kontaktnogo vzaimodeistviya)*. [Psychological aspects of establishing contacts between people (method of contact interaction)]. Pushchino: Nauchnyi tsentr biologicheskikh issledovaniy AN SSSR; 1982. 40 p. Russian.
5. Leary MR, Kowalski RM. Impression management: a literature review and two-component model. *Psychological Bulletin*. 1990;1:34–47.
6. Baumeister RF, Steinhilber A. Paradoxical effects of supportive audiences on performance under pressure: the home field disadvantage in sports championships. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1984;1:85–93.
7. Arkin RM. Self-presentation. In: Vallacher RR, Wegner DM, editors. *The self in social psychology*. New York: Oxford University Press; 1986. p. 356–365.
8. Leary MR, Nezek JB. Self-presentation in everyday interactions: effects of target familiarity and gender composition. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1994;4:664–673.

9. Schlenker BR. Self-presentation. In: Leary MR, Tangney JP, editors. *Handbook of self and identity*. New York: Guilford Publications; 2003. p. 492–518.
10. Wicklund RA. Objective self-awareness. In: Berkowitz L, editor. *Advances in experimental social psychology*. Volume 8. New York: Academic Press; 1975. p. 233–275.
11. Snyder M. Self-monitoring of expressive behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1974;4:526–537. DOI: 10.1037/H0037039.
12. Dotsenko EL. *Psikhologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita* [Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and defense]. Moscow: CHRo; 1997. 344 p. Russian.
13. Zhukov YuM. *Effektivnost' delovogo obshcheniya* [Effectiveness of business communication]. Moscow: Znanie; 1988. 63 p. (V pomoshch' lektoru). Russian.
14. Pikuleva OA. Approaches to personality self-presentation through the lens of consciousness. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*. 2013;4:158–172. Russian.
15. Khoroshikh VV, Charykova EB. Aspects of variation of adolescents' virtual self-presentation. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Psychology*. 2017;19:103–112. Russian.
16. Khoroshikh VV. *Psikhologicheskie faktory uspekhov samoprezentatsii* [Psychological factors of successful self-presentation] [dissertation]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University; 2001. 269 p. Russian.
17. Pikuleva OA. *Psikhologiya samoprezentatsii lichnosti* [The psychology of personal self-presentation]. Moscow: Infra-M; 2013. 320 p. (Nauchnaya mysl'). Russian.
18. Pikuleva OA. Dassifications of self-presentation of personality: theoretical grounds and problematic aspects. *Pushkin Leningrad State University Journal*. 2013;5(1):63–69. Russian.
19. Tedeschi JT, Lindskold S. *Social psychology: interdependence, interaction, and influence*. New York: Willey; 1976. 728 p.
20. Schutz A. Assertive, offensive, protective, and defensive styles of self-presentation: a taxonomy. *The Journal of Psychology*. 1998;6:611–628. DOI: 10.1080/00223989809599293.
21. Suk-Jae Lee, Quigley BM, Nesler MS, Corbett AB, Tedeschi JT. Development of self-presentation tactics scale. *Personality and Individual Differences*. 1999;4:701–722. DOI: 10.1016/S0191-8869(98)00178-0.
22. Vasalou A, Joinson AN. Me, myself and I: the role of interactional context on self-presentation through avatars. *Computers in Human Behavior*. 2009;2:510–520. DOI: 10.1016/j.chb.2008.11.007.
23. Zhao Shanyang, Grasmuck S, Martin J. Identity construction on Facebook: digital empowerment in anchored relationships. *Computers in Human Behavior*. 2008;5:1816–1836. DOI: 10.1016/j.chb.2008.02.012.
24. Umanskaya IA, Tezikova YeA. Peculiarities of self-presentation on Internet networks in the period of younger youth and youngness. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova. Series: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika*. 2012;4:66–68. Russian.
25. Zhichkina AE, Belinskaya EP. [Self-presentation in virtual communication and identity peculiarities of adolescent Internet users]. In: Sobkin VS, editor. *Obrazovanie i informatsionnaya kul'tura. Sotsiologicheskie aspekty. Trudy po sotsiologii obrazovaniya. Tom 5, vypusk 7* [Education and information culture. Sociological aspects. Proceedings on the sociology of education. Volume 5, issue 7]. Moscow: Institut sotsiologii obrazovaniya Rossiiskoi akademii obrazovaniya; 2000. p. 431–460. Russian.
26. Kornienko DS, Rudnova NA, Gorbushina EA, Derish FV. Psychometric prosperities of self-presentation in online social networks scale. *Psychological Studies* [Internet]. 2021 [cited 2024 March 26];75. Available from: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/153/90>. Russian. DOI: 10.54359/ps.v14i75.153.
27. Bocharova TA. Features of digital self-presentation. *Nauchnoe mnenie*. 2019;12:43–47. Russian. DOI: 10.25807/PBH.2224378.2019.12.43.47.
28. Sliusareva AE. Self-presentation in social media among teenagers. *Interaktivnaya nauka*. 2019;12:23–25. Russian. DOI: 10.21661/r-519206.
29. Pogontseva DV. Self-presentation in cyberspace. *Philosophical Problems of Information Technology and Cyberspace*. 2012;2:66–72. Russian.
30. Grimov OA. Personal self-presentation in social networking services. *Sociology*. 2013;2:59–66. Russian.
31. Michikyan M, Subrahmanyam K, Dennis J. Can you tell who I am? Neuroticism, extraversion, and online self-presentation among young adults. *Computers in Human Behavior*. 2014;33:179–183. DOI: 10.1016/j.chb.2014.01.010.
32. Gavrichenko OV. Features of the self-presentation in real and virtual space of representatives of creative professions. *RGGU Bulletin. Series: Psychology. Pedagogics. Education Series*. 2018;4:96–114. Russian.
33. Belinskaya EP, Gavrichenko OV. The self-presentation in virtual space: phenomenology and regularities. *Psychological Studies* [Internet]. 2018 [cited 2024 March 26];60. Available from: <http://psystudy.ru>. Russian. DOI: 10.54359/ps.v11i60.269.
34. Karpova MK, Monina MA. Social networks as a special channel for self-presentation of an individual. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*. 2018;1:158–167. Russian.
35. Ovcharova RV. Self-presentation of the personality of adolescents and young men in the social network. *Obshchestvo: sociologiya, psikhologiya, pedagogika*. 2021;3:74–79. Russian. DOI: 10.24158/spp.2021.3.12.
36. Strimbu N, O'Connell M. The relationship between self-concept and online self-presentation in adults. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2019;12:804–807. DOI: 10.1089/cyber.2019.0328.
37. Sidorova IG. [Ways to position an Internet personality on a social network]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2013;9:29–33. Russian.

Статья поступила в редакцию 15.04.2024.
Received by editorial board 15.04.2024.

УДК 159.9

ТРЕВОЖНОСТЬ И АГРЕССИВНОСТЬ У ПОДРОСТКОВ ИЗ ПОЛНЫХ И НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ

О. Г. КСЁНДА¹⁾, Д. В. БОГДАНОВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассмотрены проблемы тревожности и агрессивности у мальчиков и девочек из полных и неполных семей. Выявлено, что для мальчиков характерна демонстрация физической агрессии. Определено, что у девочек более выражены показатели ситуативной тревожности, личностной тревожности, вербальной агрессии, косвенной агрессии, негативизма, раздражения, обиды, подозрительности, чувства вины, а также индекса агрессивности и индекса враждебности. Установлено, что различия в проявлении тревожности у подростков из полных и неполных семей отсутствуют, различия же в выражении агрессивности у двух групп респондентов обнаружены только по параметру чувства вины.

Ключевые слова: подростковый возраст; тревожность; агрессивность; полная семья; неполная семья.

ANXIETY AND AGGRESSIVENESS OF ADOLESCENTS FROM COMPLETE AND SINGLE-PARENT FAMILIES

O. G. KSIONDA^a, D. V. BOGDANOVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: O. G. Ksionda (olgaksionda@gmail.com)

Abstract. The problems of anxiety and aggressiveness in boys and girls from complete and single-parent families are considered. It is revealed that boys are characterised by demonstration of physical aggression. It is determined that girls have more pronounced indicators of situational anxiety, personality anxiety, verbal aggression, indirect aggression, negativism, irritation, resentment, suspicion, guilt, as well as the index of aggressiveness and the index of hostility. It was found that there are no differences in the expression of anxiety in adolescents from complete and single-parent families, while differences in the expression of aggression in the two groups of respondents were found only in the parameter of guilt.

Keywords: adolescence; anxiety; aggressiveness; complete family; single-parent family.

Образец цитирования:

Ксёнда ОГ, Богданович ДВ. Тревожность и агрессивность у подростков из полных и неполных семей. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2024;3:66–74.
EDN: QIATQY

For citation:

Ksionda OG, Bogdanovich DV. Anxiety and aggressiveness of adolescents from complete and single-parent families. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2024;3:66–74. Russian.
EDN: QIATQY

Авторы:

Ольга Григорьевна Ксёнда – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук.

Дина Владимировна Богданович – студентка факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – О. Г. Ксёнда.

Authors:

Olga G. Ksionda, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences.

olgaksionda@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-4667-1099>

Dina V. Bogdanovich, student at the faculty of philosophy and social sciences.

dina.naumchik@gmail.com

Введение

Семья оказывает значительное влияние на личность ребенка в целом и его социальную жизнь и эмоциональную сферу в частности [1]. Неблагополучные отношения между членами семьи, например частые конфликты, физическое насилие, низкая культура общения, отсутствие уважения и доверия, формируют представление ребенка о межличностных связях как о непредсказуемых, опасных, таких, которых лучше избегать. Отсутствие эмоциональной теплоты, непосредственности и взаимопонимания в отношениях родителей и детей, особенно подростков в силу появления у них юношеского максимализма и чувства взрослости, сказывается на развитии эмоциональной сферы последних, в частности вызывает повышение тревожности и агрессивности как механизмов защиты.

Исследователи доказали, что проблемные отношения родителей и детей часто характерны для неполных семей [2–4]. Можно говорить об определенной стигматизации детей из данного типа семей, поскольку считается, что по многим показателям они хуже детей, воспитывающихся в полных семьях [5; 6]. Такие неблагоприятные события, как развод родителей, смерть одного из них и отсутствие любви в семейных отношениях, связаны с возникновением у ребенка психологических травм и поведенческих расстройств [7–10]. Состав семьи оказывает значительное влияние на личность, эмоциональную сферу, жизнестойкость и поведение подростка, а также на переживание им возрастных кризисов [11–15]. Кроме того, повышается тревожность и агрессивность ребенка: подростки из неполных семей бывают замкнуты, застенчивы, не уверены в своих силах, неуравновешенны или жестоки [16–20].

Понятие тревожности можно рассматривать с нескольких точек зрения. С одной стороны, тревожность есть эмоциональное состояние (переживание эмоционального дискомфорта, связанного с ожиданием неблагоприятного, предчувствием грозящей опасности). С другой стороны, она выступает в качестве устойчивого свойства личности (психологической особенности, проявляющейся в склонности человека к частому и интенсивному переживанию состояния тревоги, а также в низком пороге его возникновения)¹.

В психологии существуют различные подходы к классификации названного явления. Так, Н. Л. Корепанова и О. В. Лебедева выделяют социальную тревожность (переживания человека по поводу собственных действий, которые могут быть восприняты окружающими негативно), публичную тревожность (боязнь индивида стать объектом внимания большого количества людей, в частности получить отрицательную оценку), посттравматическую тревожность (переживания индивида, связанные с угрозами его

жизни или жизни его близкого человека), экзистенциальную тревогу (признание человеком факта, что когда-то он может умереть) и разделенное тревожное состояние (сильный приступ тревоги у индивида в случае, если он оказывается вдали от конкретного места или человека) [21]. Т. Ю. Артюхова и Н. В. Басалаева к основным видам тревожности относят ситуативную и личностную тревожность [22]. В первом случае тревожность человека обусловлена реальной или воображаемой (возникающей накануне возможных трудностей) ситуацией. Данное состояние является нормальным, поскольку становится мобилизирующим механизмом решения проблем. Когда угроза пропадает, напряжение уменьшается и исчезает. Ситуативная тревожность выражается через такие эмоциональные состояния, как беспокойство, нервозность, подавленность, страх, агрессия и т. д. Во втором случае тревожность выступает чертой человека, проявляющейся в его склонности к постоянному переживанию тревоги в разных жизненных ситуациях, в том числе в тех, которые объективно к этому не располагают. Личностная тревожность характеризуется состоянием неосознанного страха, неясным ощущением угрозы и готовностью воспринять любое событие как неблагоприятное и опасное.

Тревожность имеет разные проявления². Поведенческие проявления связаны с конкретными действиями человека (при тревоге индивид крутит ручку, грызет ногти, суетится, часто плачет, скованно себя ведет и т. д.). Через состояние организма выражаются физиологические проявления (у человека краснеет или бледнеет лицо, дрожат или потеют руки, учащается сердцебиение и т. д.). Эмоциональные проявления относятся к переживанию личностью эмоций и чувств (чувства вины, стыда или беспомощности).

Как психическое свойство, тревожность специфически выражается у представителей различных возрастных групп. Подростки отличаются самой высокой степенью тревожности. Несмотря на то что тревожность не является устойчивой чертой личности, она может стать ею к подростковому возрасту в случае, если с раннего детства у человека фиксируется тревожность ввиду переживания семейных проблем [22]. Иными словами, подростковый возраст, выступая переломным моментом развития, может оказаться тем жизненным периодом, когда ситуативная тревожность перерастает в личностную. Такая тревожность часто появляется у подростков с повышенной ранимостью, впечатлительностью, мнительностью.

Потребности человека связаны с его переживаниями. В подростковом возрасте к ведущим потребностям относятся общение со сверстниками, самоутверждение, ощущение себя значимым путем поиска своего

¹Прихожан А. М. Формы и «маски» тревожности. Влияние тревожности на деятельность и развитие личности // Тревога и тревожность / сост. и ред. В. М. Астапов. СПб. : Пер сз, 2001. С. 143–156.

²Там же.

места среди других и т. д. Так, причинами роста тревожности у подростков становятся необходимость поддержания хорошей успеваемости в школе и потребность в избегании конфликтов с учителями и одноклассниками. Беспокойство у учащихся вызывают нетактичность и грубость учителей, сравнения с более успешными сверстниками, требования и ожидания родителей по отношению к ним, обвинения со стороны взрослых, порождающие у подростков чувство вины [23; 24]. Кроме того, значимой причиной возникновения тревожности выступает чувство зависимости. Для подростка важно быть принятым в референтную группу и соответствовать ее нормам, сохранив при этом индивидуальность, поскольку социальное признание является подтверждением их чувства собственной ценности. Отверженность переживается подростками особенно сильно и может привести к личностной изоляции и усилению чувства одиночества³.

Возникновение тревожности зависит от самооценки подростков. Дети с заниженной самооценкой, пребывающие в психическом напряжении, являются неспособными определить источник опасности. Им присущи высокая степень раздражительности и эмоциональная нестабильность при ожидании неприятностей во время социального взаимодействия.

Часто тревожность сочетается с агрессивностью как защитной реакцией на переживание страха. Поскольку тревожность достаточно сильно коррелирует с агрессивностью, многие ученые исследуют эти феномены в комплексе [16; 25].

Агрессивность есть относительно устойчивая черта личности, проявляющаяся в готовности к агрессии, а также в склонности воспринимать и интерпретировать поведение другого субъекта как враждебное⁴.

А. Басс и Э. Дарки выделили следующие виды агрессивных реакций: физическую агрессию (применение физической силы против другого человека), вербальную агрессию (проявление негативных чувств через форму (крик, визг) или содержание (ругань, угрозы) словесных реакций), косвенную агрессию (совершение действий, направленных на другого индивида скрытым путем или не направленных ни на кого), негативизм (оппозиционное поведение (от пассивного сопротивления до активного противостояния установленным обычаям и законам)), раздражение (готовность к выражению негативных чувств даже при небольшом возбуждении (вспыльчивость, грубость)), обиду (злость, зависть и неприязнь по отношению к окружающим за реальные и надуманные действия), подозрительность (недоверие к другим субъектам или уверенность в том, что кто-либо планирует нанести вред) и чувство вины (убежденность в неправильности собственных действий и переживание в связи с этим отрицательных эмоций) [26].

Агрессивность довольно заметно выражается в поведении подростков. Основными причинами данного явления выступают защита, месть, желание привлечь внимание сверстников, добиться ожидаемого результата, занимать главенствующие позиции, а также намерение унижить другого человека, чтобы подчеркнуть свое превосходство [27].

Таким образом, межличностная напряженность и отсутствие взаимопонимания в семье приводят к тому, что у подростков формируется повышенная тревожность и агрессивность. Целью настоящего исследования выступает установление различий в проявлении тревожности и агрессивности у подростков из полных и неполных семей.

Материалы и методы исследования

Исследование выполнялось в три этапа. На первом этапе осуществлялся сбор данных. В качестве респондентов выступили 123 учащихся 7–9-х классов учебных заведений г. Минска. Для опроса использовались шкала оценки уровня реактивной и личностной тревожности (*state – trait anxiety inventory*) Ч. Д. Спилбергера, адаптированная Ю. Л. Ханиным, и опросник уровня агрессивности (*Buss – Durkee hostility inventory*) А. Басса и Э. Дарки в адаптации А. К. Осипко, А. А. Хвана и др.

На втором этапе были отсеяны анкеты с большим количеством пропущенных ответов. Итоговую выборку составили 100 испытуемых (52 мальчика и 48 дево-

чек), из которых 50 подростков воспитываются в полных семьях и 50 подростков – в неполных семьях.

На третьем этапе проводилась обработка данных с использованием программы *SPSS Statistics 16.0*. Эта процедура включала проверку выборки на нормальность распределения критерием Колмогорова – Смирнова, составление описательной статистики (средние, минимальные и максимальные значения, среднеквадратическое отклонение) и установление взаимосвязи тревожности и агрессивности, а также различий в их проявлении у подростков из полных и неполных семей с помощью *U*-критерия Манна – Уитни и коэффициента корреляции Пирсона соответственно.

Результаты и их обсуждение

После проведения диагностического исследования тревожности у подростков получены следующие ре-

зультаты. Анализ ситуативной тревожности показал, что низкий уровень наблюдается у 22 % опрошен-

³Мухина В. С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество : учебник. 7-е изд., стереотип. М. : Академия, 2003. 456 с.

⁴Фурманов И. А. Социальная психология агрессии и насилия : учеб. пособие. Минск : БГУ, 2016. 392 с.

ных, умеренный уровень – у 31 % опрошенных, высокий уровень – у 47 % опрошенных. По параметру личностной тревожности низкий уровень выявлен только у 2 % респондентов, умеренный уровень –

у 49 % респондентов, высокий уровень – у 49 % респондентов. Результаты распределения подростков с разным уровнем тревожности в зависимости от пола представлены в табл. 1.

Таблица 1
Доля мальчиков и девочек с разным уровнем тревожности, %
Table 1
Share of boys and girls with different levels of anxiety, %

Уровень тревожности	Ситуативная тревожность		Личностная тревожность	
	Мальчики	Девочки	Мальчики	Девочки
Низкий	36,5	6,2	4,0	0
Умеренный	48,0	45,8	63,5	33,4
Высокий	15,5	48,0	32,5	66,6

Полученные результаты демонстрируют, что девочки гораздо более тревожны, чем мальчики. Эти данные согласуются с выводами исследований Т. В. Чучалиной [28], Е. В. Самосадовой и О. В. Парчайкиной [25] и противоречат сведениям исследований А. С. Максимовой [29], А. В. Северина и Е. С. Киричик [30].

Источники повышенной ситуативной тревожности у подростков часто связаны с учебным процессом (написанием контрольных работ, непониманием школьных заданий, отставанием в учебе, низкой учебной мотивацией, проблемами с саморегуляцией), взаимодействием с другими людьми, негативизмом и демонстративными реакциями, завышенными требованиями со стороны родителей. Подростки боятся быть не принятыми сверстниками или оказаться в нелепой ситуации и быть высмеянными. Также фактором, который содействует появлению ситуативной тревожности, выступают физиологические изменения, связанные с началом полового созревания. Следует сказать, что данные изменения больше тревожат девочек, поскольку внешность для них очень важна.

Возможные причины высокой личностной тревожности у подростков кроются в том, что подростковый возраст является кризисным периодом развития, характеризующимся нестабильностью и частой сменой настроения индивида. Также личностная тревожность может быть связана с неудовлетворением ведущих потребностей подростков, одна из которых – стабильно благополучное отношение к себе, формированием психастенической акцентуации характера и наличием особенностей я-концепции, что вызывает затруднения в адекватном восприятии собственных успехов и ошибок.

Повышенный уровень тревожности дезорганизует все виды деятельности ребенка (преимущественно познавательную). Кроме того, он препятствует концентрации внимания, негативно влияет на установление межличностных контактов, воздействует на

объективность восприятия другого человека, повышает риск развития депрессии, неврозов, головной боли и панических атак.

Среднее значение уровня ситуативной тревожности у подростков из полных семей равняется 37,32 балла, у подростков из неполных семей – 41,10 балла. Среднее значение уровня личностной тревожности у респондентов из полных семей составляет 45,96 балла, у респондентов из неполных семей – 47,78 балла. У подростков из разных типов семей различия в уровне ситуативной тревожности ($U = 989,0$; $p = 0,07$) и личностной тревожности ($U = 1043,5$; $p = 0,154$) не являются существенными, хотя и можно говорить о том, что значения ситуативной тревожности у детей из неполных семей несколько выше, чем у подростков из полных семей⁵. Анализ показал, что повышенный уровень тревожности (как ситуативной, так и личностной) характерен для современных подростков независимо от состава семьи.

Рассмотрим результаты статистического анализа уровня агрессивности у мальчиков и девочек (табл. 2). Представленные данные противоречат общепринятому мнению о том, что агрессивность свойственна мальчикам: по всем шкалам, кроме шкалы «физическая агрессия», показатели уровня агрессивности выше у девочек. Индекс агрессивности у девочек равен 59,50 балла, у мальчиков – 56,82 балла (различия статистически незначимы). Статистически значимые различия выявлены по шкалам «раздражение», «обида» и «подозрительность», которые составляют индекс враждебности. Показатели данного индекса ($U = 912,0$; $p = 0,05$) также значительно выше у девочек (66,98 балла), чем у мальчиков (54,0 балла). Полученные результаты демонстрируют особенность современного состояния общества: женщине нужно быть сильной в любой социальной роли (мамы, хозяйки и сотрудницы), что является практически недостижимым и приводит к появлению обид, раздражительности и подозрительности.

⁵Полученные значения превышают критический уровень значимости ($p = 0,05$).

Таблица 2

Различия показателей уровня агрессивности у мальчиков и девочек по шкалам на основе *U*-критерия Манна – Уитни

Table 2

Differences of indicators of level of aggressiveness of boys and girls by scales on the basis of Mann – Whitney *U*-test

Шкала	Среднее значение уровня агрессивности, баллы		<i>U</i> -критерий Манна – Уитни	Уровень значимости (<i>p</i>)
	Мальчики	Девочки		
Физическая агрессия	57,32	56,60	1198,0	0,901
Вербальная агрессия	54,62	59,33	1098,0	0,42
Косвенная агрессия	58,50	62,50	1150,0	0,486
Негативизм	49,61	52,50	1185,0	0,626
Раздражение	44,65	53,10	942,0	0,05
Обида	53,0	66,35	908,0	0,05
Подозрительность	53,0	67,60	905,0	0,05
Чувство вины	56,48	57,29	1212,0	0,90

Примечание. Полужирным шрифтом выделены статистически значимые результаты.

В табл. 3 отражены результаты статистического анализа уровня агрессивности у подростков из полных и неполных семей. У детей из полных семей наиболее выражены показатели шкал «подозрительность», «вербальная агрессия», «обида» и «физическая агрессия», у подростков из неполных семей – показатели шкал «косвенная агрессия», «подозрительность», «обида» и «чувство вины». Небольшие различия показателей в двух группах наблюдаются по шкале «косвенная агрессия». Проявление данного вида агрессии больше характерно для детей из неполных семей: таким образом подростки пытаются привлечь к себе внимание, поэтому могут совершать акты вандализ-

ма, портить имущество, сплетничать о сверстниках или взрослых, разыгрывать их. Различия показателей по шкале «чувство вины» у подростков из полных и неполных семей статистически значимы. У представителей второй группы показатель выше, что означает их большую склонность к негативному самовосприятию, самообвинению. Они чаще подвержены отрицательным эмоциям вследствие переживаний, убеждены в неверности своих поступков, чему способствует их социальное окружение, в частности матери, которые могут перекладывать на детей ответственность за развод, винить их в схожести с ненавистным партнером, предъявлять завышенные требования.

Таблица 3

Различия показателей уровня агрессивности у подростков из полных и неполных семей по шкалам на основе *U*-критерия Манна – Уитни

Table 3

Differences of indicators of level of aggressiveness of adolescents from complete and single-parent families by scales on the basis of Mann – Whitney *U*-test

Шкала	Среднее значение уровня агрессивности, баллы		<i>U</i> -критерий Манна – Уитни	Уровень значимости (<i>p</i>)
	Подростки из полных семей	Подростки из неполных семей		
Физическая агрессия	56,54	57,42	1232,0	0,903
Вербальная агрессия	58,08	55,68	1158,0	0,524
Косвенная агрессия	56,16	64,74	984,0	0,06
Негативизм	52,0	50,0	1180,0	0,62
Раздражение	47,70	49,68	1197,0	0,71
Обида	57,72	61,10	1151,0	0,49
Подозрительность	59,40	62,70	1105,0	0,31
Чувство вины	53,02	60,72	963,0	0,04

Примечание. Полужирным шрифтом выделены статистически значимые результаты.

Заключение

Результаты проведенного исследования показали высокий уровень тревожности и агрессивности у испытуемых подростков, особенно у девочек. Полагаем, что причина такой ситуации состоит в изменении содержания гендерных ролей. В силу юношеского максимализма девочки-подростки, проявляя повышенную агрессию, пытаются соответствовать современным представлениям о сильной женщине. Вместе с тем они испытывают повышенную тревожность, соотнося себя с предлагаемым в средствах массовой информации, интернете и кинематографии недостижимым идеалом красивой, сильной и успешной девушки, которая сама легко решает все проблемы и остается всегда на высоте. Последствиями

такой ситуации могут стать сбой физиологической системы организма и ухудшение психологического состояния.

В то же время практически не обнаружены различия в выражении тревожности и агрессивности у детей из полных и неполных семей. Полученные результаты указывают на то, что в современных условиях состав семьи не всегда является решающим фактором развития личности. Тем не менее подростки из неполных семей чаще испытывают чувство вины, на формирование которого влияет прежде всего отношение к ним матерей, склонных обвинять собственных детей в распаде брака или неустроенной жизни.

Библиографические ссылки

1. Игебаева ФА. Семья как базовый агент социализации личности. *Инновационная наука*. 2016;1–3:170–171.
2. Гвоздак АВ, Полякова ЛВ. Специфика отношений родителей и детей в неполных семьях. В: Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы. *Традиции и инновации в национальных системах образования. Материалы Международной научно-практической конференции; 17 декабря 2020 г.; Уфа, Россия. Том 2*. Уфа: Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы; 2021. с. 194–196.
3. Князева ТН, Иванцова АИ. Специфика восприятия детско-родительских отношений детьми и родителями в полных и неполных семьях. *Проблемы современного педагогического образования*. 2018;59(часть 3):396–400.
4. Гуломов ААУ. Отношения между детьми и родителями в неполных семьях. В: Степанова НА, редактор. *Социокультурные и психологические проблемы современной семьи: актуальные вопросы сопровождения и поддержки. Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции; 15–16 ноября 2022 г.; Тула, Россия*. Чебоксары: Среда; 2022. с. 305–307.
5. Павлов ИВ. Образ отца в сознании юношей и девушек из неполных и полных семей. *Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія*. 2012;1:186–198.
6. Стрельник ЕВ. Социальная стигматизация мономатеринских семей. *Социология: теория, методы, маркетинг*. 2012;4:148–157.
7. Wałęcka-Matyja K. Adolescent personalities and their self-acceptance within complete families, incomplete families and reconstructed families. *Polish Journal of Applied Psychology*. 2014;12(1):59–74. DOI: 10.1515/pjap-2015-0004.
8. Асадова ТФ, Казакова ЕВ. Сравнительный анализ показателей социально-психологического уровня психологического здоровья подростков из полной и неполной семьи. В: Казакова ЕВ, составитель и редактор. *Психология и современный мир. Материалы заочной Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых; 23 апреля 2020 г.; Архангельск, Россия. Выпуск 13, Субъект жизнедеятельности в современном обществе*. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова; 2020. с. 217–222.
9. Неустроева АБ, Кириллина ЕГ. Социально-психологические особенности детей из неполных и полных семей: сравнительное исследование. В: Закс ЛА, редактор. *Кризисы нашего времени как вызов обществу, культуре, человеку. Материалы XXIII Международной научно-практической конференции; 15–16 апреля 2021 г.; Екатеринбург, Россия*. Екатеринбург: Гуманитарный университет; 2021. с. 441–446.
10. Смахтина ТА, Кубекова АС. Индивидуально-психологические особенности личности подростков из полных и неполных семей. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2021;3:138–144. DOI: 10.34670/AR.2021.88.46.015.
11. Муллаева РК, Родионов МА. Исследование личностных особенностей подростков, воспитывающихся в неполных семьях после развода родителей. В: Медведева ИА, редактор. *Актуализация персональных ресурсов личности. Сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции; 20–21 мая 2023 г.; Пенза, Россия*. Пенза: Пензенский государственный университет; 2023. с. 71–75.
12. Кузнецова ЕВ. Эмоциональная сфера подростков, воспитывающихся в условиях неполной семьи. *Конструктивные педагогические заметки*. 2023;11:207–216.
13. Щербан ТД, Терновой АВ. Психологічні особливості формування життєстійкості підлітків із неповних сімей. В: Максименко СД, Онуфрієва ЛА, редактори. *Проблеми сучасної психології. Збірник наукових праць Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка, Інституту психології імені Г. С. Костюка НАПН України. Випуск 32. Кам'янець-Подільський: Аксіома; 2016. с. 586–600.*
14. Глебова НВ. Неполная семья как фактор формирования отклоняющегося поведения у подростков. В: Грибанова ДЯ, редактор. *Актуальные проблемы развития личности в современном обществе. Материалы Международной научно-практической конференции; 19–21 ноября 2020 г.; Псков, Россия*. Псков: Псковский государственный университет; 2020. с. 17–21.
15. Токарева ЮА, Сороколат ЕВ. Особенности переживания возрастного кризиса подростками из неполной семьи. В: Научный центр «Диспут». *Наука сегодня: теория и практика. Материалы Международной научно-практической конференции; 29 августа 2018 г.; Вологда, Россия*. Вологда: Маркер; 2018. с. 107–109.
16. Джабраилова ММ, Далгатов ММ. Психологическая характеристика агрессивности и тревожности у подростков из семей с разным социальным статусом. *Проблемы современного педагогического образования*. 2022;75(часть 2):368–372.

17. Кудашкина ОВ, Иванушкина ВА. Исследование тревожности подростков из неполных семей. В: Варданян ЮВ, редактор. *Евсевьевские чтения. Серия: Наука и образование: актуальные психологические проблемы и опыт решения. Сборник материалов Международной научно-практической конференции с элементами научной школы для молодых ученых «52-е Евсевьевские чтения»; 2–3 июня 2016 г.; Саранск, Россия.* Саранск: Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева; 2016. с. 210–215.
18. Голубева АД. Особенности тревожности подростков из неполных семей. В: Международный центр науки и образования. *Научный форум: педагогика и психология. Сборник материалов LXVI Международной научно-практической конференции; 3 ноября 2022 г.; Москва, Россия. Том 10.* Москва: Международный центр науки и образования; 2022. с. 31–37.
19. Нухова МВ. Особенности формирования и проявления агрессивности у подростков из полных и неполных семей. В: Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы. *Научно-методические аспекты изучения актуальных проблем педагогики и психологии. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Педагогика и психология на рубеже веков: мифы и реальность»; 23 сентября 2000 г.; Москва – Уфа, Россия.* Уфа: Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы; 2000. с. 92–94.
20. Джалаева АК. Агрессивность подростков в полных и неполных семьях. В: Ситникова ВЛ, редактор. *Семья и дети в современном мире. Том 4, Семья. Дети. Социум.* Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена; 2018. с. 82–86.
21. Корепанова НЛ, Лебедева ОВ. Тревожность. Ее причины и следствия. *Концепт* [Интернет]. 2016 [процитировано 2 апреля 2024 г.];28:35–37. Доступно по: <http://e-koncept.ru/2016/56462.htm>.
22. Артюхова ТЮ, Басалаева НВ. Тревожность современных подростков. *Альманах современной науки и образования.* 2009;4:15–19.
23. Долгова ВИ, Барышникова ЕВ, Сергиенко АЮ. Изучение ситуативной тревожности у пятиклассников. *Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта.* 2016;6:226–232. DOI: 10.5930/issn.1994-4683.2016.06.136.p226-232.
24. Корабельникова ЕА. Тревожные расстройства у подростков. *Медицинский совет.* 2018;18:34–43. DOI: 10.21518/2079-701X-2018-18-34-43.
25. Самосадова ЕВ, Парчайкина ОВ. Особенности агрессивности и тревожности у мальчиков и девочек подросткового возраста. В: Ключко ОИ, редактор. *Ребенок в образовательном пространстве мегаполиса. Материалы Всероссийской научно-практической конференции; 12–13 апреля 2016 г.; Москва, Россия.* Санкт-Петербург: Научно-информационный центр АРТ; 2016. с. 358–363.
26. Цыганова ЛН. Понятие «агрессивность» в психолого-педагогической литературе. Особенности агрессивного поведения в подростковом возрасте. *Вестник Мордовского университета.* 2011;2:188–196.
27. Долгова ВИ, Иванова ЛВ, Банщикова АИ. Психологические особенности агрессивного поведения подростков. *Концепт* [Интернет]. 2015 [процитировано 18 марта 2024 г.];31:11–15. Доступно по: <http://e-koncept.ru/2015/95509.htm>.
28. Чучалина ТВ. Сравнительный анализ тревожности у мальчиков и девочек. В: Алонцева АИ, Колтунова АА, Лукьянченко ИВ, Налимова ТА, редакторы. *Личностное развитие: социокультурные и образовательные аспекты. Сборник научных статей Национальной научно-практической конференции; 1–31 октября 2022 г.; Новокузнецк, Россия.* Новокузнецк: Кузбасский гуманитарно-педагогический институт федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет»; 2022. с. 435–440.
29. Максимова АС. Исследование тревожности у мальчиков и девочек подросткового возраста. В: Гнатышина ЕА, редактор. *Профессиональное образование: методология, технологии, практика. Сборник научных статей. Выпуск 16.* Челябинск: Библиотека А. Миллера; 2023. с. 157–159.
30. Северин АВ, Киричик ЕС. Проявления ситуативной и личностной тревожности у девочек и мальчиков подросткового возраста. *Вестник Шадринского государственного педагогического университета.* 2020;4:153–156.

References

1. Igebaeva FA. [Family as a basic agent of personality socialisation]. *Innovation Science.* 2016;1–3:170–171. Russian.
2. Gvozdek AV, Polyakova LV. [Specifics of relations between parents and children in single-parent families]. In: Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla. *Traditsii i innovatsii v natsional'nykh sistemakh obrazovaniya. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 17 dekabrya 2020 g.; Ufa, Rossiya. Tom 2* [Traditions and innovations in national education systems. Proceedings of the International scientific and practical conference; 2020 December 17; Ufa, Russia. Volume 2]. Ufa: Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla; 2021. p. 194–196. Russian.
3. Knyazeva TN, Ivantsova AI. Specificity of perception of child-parent relations by children and parents in complete and incomplete families. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya.* 2018;59(part 3):396–400. Russian.
4. Gulomov AAU. [Relations between children and parents in single-parent families]. In: Stepanova NA, editor. *Sotsio-kul'turnye i psikhologicheskie problemy sovremennoi sem'i: aktual'nye voprosy soprovozhdeniya i podderzhki. Sbornik materialov VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 15–16 noyabrya 2022 g.; Tula, Rossiya* [Socio-cultural and psychological problems of the modern family: topical issues of maintenance and support. Proceedings of the 8th International scientific and practical conference; 2022 November 15; Tula, Russia]. Cheboksary: Sreda; 2022. p. 305–307. Russian.
5. Pavlov IV. Father-image in the consciousness of young people from one- and two-parent families. *Vesnik of Brest University. Series 3, Philology. Pedagogics. Psychology.* 2012;1:186–198. Russian.
6. Strel'nik EV. [Social stigmatisation of mono-maternal families]. *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing.* 2012;4:148–157. Russian.
7. Walęcka-Matyja K. Adolescent personalities and their self-acceptance within complete families, incomplete families and reconstructed families. *Polish Journal of Applied Psychology.* 2014;12(1):59–74. DOI: 10.1515/pjap-2015-0004.
8. Asadova TF, Kazakova EV. [Comparative analysis of indicators of the socio-psychological level of psychological health of adolescents from complete and single-parent families]. In: Kazakova EV, compiler and editor. *Psikhologiya i sovremenniy mir. Materialy zaachnoi Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh; 23 aprelya 2020 g.; Arkhangel'sk,*

Rossiya. Vypusk 13, Sub'ekt zhiznedejatel'nosti v sovremennom obshchestve [Psychology and the modern world. Proceedings of the correspondence All-Russian scientific conference of students, postgraduates and young scientists; 2020 April 23; Arkhangelsk, Russia. Issue 13, Subject of life activity in modern society]. Arkhangelsk: Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov; 2020. p. 217–222. Russian.

9. Neustroeva AB, Kirillina EG. [Socio-psychological characteristics of children from single-parent and complete families: a comparative study]. In: Zaks LA, editor. *Krizisy nashego vremeni kak vyzov obshchestvu, kul'ture, cheloveku. Materialy XXIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 15–16 aprelya 2021 g.; Ekaterinburg, Rossiya* [Crises of our time as a challenge to society, culture, man. Proceedings of the 23th International scientific and practical conference; 2021 April 15–16; Yekaterinburg, Russia]. Yekaterinburg: Gumanitarnyi universitet; 2021. p. 441–446. Russian.

10. Smakhtina TA, Kubekova AS. Individual psychological characteristics of the personality of adolescents from complete and incomplete families. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*. 2021;3:138–144. Russian. DOI: 10.34670/AR.2021.88.46.015.

11. Mullaeva RK, Rodionov MA. [A study of the personal characteristics of adolescents raised in single-parent families after the divorce of their parents]. In: Medvedeva IA, editor. *Aktualizatsiya personal'nykh resursov lichnosti. Sbornik materialov V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 20–21 maya 2023 g.; Penza, Rossiya* [Updating personal resources of personality. Proceedings of the 5th All-Russian scientific and practical conference; 2023 May 20–21; Penza, Russia]. Penza: Penza State University; 2023. p. 71–75. Russian.

12. Kuznetsova EV. The emotional sphere of adolescents growing up in a single-parent family. *Constructive Pedagogical Notes*. 2023;11:207–216. Russian.

13. Shherban TD, Ternovaj AV. [Psychological features of formation of teenagers' vitality from single-parent families]. In: Maksymenko SD, Onufrieva LA, editors. *Problemy suchasnoi' psyhologii'. Zbirnyk naukovykh prac' Kam'jancja-Podil's'kogo natsional'nogo universytetu imeni Ivana Ogijenka, Instytutu psyhologii' imeni G. S. Kostjuka NAPN Ukraïny. Vypusk 32* [Problems of modern psychology. Collection of research papers of Kamianets-Podilskyi Ivan Ohienko National University, G. S. Kostiuk Institute of Psychology at the National Academy of Pedagogical Science of Ukraine. Issue 32]. Kamianets-Podilskyi: Aksioma; 2016. p. 586–600. Ukrainian.

14. Glebova NV. [Single-parent family as a factor in the formation of deviant behaviour in adolescents]. In: Gribanova DYa, editor. *Aktual'nye problemy razvitiya lichnosti v sovremennom obshchestve. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 19–21 noyabrya 2020 g.; Pskov, Rossiya* [Actual problems of personality development in modern society. Proceedings of the International scientific and practical conference; 2020 November 19–21; Pskov, Russia]. Pskov: Pskov State University; 2020. p. 17–21. Russian.

15. Tokareva YuA, Sorokolat EV. [Features of experiencing an age crisis by adolescents from a single-parent family]. In: Nauchnyi tsentr «Disput». *Nauka segodnya: teoriya i praktika. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 29 avgusta 2018 g.; Vologda, Rossiya* [Science today: theory and practice. Proceedings of the International scientific and practical conference; 2018 August 29; Vologda, Russia]. Vologda: Marker; 2018. p. 107–109. Russian.

16. Dzhabrailova MM, Dalgatov MM. Psychological characteristics of aggressiveness and anxiety in adolescents from families with different social status. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 2022;75(part 2):368–372. Russian.

17. Kudashkina OV, Ivanushkina VA. Study of anxiety adolescents from single-parent families. In: Vardanyan YuV, editor. *Evsev'evskie chteniya. Seriya: Nauka i obrazovanie: aktual'nye psikhologicheskie problemy i opyt resheniya. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s elementami nauchnoi shkoly dlya molodykh uchenykh «52-e Evsev'evskie chteniya»; 2–3 iyunya 2016 g.; Saransk, Rossiya* [Evseviev readings. Series: Science and education: current psychological problems and experience of the decision. Proceedings of the International scientific and practical conference with elements of a scientific school for young scientists «52nd Evseviev readings»; 2016 June 2–3; Saransk, Russia]. Saransk: Mordovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut imeni M. E. Evsev'eva; 2016. p. 210–215. Russian.

18. Golubeva AD. Peculiarities of anxiety in adolescents from single-parent families. In: Mezhdunarodnyi tsentr nauki i obrazovaniya. *Nauchnyi forum: pedagogika i psikhologiya. Sbornik materialov LXVI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 3 noyabrya 2022 g.; Moskva, Rossiya. Tom 10* [Scientific forum: pedagogy and psychology. Proceedings of the 66th International scientific and practical conference; 2022 November 3; Moscow, Russia. Volume 10]. Moscow: Mezhdunarodnyi tsentr nauki i obrazovaniya; 2022. p. 31–37. Russian.

19. Nukhova MV. [Features of the formation and manifestation of aggression in adolescents from complete and single-parent families]. In: Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla. *Nauchno-metodicheskie aspekty izucheniya aktual'nykh problem pedagogiki i psikhologii. Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Pedagogika i psikhologiya na rubezhe vekov: mify i real'nost'»; 23 sentyabrya 2000 g.; Moskva – Ufa, Rossiya* [Scientific and methodological aspects of the study of topical problems of pedagogy and psychology. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference «Pedagogy and psychology at the turn of the century: myths and reality»; 2000 September 23; Moscow – Ufa, Russia]. Ufa: Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla; 2000. p. 92–94. Russian.

20. Dzhalalova AK. [Aggressiveness of adolescents in complete and single-parent families]. In: Sitnikova VL, editor. *Sem'ya i deti v sovremennom mire. Tom 4, Sem'ya. Deti. Sotsium* [Family and children in the modern world. Volume 4, Family. Children. Society]. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia; 2018. p. 82–86. Russian.

21. Korepanova NL, Lebedeva OV. [Anxiety. Its causes and consequences]. *Concept* [Internet]. 2016 [cited 2024 April 2]; 28:35–37. Available from: <http://e-koncept.ru/2016/56462.htm>. Russian.

22. Artyukhova TYu, Basalaeva NV. [Anxiety of modern adolescents]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya*. 2009;4:15–19. Russian.

23. Dolgova VI, Baryshnikova EV, Sergienko AYu. Studing of situational uneasiness at fifth-graders. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. 2016;6:226–232. Russian. DOI: 10.5930/issn.1994-4683.2016.06.136.p226-232.

24. Korabelnikova EA. Anxiety disorders in adolescents. *Medical Council*. 2018;18:34–43. Russian. DOI: 10.21518/2079-701X-2018-18-34-43.

25. Samosadova EV, Parchaikina OV. [Features of aggressiveness and anxiety in adolescent boys and girls]. In: Klyuchko OI, editor. *Rebenok v obrazovatel'nom prostranstve megapolisa. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 12–13 aprelya*

2016 g.; Moskva, Rossiya [A child in the educational space of a megapolis. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference; 2016 April 12–13; Moscow, Russia]. Saint Petersburg: Nauchno-informatsionnyi tsentr ART; 2016. p. 358–363. Russian.

26. Tsyganova LN. [The concept of «aggressiveness» in psychological and pedagogical literature. Features of aggressive behaviour in adolescence]. *Mordovia University Bulletin*. 2011;2:188–196. Russian.

27. Dolgova VI, Ivanova LV, Bانشchikova AI. [Psychological features of aggressive behaviour of adolescents]. *Concept* [Internet]. 2015 [cited 2024 March 18];31:11–15. Available from: <http://e-koncept.ru/2015/95509.htm>. Russian.

28. Chuchalina TV. [Comparative analysis of anxiety in boys and girls]. In: Alontseva AI, Koltunova AA, Luk'yanchenko IV, Nalimova TA, editors. *Lichnostnoe razvitie: sotsiokul'turnye i obrazovatel'nye aspekty. Sbornik nauchnykh statei Natsional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 1–31 oktyabrya 2022 g.; Novokuznetsk, Rossiya* [Personal development: socio-cultural and educational aspects. Proceedings of the National scientific and practical conference; 2022 October 1–31; Novokuznetsk, Russia]. Novokuznetsk: Kuzbasskii gumanitarno-pedagogicheskii institut federal'nogo gosudarstvennogo byudzhethnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya «Kemerovskii gosudarstvennyi universitet»; 2022. p. 435–440. Russian.

29. Maksimova AS. [The study of anxiety in adolescent boys and girls]. In: Gnatyshina EA, editor. *Professional'noe obrazovanie: metodologiya, tekhnologii, praktika. Sbornik nauchnykh statei. Vypusk 16* [Professional education: methodology, technologies, practice. Collection of scientific articles. Issue 16]. Chelyabinsk: Biblioteka A. Millera; 2023. p. 157–159. Russian.

30. Severin AV, Kirichek ES. The demonstrations of situational and personal anxiety in adolescent girls and boys. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2020;4:153–156. Russian.

Статья поступила в редколлегию 04.04.2024.
Received by editorial board 04.04.2024.

ЛИЧНОСТНЫЕ КАЧЕСТВА СПЕЦИАЛИСТОВ ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ С РАЗЛИЧНЫМ СТРЕМЛЕНИЕМ К КАРЬЕРНОМУ РОСТУ

В. А. ДВОРЕЦКАЯ¹⁾

¹⁾Республиканский институт высшей школы, ул. Московская, 15, 220007, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Социальная работа является сложным процессом, который требует глубоких знаний в области теории управления, экономики, психологии, социологии, педагогики, медицины, правоведения и т. д. Эффективность социальной работы зависит не только от уровня подготовки и опыта специалиста по социальной работе, но и от особенностей его личности. Рассмотрены основные требования, предъявляемые к социально-личностному и профессиональному портрету специалиста по социальной работе в современном обществе. Определены критерии профессиональной пригодности работников социальной сферы, что может быть полезным для анализа формирования профессиональной компетентности будущего специалиста по социальной работе. Проведено исследование некоторых личностных качеств специалистов по социальной работе. Выявлено, что большинство респондентов стремятся к карьерному росту (планируют стать методистами по социальной работе или руководителями организаций, оказывающих социальные услуги) и считают необходимым постоянно совершенствоваться в профессиональной деятельности, независимо от того, есть ли перспектива карьерного роста.

Ключевые слова: специалист по социальной работе; личностные качества; карьерный рост; социальная сфера; профессиональная пригодность.

PERSONAL QUALITIES OF SOCIAL WORK SPECIALISTS WITH DIFFERENT ASPIRATIONS FOR CAREER GROWTH

V. A. DVORETSKAYA^a

^aNational Institute for Higher Education, 15 Maskowskaya Street, Minsk 220007, Belarus

Abstract. Social work is a complex process that requires deep knowledge in the field of management theory, economics, psychology, sociology, pedagogy, medicine, law, etc. The effectiveness of social work depends not only on the level of training and experience of a social work specialist, but also on characteristics of his personality. The main requirements to the socio-personal and professional portrait of a social workers in modern society are considered. The criteria of professional suitability of social work specialists are determined, which can be useful for analysing the formation of the professional competence of a future social workers. The research of some personal qualities of social work specialists has been carried out. It was found that the majority of respondents strive for career growth (they plan to become social work methodologists or heads of one of organisations providing social services) and consider it is necessary to constantly improve in professional activity, regardless of whether there is a prospect of career growth.

Keywords: social work specialist; personal qualities; career growth; social sphere; professional suitability.

Образец цитирования:

Дворецкая ВА. Личностные качества специалистов по социальной работе с различным стремлением к карьерному росту. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2024;3:75–82. EDN: QQRVUS

For citation:

Dvoretzskaya VA. Personal qualities of social work specialists with different aspirations for career growth. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2024;3:75–82. Russian. EDN: QQRVUS

Автор:

Виктория Александровна Дворецкая – заместитель начальника управления воспитательной работы с молодежью.

Author:

Viktoria A. Dvoretzskaya, deputy head of the management of educational work with youth.
dvoreckayavika@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7212-4094>

Введение

Сегодня большое внимание уделяется изучению личностных качеств специалистов различных профессий. Немаловажным остается и вопрос влияния данных особенностей на карьерный рост человека. Цель настоящего исследования заключается в анализе личностных качеств специалистов по социальной работе, способствующих или препятствующих их карьерному росту. Актуальность статьи обусловлена интересом современной науки к теме личности, а также различиями в теориях личности в отечественной и зарубежной психологии.

В ходе изучения научной литературы было выяснено, что теория личности состоит из гипотез формирования личности. Современные теории личности можно условно разделить на два основных класса: 1) теории личности, в которых личность рассматривается как индивидуальность (А. Маслоу, Э. Эриксон, Дж. Келли); 2) теории личности, в которых изучаются классы людей (К. Юнг, Г. Айзенк, Г. Олпорт).

Профессиональная деятельность органически вплетена в жизнеустройство личности. Анализ жизненного пути человека позволяет выделить этапы его профессиональной карьеры с учетом восходящей и нисходящей фаз развития, влияния социально-экономических и личностных факторов [1, с. 18]. Карьера формируется «в пространстве процессов самоопределения, самоорганизации и персонализации, а также обуславливается развитием саморефлексии» [2, с. 153]. На протяжении долгих лет она выступает средством развития человека и инициирует количественные и качественные (как позитивные, так и негативные) преобразования личностных характеристик.

В современном мире динамичная карьера считается осязаемым результатом успешной профессиональной деятельности. Принято различать карьерный рост как процесс, в котором ведущую позицию занимает сам субъект, и как процесс, в котором более активную роль играет человек, продвигающий другого человека по карьерной лестнице. В первом случае можно говорить о внутренней мотивации личности, во втором случае – о практике стимулирования человека или управления его деятельностью¹. При классификации сотрудников с точки зрения их карьерной перспективности полезно использовать такие

критерии, как потенциал продвижения и уровень текущей профессиональной компетенции². Карьерный потенциал подразумевает скрытые или ярко выраженные резервные способности личности, необходимые для построения успешной карьеры.

Становление карьеры происходит под влиянием факторов, которые определяют способы, методы и скорость достижения результата. Важными условиями этого процесса являются осознание человеком цели своей профессиональной деятельности, планирование карьеры и желание реализовать личностный потенциал. Востребованные сотрудники имеют средний или высокий уровень притязаний, у них преобладают профессионально значимые мотивы, которые находятся в балансе с когнитивным и социально-нравственным компонентами мотивации. Такие работники являются дисциплинированными и всегда придерживаются стандартов профессиональной этики [3, с. 26].

Что касается специалистов по социальной работе, то можно назвать такие личностные качества, способствующие их карьерному росту, как аккуратность, чистоплотность, вежливость, эмпатия, высокий социальный интеллект, открытость, коммуникабельность, терпение, стрессоустойчивость [4, с. 32–43]. Кроме того, работники данной сферы должны обладать умением поддержать любого человека в сложной ситуации и быть готовыми всегда прийти на помощь. Ряд исследователей (Л. Д. Дёмина, Е. И. Холостова) выделяют следующие группы качеств социального работника: психологические характеристики, которые являются частью способности к этому виду деятельности; психоаналитические качества, направленные на совершенствование социального работника как профессионального специалиста; психолого-педагогические качества, ориентированные на создание эффекта личного обаяния [5, с. 160].

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что для успешного карьерного роста специалисту по социальной работе необходимо владеть соответствующими его квалификации методиками, знать нормативно-правовые особенности деятельности, понимать психологию клиентов и уметь организовать общение с ними.

Материалы и методы исследования

Выборочную совокупность составили 100 социальных работников территориальных центров социального обслуживания населения г. Минска в возрасте 25–40 лет. Они были разделены на две группы. В группу 1 вошли 63 специалиста, стремящихся к ка-

рьерному росту. Группу 2 составили 37 человек, для которых карьерный рост не важен.

Эмпирическое исследование выполнялось в два этапа. На первом этапе формулировались цель, задачи, объект и предмет исследования, проводился тео-

¹Бабосов Е. М., Вайнилович Э. Т., Бабосова Е. С. Управление персоналом : учеб. пособие для студентов вузов по спец. «менеджмент». Минск : ТетраСистемс, 2012. С. 66.

²Там же. С. 67.

ретический анализ и обобщалась психолого-педагогическая литература по проблеме, определились база исследования и группы испытуемых, осуществлялся подбор необходимого психодиагностического инструментария. Второй этап состоял из проведения исследования, обработки и интерпретации полученных данных, формулирования выводов.

Перед началом проведения исследования осуществлялось наблюдение за специалистами по социальной работе в целях анализа их индивидуальных качеств и желания продвигаться по карьерной лестнице. Выяснено, что 63 респондента (63 %) стремятся к карьерному росту (планируют стать методистами по социальной работе или руководителями организаций, оказывающих социальные услуги) и считают необходимым постоянно совершенствоваться в профессиональной деятельности, независимо от того, есть ли перспектива карьерного роста.

Основными теоретическими методами исследования стали анализ и обобщение психолого-педагогической литературы по изучаемой теме. В качестве эмпирических методов использовались опрос и анкетирование. Методами обработки и интерпретации данных выступили методы количественного и качественного анализа. Выявление различий между группами специалистов происходило с помощью *U*-критерия Манна – Уитни.

При исследовании использовались следующие методики: тест межличностных отношений (*interpersonal diagnosis of personality*) Т. Лири в адаптации Л. Н. Собчик, тест С. Райдаса, методика Б. Н. Смирнова, шкала явной тревожности для детей (*the children's form of manifest anxiety scale*) в адаптации А. М. Прихожан, методика диагностики мотивационной структуры личности В. Э. Мильмана, методика диагностики уровня эмпатических способностей В. В. Бойко.

Результаты и их обсуждение

Для исследования типов межличностных отношений у специалистов по социальной работе был ис-

пользован тест межличностных отношений Т. Лири. Полученные результаты отражены на рис. 1.

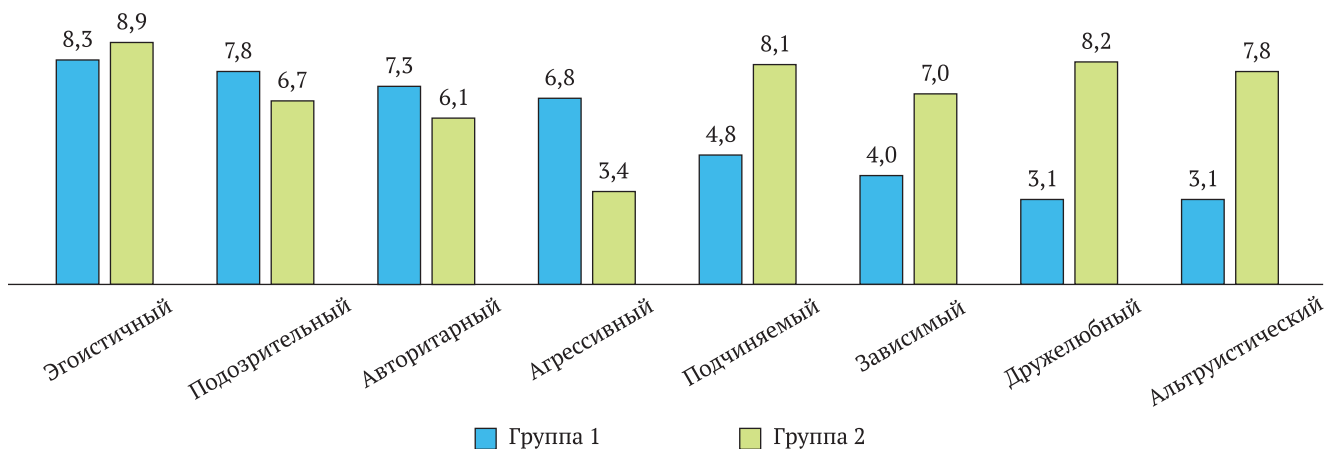

Рис. 1. Типы межличностных отношений у специалистов по социальной работе, баллы

Fig. 1. Types of interpersonal relationships among social work specialists, points

Определено, что у изучаемой выборки специалистов доминирует эгоистичный тип межличностных отношений. Он проявляется в наличии у человека таких черт, как уверенность в себе, независимость, деловитость, иногда эгоистичность и черствость. Такие специалисты ориентированы на себя и склонны к соперничеству. Кроме того, преобладающими являются подозрительный и авторитарный типы межличностных отношений. Специалисты с первым типом межличностных отношений скептически, замкнуты и разочарованы в людях, для них характерны вербальное проявление негативизма в агрессивной форме и наличие трудностей в интерперсональных контактах из-за неуверенности в себе, подозрительности и боязни плохого отношения. Респонденты со вторым типом межличностных отношений энергичны, компетентны, они успешно решают рабочие

вопросы, стремятся к доминированию и независимости, берут на себя ответственность, любят давать советы и требуют уважения к себе.

Наименее распространенными среди специалистов по социальной работе выступают следующие типы межличностных отношений: агрессивный тип (опрошенным свойственны упрямство, упорство и энергичность), подчиняемый тип (для респондентов характерны скромность, робость, уступчивость, эмоциональная сдержанность, способность подчиняться, отсутствие собственного мнения и честность при выполнении обязанностей), зависимый тип (специалисты конформны, мягки, вежливы, доверчивы, склонны к восхищению окружающими, они ожидают помощи и советов), дружелюбный тип (опрошенные являются общительными, расположенными к сотрудничеству, гибкими в конфликтных ситуациях

и сознательно конформными, следуют правилам хорошего тона, проявляют теплоту и доброжелательность в отношениях, стремятся помочь, заслужить признание и любовь, чувствовать себя в центре внимания) и альтруистический тип (респондентам свойственны деликатность, доброта, сострадание, заботливость, ответственность по отношению к людям, бескорыстность и отзывчивость, они умеют подбодрить и успокоить окружающих).

Далее был вычислен индекс, необходимый для определения преобладающей оси – вертикальной (доминирование – подчинение) или горизонтальной (дружелюбие – враждебность). Индекс ориентации был выделен без учета деления на группы. Так, положительный результат, полученный по показателю «доминирование» (4,6 балла), свидетельствует о выраженном стремлении специалистов к лидер-

ству в общении. Отрицательный результат по показателю «дружелюбие» (–2,5 балла) указывает на проявление агрессивно-конкурентной позиции, препятствующей сотрудничеству и успешному межличностному общению.

Полученное в результате выявления различий между специалистами по социальной работе с точки зрения показателя межличностных отношений эмпирическое значение $U_{\text{эмп}} = 20,5$ находится в зоне незначимости. Соответственно, можно сделать вывод о том, что статистические различия по показателю межличностных отношений между двумя группами респондентов отсутствуют.

В целях оценки уровня уверенности в себе у специалистов по социальной работе был применен тест С. Райдаса. Полученные результаты представлены на рис. 2.

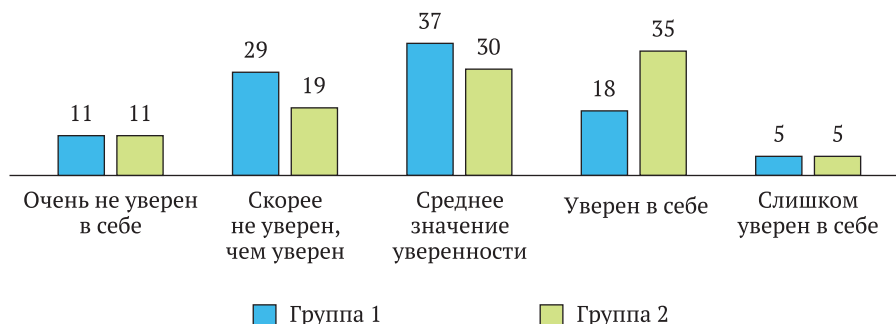

Рис. 2. Уровень уверенности в себе у специалистов по социальной работе, %

Fig. 2. Level of self-confidence among social work specialists, %

Установлено, что в группе 1 преобладают респонденты со средним уровнем уверенности в себе и незначительной неуверенностью в себе. Такие специалисты, ввиду сомнений в своей профессиональности, могут делать ошибочные выводы и принимать неудачные решения. В группе 2 преобладают специалисты с высоким и средним уровнями уверенности в себе. Они не сомневаются в своей квалификации и в том, что выполняют работу наилучшим образом, но вместе с тем часто ошибочно полагают, что задачи, легкие для них, так же легки и для других людей.

Полученное в результате выявления различий между специалистами по социальной работе с точки зрения показателя уверенности в себе эмпирическое значение $U_{\text{эмп}} = 11,0$ находится в зоне незначимости. Следовательно, можно сделать вывод о том, что статистических различий по показателю уверенности в себе у респондентов нет.

Для исследования уровня эмоциональной возбудимости у специалистов по социальной работе была применена методика Б. Н. Смирнова. Полученные результаты представлены на рис. 3 и 4.

Определено, что в группе 1 преобладают специалисты с очень высоким уровнем пластичности (а именно скорости возникновения и прекращения нервных процессов), высоким уровнем эмоциональной урав-

новешенности (респонденты сдержанны, терпеливы, немногословны и невозмутимы в ситуации стресса), средним уровнем активности и средним уровнем экстраверсии (опрошенные склонны к общению с близкими и устойчивы в достижении цели, они избегают шумных компаний и непостоянных партнеров). В группе 2 доминируют специалисты с очень высоким темпом реакций на происходящие в профессиональной деятельности ситуации, высоким уровнем пластичности и экстраверсии (респонденты принимают нововведения достаточно спокойно и подходят к выполнению обязанностей творчески).

Полученное в результате выявления различий между специалистами по социальной работе с точки зрения показателя эмоциональной возбудимости эмпирическое значение $U_{\text{эмп}} = 8,0$ находится в зоне незначимости. Соответственно, можно сделать вывод о том, что статистические различия по показателю эмоциональной возбудимости между опрошенными, стремящимися к профессиональному росту, и специалистами, для которых карьерный рост не важен, отсутствуют.

В целях оценки уровня тревожности у специалистов по социальной работе была применена шкала явной тревожности для детей, адаптированная А. М. Прихожан. Результаты исследования отражены на рис. 5.

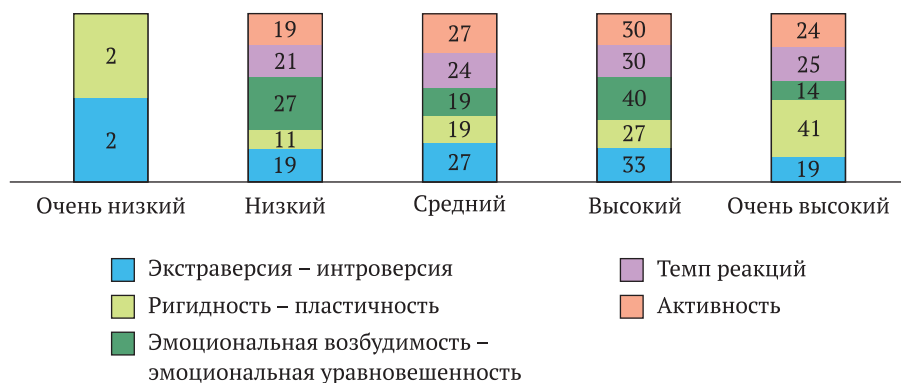

Рис. 3. Уровень эмоциональной возбудимости у специалистов по социальной работе в группе 1, %

Fig. 3. Level of emotional excitability among social work specialists in group 1, %

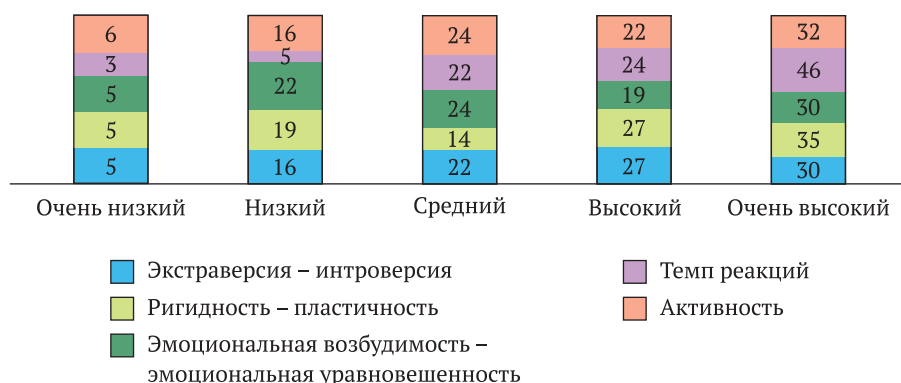

Рис. 4. Уровень эмоциональной возбудимости у специалистов по социальной работе в группе 2, %

Fig. 4. Level of emotional excitability among social work specialists in group 2, %

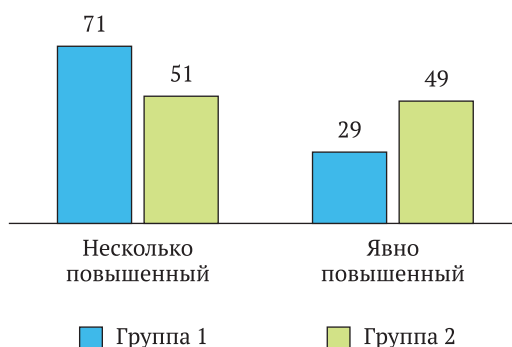

Рис. 5. Уровень тревожности у специалистов по социальной работе, %

Fig. 5. Level of anxiety among social work specialists, %

Установлено, что большинство специалистов по социальной работе, независимо от отношения к карьерному продвижению, имеют несколько повышенную тревожность. Такой уровень тревожности дестабилизирует их психоэмоциональное состояние в определенных ситуациях либо носит генерализированный характер.

Мотивационная структура личности специалистов по социальной работе была изучена с помощью методики диагностики мотивационной структуры личности В. Э. Мильмана. Полученные результаты представлены в табл. 1.

Проведенный статистический анализ показал, что существуют статистически значимые различия между специалистами по социальной работе с точки зрения мотивационной структуры личности. Респонденты из группы 1 имеют более высокие значения показателей мотивационной структуры личности, чем респон-

денты из группы 2. Наибольшая разница между среднегрупповыми значениями наблюдается по шкалам «творческая активность» (5,2 балла), «жизнеобеспечение» (4,8 балла) и «социальная полезность» (3,6 балла). Все это сказывается на стремлении специалистов к продвижению по карьерной лестнице. Оценка рабочей направленности респондентов из группы 2 указывает на их значительный творческий потенциал.

Таким образом, можно дать качественную характеристику личности специалистов по социальной работе. Люди данной профессии являются целеустремленными, но вместе с тем не имеют личной ответственности за реализацию своих планов. Они живут сегодняшним днем, однако в большей степени не удовлетворены своей настоящей жизнью. Такие специалисты убеждены в том, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и осуществлять их.

Таблица 1

Достоверные различия показателей мотивационной структуры личности специалистов по социальной работе по шкалам на основе U-критерия Манна – Уитни

Table 1

Significant differences of indicators of motivational structure of personality of social work specialists by scales on the basis of Mann – Whitney U-test

Шкала	Среднее значение, баллы		U-критерий Манна – Уитни ($U_{\text{эмп}}$)	Уровень значимости (p)
	Группа 1	Группа 2		
Жизнеобеспечение	9,0	4,2	101,5	$\leq 0,05$
Комфорт	5,8	2,8	181,5	$\leq 0,05$
Общая активность	6,2	5,2	618,0	$\leq 0,05$
Общение	9,6	7,6	658,5	$\leq 0,05$
Социальная полезность	9,6	6,0	40,0	$\leq 0,05$
Социальный статус	7,4	5,0	559,0	$\leq 0,05$
Творческая активность	8,2	3,0	55,0	$\leq 0,05$

Примечание. $U_{\text{крит}} = 912,0$ при $p \leq 0,05$.

Для выявления уровня эмпатии и уровня эмпатических способностей у специалистов по социальной работе была использована методика диагностики уровня эмпатических способностей В. В. Бойко. Полученные результаты отражены на рис. 6 и 7.

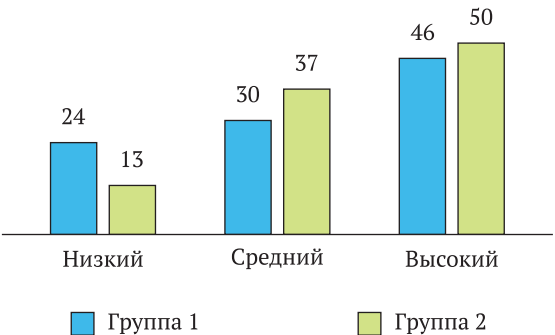

Рис. 6. Уровень эмпатии у специалистов по социальной работе, %

Fig. 6. Level of empathy among social work specialists, %

Проведенное исследование показало, что уровень эмпатии у специалистов из группы 1 значительно выше, чем у специалистов из группы 2. Кроме того, у респондентов из группы 1 наиболее выражены показатели следующих шкал: шкалы «интуитивный канал эмпатии», которая указывает на высокую способность специалистов понимать поведение людей в условиях нехватки объективной информации о них, опираясь на опыт, интуицию и не используя стереотипы; шкалы «идентификация в эмпатии», отражающей высокоразвитую способность респондентов понимать людей путем постановки себя на их место, а также способность к подражанию, легкость, подвижность и гибкость эмоций. У специалистов из группы 2 более выражены показатели шкалы «рациональный канал эмпатии», указывающей на их спонтанный интерес к бытийности людей и способность непредвзято выявлять их сущность, и шкалы «установки, способствующие или препятствующие эмпатии», которая отражает установки опрошенных, заключающиеся

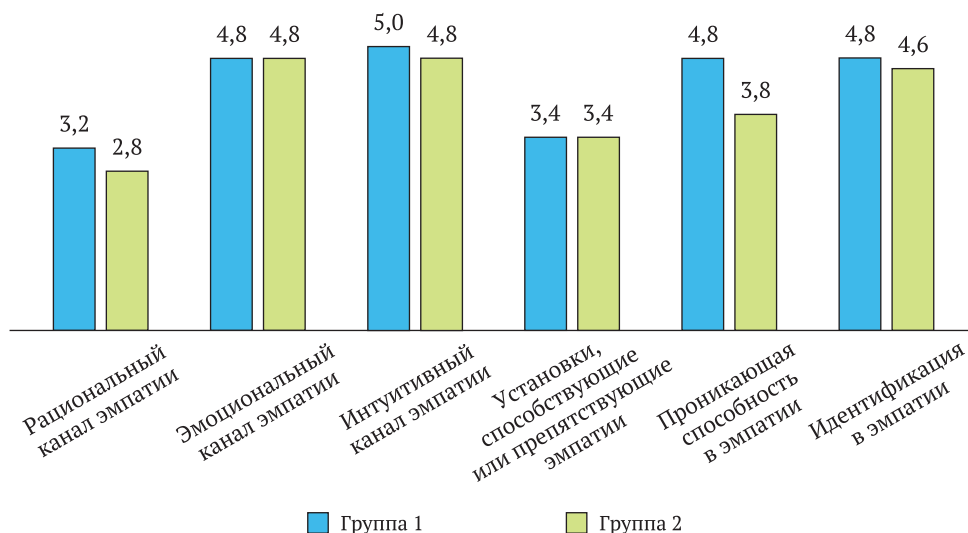

Рис. 7. Уровень эмпатических способностей у специалистов по социальной работе, баллы

Fig. 7. Level of empathic abilities among social work specialists, points

например, в избегании личных контактов, ограничении проявления любопытства к другой личности ввиду неуместности, спокойном отношении к проблемам людей. Показатели шкалы «эмоциональный канал эмпатии», указывающей на эмоциональную отзывчивость и способность опрошенных находиться на одной эмоциональной волне с окружающими –

сопереживать, соучаствовать и понимать внутренний мир, в двух группах являются одинаковыми.

Для оценки достоверных различий между специалистами по социальной работе с точки зрения эмпатических способностей применялся *U*-критерий Манна – Уитни. Результаты исследования представлены в табл. 2.

Таблица 2

Достоверные различия показателей эмпатических способностей специалистов по социальной работе по шкалам на основе *U*-критерия Манна – Уитни

Table 2

Significant differences of indicators of empathic abilities of social work specialists by scales on the basis of Mann – Whitney *U*-test

Шкала	Среднее значение, баллы		<i>U</i> -критерий Манна – Уитни ($U_{\text{эмп}}$)	Уровень значимости (p)
	Группа 1	Группа 2		
Рациональный канал эмпатии	3,2	2,8	65,0	$\leq 0,05$
Эмоциональный канал эмпатии	4,8	4,8	20,0	$\leq 0,05$
Интуитивный канал эмпатии	5,0	4,8	10,0	$\leq 0,05$
Установки, способствующие или препятствующие эмпатии	3,4	3,4	140,0	$\leq 0,05$
Проникающая способность в эмпатии	4,8	3,8	66,0	$\leq 0,05$
Идентификация в эмпатии	4,8	4,6	22,0	$\leq 0,05$

Примечание. $U_{\text{крит}} = 338,0$ при $p \leq 0,05$; $U_{\text{крит}} = 292,0$ при $p \leq 0,01$.

Проведенный анализ указывает на то, что уровень эмпатии выше у специалистов из группы 1. Кроме того, выявлено, что показатели шкал «интуитивный канал эмпатии», «проникающая способность в эмпатии» и «идентификация в эмпатии» более вы-

ражены в группе 1, а показатели шкал «рациональный канал эмпатии» и «установки, способствующие или препятствующие эмпатии» – в группе 2. Показатели шкалы «эмоциональный канал эмпатии» в исследуемых группах не отличаются.

Заключение

Личностные качества играют важную роль в достижении успеха социальными работниками. К качествам, способствующим карьерному росту специа-

листов, относятся эмоциональная отзывчивость, терпеливость, немногословность, воздержанность от гнева, невозмутимость в ситуации стресса, эмпатия,

умение слушать и понимать других, а также способность эффективно коммуницировать и устанавливать доверительные отношения с клиентами. Препятствующими карьерному росту качествами являются эгоистичность, ориентация на себя, склонность к соперничеству, подозрительность, ревность, тревожность, обидчивость, злопамятность и неуверенность в себе.

Результаты проведенного исследования указывают на то, что у специалистов, стремящихся к карьерному росту, достаточно высок уровень профессионального самосознания. Такие работники являются самоуверенными, компетентными в своей сфере деятельности, имеют профессиональный мотивационный профиль (для них ценны такие мотивы, как общая активность, творческая активность и общественная полезность), обладают способностью к самоуправлению (с преимущественным выражением показателей шкал «целеполагание» и «критерии оценки качества»), высокой степенью принятия со-

циальных норм и высоким уровнем субъективного контроля и коррекции, адекватно оценивают себя и свои профессионально важные качества. Также они готовы к постоянному обучению и развитию профессиональных навыков, чтобы быть на высоте в изменчивой и сложной сфере социальной работы.

Кроме того, специалисты, заинтересованные в карьерном росте, имеют высокий уровень эмоционального интеллекта, который состоит в эффективном управлении эмоциями и выборе верной реакции на эмоциональное состояние клиентов. Они способны сопереживать, соучаствовать, прогнозировать поведение людей в условиях нехватки информации, опираясь на опыт и интуицию, а также понимать других путем постановки себя на их место.

Специалисты по социальной работе, для которых карьерный рост не важен, обладают установками, способствующими или препятствующими эмпатии, а также спонтанным интересом к людям, позволяющим непредвзято выявлять их сущность.

Библиографические ссылки

1. Цариценцева ОП. Потенциал карьеры личности: структура и опыт диагностики. *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2017;4:17–26.
2. Дёмин АН, Седых АБ, Седых БР. Стандартизация методики измерения карьерного самоопределения. *Российский психологический журнал*. 2017;14(2):151–170.
3. Братусь БС. *Психологические аспекты нравственного развития личности*. Москва: Знание; 2003. 155 с. (Новое в жизни, науке, технике. Этика; № 6).
4. Шапиро СА. *Мотивация*. Москва: ГроссМедиа; 2008. 150 с.
5. Ремизова КА. Социально-психологические основы общения в социальной работе. *Вестник университета*. 2018;4:159–162.

References

1. Tsaritsentseva OP. [Personal career potential: structure and diagnostic experience]. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017;4:17–26. Russian.
2. Demin AN, Sedykh AB, Sedykh BR. Standardization of the technique for measuring career self-determination. *Russian Psychological Journal*. 2017;14(2):151–170. Russian.
3. Bratus' BS. *Psichologicheskie aspekty нравstvennogo razvitiya lichnosti* [Psychological aspects of moral development of personality]. Moscow: Znanie; 2003. 155 p. (Novoe v zhizni, nauke, tekhnike. Etika; no. 6). Russian.
4. Shapiro SA. *Motivatsiya* [Motivation]. Moscow: GrossMedia; 2008. 150 p. Russian.
5. Remizova KA. Socio-psychological basics of communication in social work. *Vestnik universiteta*. 2018;4:159–162. Russian.

Статья поступила в редколлегию 29.02.2024.
Received by editorial board 29.02.2024.

ВЛИЯНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ НА САМОЧУВСТВИЕ ЗДОРОВЫХ ЛЮДЕЙ

Е. Г. ШВАЙКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Изучено эмоциональное благополучие человека, которое, несмотря на сугубо субъективный характер, определяет его роль и участие в общественной жизни. Выдвинуто предположение о том, что снижение эмоционального фона может приводить к сокращению социальной активности индивида и развитию у него психосоматических расстройств, что, в свою очередь, чревато повышением риска временной нетрудоспособности и увеличением нагрузки на сферу здравоохранения. При исследовании учтены различные аспекты оценки субъективного благополучия, поскольку существует некоторая семантическая сложность в интерпретации понятия «эмоциональное благополучие». Проанализированы субъективное благополучие, эмоциональное состояние, самочувствие, самооценка здоровья и другие аспекты удовлетворенности жизнью у здоровых людей ($n = 113$), опрошенных по шести методикам. Выявлено, что существует взаимосвязь между субъективным благополучием и эмоциональным состоянием, удовлетворенностью социальным окружением и повседневной деятельностью, самочувствием и самооценкой здоровья.

Ключевые слова: эмоциональное благополучие; психологическое благополучие; субъективное благополучие; эмоциональное состояние; социальное окружение; удовлетворенность жизнью; самочувствие; боль; эмоциональный фон.

THE INFLUENCE OF EMOTIONAL WELL-BEING ON WELL-BEING OF HEALTHY PEOPLE

Y. G. SHVAIKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The emotional well-being of a person, which, despite its subjective character, determines his role and participation in public life, is studied. It is suggested that lowering in the emotional background can lead to a reduction in the social activity of an individual and the development of psychosomatic disorders, which, in turn, is fraught with an increased risk of temporary disability and an increased burden on health care. The study takes into account the multidimensional nature of the assessment of subjective well-being, since there is some semantic complexity in the interpretation of the concept of «emotional well-being». Subjective well-being, emotional state, well-being, self-assessment of health, and other aspects of life satisfaction of healthy people ($n = 113$) surveyed on six methodologies are analysed. It is revealed that there is a correlation between subjective well-being and emotional well-being, satisfaction with the social environment and daily activities, well-being, and self-assessment of health.

Keywords: emotional well-being; psychological well-being; subjective well-being; emotional state; social environment; life satisfaction; well-being; pain; emotional background.

Образец цитирования:

Швайко Е.Г. Влияние эмоционального благополучия на самочувствие здоровых людей. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2024;3:83–87.
EDN: XEYXJP

For citation:

Shvaiko YG. The influence of emotional well-being on well-being of healthy people. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2024;3:83–87. Russian.
EDN: XEYXJP

Автор:

Евгений Григорьевич Швайко – соискатель кафедры общей и медицинской психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат психологических наук, доцент Ю. Н. Фролова.

Author:

Yauhen G. Shvaiko, competitor at the department of general and clinical psychology, faculty of philosophy and social sciences.
yauhensh@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6726-3476>

Введение

Эмоциональное благополучие сопряжено со многими сферами жизнедеятельности человека. По мнению Р. М. Шамионова, различные социально-психологические аспекты удовлетворенности жизнью являются иерархически взаимоинтегрированными, т. е. влияют друг на друга, и создают условия эмоционального благополучия [1]. Тем не менее ученые отмечают семантическую неопределенность термина «эмоциональное благополучие» [1; 2]. Как правило, авторы придают сходный смысл понятиям «субъективное благополучие» [1; 3–6], «личное благополучие» [3; 7] и «психологическое благополучие» [6; 8; 9], при этом все попытки семантического анализа сводятся к определению оценки человеком собственного благополучия.

Субъективное благополучие также является достаточно сложным и многомерным понятием, которое охватывает все сферы жизни человека: сферу семейных отношений, социальную сферу (социальный статус, социальное окружение и контакты), материально-экономическую сферу (экономический статус, уровень жизни, профессиональную реализацию и др.) и духовную сферу (смыслжизненные ориентиры, уровень осознанности и ощущение полноты жизни, самооценку, психологические установки и др.). Интересно, что при оценке собственного благополучия человек часто придает наибольшую значимость негативным факторам, таким как потеря ориентира, усталость, разочарование и беспокойство о будущем [8]. Как правило, субъективную неудовлетворенность жизнью связывают с расхождением реального и идеального образов жизни, что обусловлено, по мнению Н. Н. Мельниковой, их качественными различиями. Реальный образ жизни в большей степени структурируется внешними (социокультурными) условиями, в то время как идеальный образ жизни основывается на внутренних (индивидуально-личностных) установках [8]. Таким образом, фактичность бытия человека не определяет его удовлетворенность, т. е. благополучие как таковое совершенно неравноценно субъективному благополучию. Если посмотреть на проблему удовлетворенности жизнью через призму смысложизненных ориентаций, то достижение человеком счастья становится возможным при реализации им своего предназначения, т. е. того, в чем он находит смысл жизни [4].

Зарубежные ученые [7] отмечают некоторые специфические факторы, влияющие на субъективное восприятие благополучия. Например, в зависимости от принятых социальных норм и культурных традиций к ним могут относиться вредные привычки (злоупотребление алкоголем, табакокурение), стоматологический статус, лишний вес или другие физические аспекты. Также румынские исследователи пришли к интересному выводу о том, что само по себе нарушение здоровья вовсе не напрямую влияет на восприятие человеком своего здоровья. Иными слова-

ми, наличия диагноза недостаточно, чтобы человек считал себя нездоровым. Парадоксальность заключается в том, что наличие проблем со здоровьем непременно учитывается человеком при оценке своего благополучия, однако не всегда приводит к плохому самочувствию и чувству неблагополучия, и наоборот: абсолютное здоровье совсем не обязательно означает хорошее самочувствие и субъективное благополучие [10].

Теоретическая модель структуры эмоционального благополучия, построенная Ю. Б. Григоровой [2] с опорой на интегральный подход, предполагает наличие общеэмоционального и дифференциально-оценочного компонентов эмоционального благополучия. Исследователь указывает на необходимость учета преобладающего эмоционального фона (чувства счастья, тревожности) и аффективного компонента удовлетворенности жизнью. Дифференциальная оценка эмоционального благополучия может рассматриваться в рамках гедонистического подхода, т. е. через аффективную оценку человеком своей жизни, или в рамках эвдемонистического подхода, т. е. через переоценку адаптивного потенциала.

Гедонистический подход имеет непосредственное отношение к когнитивно-бихевиоральной психологии [3], поскольку ориентируется на связь когнитивных установок человека о мире и аффективной оценке своего положения в нем. Указанный подход предполагает атрибутивный уровень, объединяющий познания индивида и его рефлексивные суждения, и аффективно-интерпретативный уровень, подразумевающий оценку человеком целесообразности и справедливости происходящих с ним событий. На основании данной оценки формируется понимание удовлетворенности жизнью и, соответственно, уровня эмоционального благополучия. Другими словами, человек не станет грустить от отсутствия того, о существовании чего он не знает или никогда не задумывался. Кроме того, в рамках гедонистического подхода большое значение имеют самовосприятие индивида и его самооценка, т. е. то, насколько он воспринимает фактические и желаемые события как соответствующие его внутренней оценке себя. Известно, что еще А. Маслоу выделял такие признаки здоровой личности, как способность радоваться жизни, полное принятие себя и окружающего мира, демократическая направленность взглядов и учет общественных интересов, беспристрастность и независимость, простота и непосредственность поведения [11].

Эвдемонистический подход основан на идеях гуманистической психологии. В рамках данного подхода благополучие человека усматривается в полноте его самореализации в конкретных условиях жизни [5], наличии у индивида ощущения ценности и смысла деятельности [6].

Несмотря на то что некоторые исследователи [8; 9] обсуждают детерминантность влияния образа жизни

на эмоциональное благополучие человека, существует мнение о ведущей роли человека в формировании условий своей жизни [1; 12–14]. Если рассматривать процессуальную сторону удовлетворенности жизнью в рамках динамики интеграции когнитивных и эмоционально-волевых установок [1], то внутреннее побуждение индивида к действию способно значительно влиять не только на его эмоциональное благополучие, но и на внешние аспекты его жизнедеятельности, начиная с отношений в социуме и заканчивая существенными изменениями в материально-экономической сфере жизни [15].

Таким образом, эмоциональное благополучие можно рассматривать не только как результат субъек-

тивной удовлетворенности соответствия фактических условий жизни человека его психологическим установкам по отношению к ней, но и как управляемое динамическое образование, подверженное трансформации, в том числе со стороны самого индивида. Эмоциональное благополучие индивида не обязательно должно быть детерминировано лишь субъективной удовлетворенностью жизнью, поскольку каждый человек через направленное действие, эмоционально-волевой контроль или с помощью когнитивно-поведенческой терапии способен оказывать влияние на свою жизнь, создавая предпосылки для улучшения эмоционального благополучия.

Материалы и методы исследования

В рамках исследования был проведен опрос жителей г. Минска, в результате чего с целью исключить искажение оценки субъективного благополучия под влиянием соматических заболеваний была отобрана группа здоровых людей, не находящихся на момент тестирования на амбулаторном или стационарном лечении. Выборку составили 113 человек: 54 мужчины в возрасте от 18 до 85 лет (средний возраст 35,7 года) и 59 женщин в возрасте от 18 до 73 лет (средний возраст 40,5 года).

Для анализа оценки человеком собственного благополучия использовалась шкала субъективного благополучия (*échelle pour l'évaluation subjective du bien-être*) А. Перруд-Бадю, Г. Мендельсона и Ж. Шиш в адаптации М. В. Соколовой [16], в которой высокие оценки показателя субъективного благополучия интерпретируются как свидетельство выраженного эмоционального дискомфорта, а низкие оценки этого показателя говорят о полном эмоциональном благополучии. В целях изучения структуры эмоционального фона была применена шкала дифференциальных эмоций (*differential emotions scale*) К. Изард в адаптации А. Б. Лео-

новой и М. С. Капицы¹, для определения эмоциональной чувствительности опрошенного, способности к дифференцированию эмоций и эмоциональной вовлеченности в обыденной жизни – торонтская шкала алекситимии (*Toronto alexithymia scale*) Г. Тейлора в адаптации сотрудников Научно-исследовательского психоневрологического института имени В. М. Бехтерева². Соматический статус респондента оценивался с помощью гиссенского опросника психосоматических жалоб (*der Giessener Beschwerdebogen*) в адаптации работников упомянутого института³, цифровой рейтинговой шкалы боли (*numeric rating scale*) У. Дауни [17], а также с помощью опросника боли Мак-Гилла (*McGill pain questionnaire*) в модификации В. В. Кузьменко, В. А. Фокина, Е. Л. Сокова и др. [17].

Статистические расчеты проводились с использованием программы *SPSS Statistics 17.0*. Нормальность распределения была проверена критерием Колмогорова – Смирнова. Поскольку для большинства показателей распределение отличалось от нормального, для поиска корреляционных взаимосвязей использовался коэффициент ранговой корреляции Кендалла.

Результаты и их обсуждение

В исследуемой выборке значимые половозрастные различия не обнаружены. В среднем у респондентов не отмечены выраженные болевые ощущения (показатель по рейтинговой шкале боли составляет $2,2 \pm 2$) балла, интенсивность боли по опроснику боли Мак-Гилла равна ($1,73 \pm 0,8$) балла), коэффициент самочувствия положительный (≥ 1), уровень алекситимии составляет ($63,27 \pm 12,6$) балла.

Субъективное благополучие опрошенных характеризуется средними значениями ($3,97 \pm 1,98$) стенона, что говорит об умеренном уровне благополучия, при котором серьезных проблем нет, но отсутствует и ощущение полного эмоционального комфорта. Субъективное благополучие коррелирует с призна-

ками основной психоэмоциональной симптоматики ($r = 0,556$; $p < 0,01$), значимостью социального окружения ($r = 0,559$; $p < 0,01$) и степенью удовлетворенности повседневной деятельностью ($r = 0,539$; $p < 0,01$). Менее выражено данный показатель коррелирует с самооценкой здоровья ($r = 0,474$; $p < 0,01$), наличием напряжения ($r = 0,449$; $p < 0,01$), изменчивостью настроения ($r = 0,494$; $p < 0,01$) и переживанием горя ($r = 0,366$; $p < 0,01$). В отрицательной степени субъективное благополучие коррелирует с переживанием радости ($r = -0,302$; $p < 0,01$).

Выявлена отрицательная корреляция самочувствия с индексом острых негативных эмоций ($r = -0,613$; $p < 0,01$), переживанием отвращения

¹Елисеев О. П. Практикум по психологии личности : учеб. для вузов. СПб. : Питер, 2003. С. 226–227.

²Практическая психодиагностика. Методики и тесты / сост. и ред. Д. Я. Райгородский. Самара : Бахрах, 1998. С. 163.

³Там же. С. 17.

($r = -0,510$; $p < 0,01$), горя ($r = -0,454$; $p < 0,01$), гнева ($r = -0,444$; $p < 0,01$), презрения ($r = -0,453$; $p < 0,01$), страха ($r = -0,410$; $p < 0,01$), а также с изменчивостью настроения ($r = -0,328$; $p < 0,01$). Положительная корреляция самочувствия наблюдается с переживанием радости ($r = 0,364$; $p < 0,01$).

В результате анализа установлено, что само по себе здоровье (самооценка здоровья ($r = 0,474$)) заботит здорового человека менее, чем его эмоциональное состояние (психоэмоциональная симптоматика ($r = 0,556$), изменчивость настроения ($r = 0,494$)), социальное окружение ($r = 0,559$) и самореализация (удовлетворенность повседневной деятельностью ($r = 0,539$)). Еще менее существенные показатели корреляции были выявлены у здоровых людей по конкретным психосоматическим жалобам: сердечно-сосудистой симптоматике ($r = 0,313$; $p < 0,01$), общей усталости и потере энергии (истощению ($r = 0,416$; $p < 0,01$)), интенсивности жалоб (давлению жалоб ($r = 0,342$; $p < 0,01$)). Следовательно, можно утверждать, что даже при наличии некоторых жалоб на

здоровье опрошенные больше значения придавали гедонистической направленности (общему эмоциональному фону) и эвдемонистической направленности (социальной и профессиональной самореализации).

Таким образом, было установлено, что субъективное благополучие респондентов связано с психоэмоциональным состоянием, удовлетворенностью социальным окружением и повседневной деятельностью, самооценкой здоровья, наличием и интенсивностью психосоматических жалоб. Соответственно, выявляется следующая взаимосвязь: на фоне негативных эмоциональных переживаний у человека ухудшается самочувствие, что может повлечь за собой психосоматические нарушения астенического характера; общая апатия и плохое настроение влияют на рабочую активность и общение с окружающими, в результате чего снижается уровень субъективного благополучия. Данные выводы подтверждают предположение о влиянии эмоционального фона на самочувствие индивида.

Заключение

В настоящем исследовании изучались здоровые люди с целью исключить искажение оценки субъективного благополучия под влиянием соматических заболеваний. Корреляционный анализ показал наличие взаимосвязи субъективного благополучия с эмоциональным состоянием, удовлетворенностью социальным окружением и повседневной деятельностью, самочувствием и самооценкой здоровья.

Полученные результаты позволяют судить о важности эмоционального благополучия для поддержания здоровья индивида, поскольку негативные эмоции могут сказываться на его самочувствии. Кроме того, для достижения высокого уровня субъективного благополучия человеку необходимо находиться в комфортной социальной среде и иметь профессиональную самореализацию.

Библиографические ссылки

1. Шамионов РМ. Критерии субъективного благополучия личности: социокультурная детерминация. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития*. 2015;4(3):213–218.
2. Григорова ЮБ. Структура эмоционального благополучия. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2019;8(1):331–334.
3. Меренкова ВС, Солодкова ОЕ. Исследование феномена «удовлетворенность жизнью». *Комплексные исследования детства*. 2020;2(1):4–13.
4. Берберян АС. Взаимосвязь смысловых ориентаций, жизнестойкости и субъективного благополучия. *Методология современной психологии*. 2020;12:5–13.
5. Тарасова ИЮ. Теоретический анализ понятия «субъективное благополучие» с позиции гедонистического и эвдемонистического подходов. *Вестник науки*. 2023;3(2):121–124.
6. Литвинова НЮ. Взаимосвязь эмоционального, субъективного и психологического в структуре феномена благополучия личности. *Мир науки, культуры, образования*. 2022;3:50–54.
7. Sfeatu R, Cernuşcă-Miţariu M, Ionescu C, Roman M, Cernuşcă-Miţariu S, Coldea Liliana, et al. The concept of well-being in relation to health and quality of life. *European Journal of Science and Theology*. 2014;10(4):123–128.
8. Мельникова НН. Образ жизни и его адаптивная функция. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология*. 2009;5:41–48.
9. Нестерова АА, Жучкова СМ. Факторная структура удовлетворенности жизнью в пожилом и старческом возрасте: социально-психологический подход. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки*. 2018;1:60–72. DOI: 10.18384/2310-7235-2018-1-60-72.
10. Vallerand RJ. The role of passion in sustainable psychological well-being. *Psychology of Well-Being: Theory, Research and Practice*. 2012;2(1):1–21. DOI: 10.1186/2211-1522-2-1.
11. Садыкова АЯ. Феномен самоактуализации А. Маслоу в современном мире. *Символ науки: международный научный журнал*. 2020;2:66–70.
12. Петров ИФ. Образ жизни человека как форма организации бытия. *Бюллетень науки и практики*. 2021;7(1):434–437. DOI: 10.33619/2414-2948/62/50.
13. Тожиддинова Л. Формирование эмоционального благополучия. *Science and Innovation*. 2022;1(7):544–546. DOI: 10.5281/zenodo.7255561.

14. Kuhfuß M, Maldei T, Hetmanek A, Baumann N. Somatic experiencing – effectiveness and key factors of a body-oriented trauma therapy: a scoping literature review. *European Journal of Psychotraumatology*. 2021;1:1–17. DOI: 10.1080/20008198.2021.1929023.
15. Blaž R. Three accounts of intrinsic motivation in economics: a pragmatic choice? *Journal of Economic Methodology*. 2022;2:124–139. DOI: 10.1080/1350178X.2021.1952291.
16. Духновский СВ. *Диагностика межличностных отношений*. Санкт-Петербург: Речь; 2010. 140 с.
17. Ильясова ДИ, Марченко АЮ, Казарцев ВВ. Опросник боли Мак-Гилла и шкала ВАШ как метод определения уровня болевого синдрома у пациентов после абдоминальных операций (лапароскопическая холецистэктомия). *Вестник Совета молодых ученых и специалистов Челябинской области*. 2017;3(2):36–39.

References

1. Shamionov RM. Criteria of subjective personal well-being: socio-cultural determinancy. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Educational Acmeology. Developmental Psychology*. 2015;4(3):213–218. Russian.
2. Grigorova YuB. Structure of emotional well-being. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*. 2019;8(1):331–334. Russian.
3. Merenkova VS, Solodkova OE. A study of the phenomenon of «life satisfaction». *Comprehensive Child Studies*. 2020;2(1):4–13. Russian.
4. Berberyan AS. [The relationship between meaning and life orientations, resilience and subjective well-being]. *Metodologiya sovremennoi psikhologii*. 2020;12:5–13. Russian.
5. Tarasova IU. Theoretical analysis of the concept of «subjective well-being» from the position of hedonistic and evde-monistic approaches. *Vestnik nauki*. 2023;3(2):121–124. Russian.
6. Litvinova NYu. The relationship of the emotional, subjective and psychological in the structure of the phenomenon of personal well-being. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*. 2022;3:50–54. Russian.
7. Sfeatcu R, Cernuşcă-Miţariu M, Ionescu C, Roman M, Cernuşcă-Miţariu S, Coldea Liliana, et al. The concept of well-being in relation to health and quality of life. *European Journal of Science and Theology*. 2014;10(4):123–128.
8. Melnikova NN. The way of life and its adaptive function. *Bulletin of South Ural State University. Series: Psychology*. 2009;5:41–48. Russian.
9. Nesterova AA, Zhuchkova SM. Factor structure of life satisfaction in elderly and old age: socio-psychological approach. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology*. 2018;1:60–72. Russian. DOI: 10.18384/2310-7235-2018-1-60-72.
10. Vallerand RJ. The role of passion in sustainable psychological well-being. *Psychology of Well-Being: Theory, Research and Practice*. 2012;2(1):1–21. DOI: 10.1186/2211-1522-2-1.
11. Sadykova AY. [The phenomenon of self-actualisation by A. Maslow in the modern world]. *Symbol of Science: International Scientific Journal*. 2020;2:66–70. Russian.
12. Petrov IF. Human way of life as a form of organization of being. *Bulletin of Science and Practice*. 2021;7(1):434–437. Russian. DOI: 10.33619/2414-2948/62/50.
13. Tozhiddinova L. Formation of emotional well-being. *Science and Innovation*. 2022;1(7):544–546. Russian. DOI: 10.5281/zenodo.7255561.
14. Kuhfuß M, Maldei T, Hetmanek A, Baumann N. Somatic experiencing – effectiveness and key factors of a body-oriented trauma therapy: a scoping literature review. *European Journal of Psychotraumatology*. 2021;1:1–17. DOI: 10.1080/20008198.2021.1929023.
15. Blaž R. Three accounts of intrinsic motivation in economics: a pragmatic choice? *Journal of Economic Methodology*. 2022;2:124–139. DOI: 10.1080/1350178X.2021.1952291.
16. Dukhnovskii SV. *Diagnostika mezhlchnostnykh otnoshenii* [Diagnosis of interpersonal relationships]. Saint Petersburg: Rech; 2010. 140 p. Russian.
17. Ilyasova DI, Marchenko AY, Kazartsev VV. Survey of Mak-Gilla patient and your scale as a method of determining the level of pain syndrome in patients after abdominal operations (laparoscopic cholectistectomy). *Bulletin of the Council of Young Scientists and Specialists of the Chelyabinsk Region*. 2017;3(2):36–39. Russian.

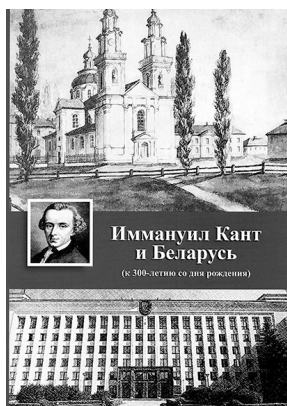
Статья поступила в редколлегию 14.02.2024.
Received by editorial board 14.02.2024.

РЕЦЕНЗИИ

BOOK REVIEWS

Румянцева Т. Г., Легчилин А. А., Дудчик А. Ю., Климович А. И. **Иммануил Кант и Беларусь (к 300-летию со дня рождения)**. Минск : Респ. ин-т высш. шк., 2024. 212 с.

Rumyantseva T. G., Liahchylin A. A., Dudchik A. Yu., Klimovich A. I. **Immanuel Kant and Belarus (to the 300th anniversary of his birth)**. Minsk : Natl. Inst. for High. Educ., 2024. 212 p. (in Russ.).

На факультете философии и социальных наук Белорусского государственного университета много лет ведется подготовка профессиональных философов. Преподаватели и студенты факультета постоянно совершенствуют свое мастерство, активно участвуя в различных форумах, что находит неизменную поддержку со стороны калининградских философов – их коллег из Академии Кантианы Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта. Так, 22–25 апреля 2024 г. в Калининграде состоялся Международный Кантовский конгресс «Мировое понятие философии», посвященный 300-летию со дня рождения И. Канта, – мероприятие, которое способствует укреплению авторитета философского знания в истории и культуре. В нем приняли участие белорусские ученые, в частности профессор Т. Г. Румянцева, выступившая с докладом «Восприятие и интерпретация идей Канта в Беларуси».

К празднованию данного события подготовлена книга Т. Г. Румянцевой, А. А. Легчилина, А. Ю. Дудчика и А. И. Климович. Она имеет несколько претенциозное название, что отметили и сами авторы. Вместе с тем издание вносит определенный вклад в разностороннее понимание сути кантианства как уникального явления мировой философии. В нем представлена рецепция идей И. Канта конкретными персоналиями, что дает возможность более полно описать сегмент

восточноевропейской кантианы. При причислении того или иного мыслителя к национальным авторам руководствовались географическим критерием: все, кто родились, писали и издавали свои философские сочинения на территории Беларуси, считались белорусскими философами. Подобная методология дает возможность осмыслить идеи И. Канта в ином культурном пространстве. Авторы исходили «...из аксиомы, что перевод... так же легитимен, как и оригинал. Так, например, если мы... ставим вопрос о том, как идеи И. Канта влияли на мыслителей нашего региона (Беларусь), то мы уже задаем жесткую интерпретационную рамку, что в итоге верно, но одновременно и односторонне. В данном случае просматривается только одна импликация, но не учитывается результат данного взаимодействия... <...> Благодаря этому в кантовской философии раскрывается широта и глубина... его ума и величия, а также тех мыслящих людей, которые следуют за ним» (с. 13).

Рецензируемая книга состоит из нескольких разделов. В первом разделе «Философия И. Канта и ее актуальность в XXI столетии» кратко представлены основные этапы творческой биографии немецкого философа. Кроме того, в нем отражен вклад И. Канта в мировую философию, включая современную.

Второй раздел «Рецепция идей И. Канта в интеллектуальной культуре Беларуси XIX – начала XX в.» имеет три части. В первой части «Виленское культурное пространство (первая половина XIX в.)» рассматривается интерпретация идей философа знаковыми мыслителями, осуществлявшими свою деятельность в пределах интеллектуального центра Вильно в первой половине XIX в. Во второй части «Полоцкое культурное пространство (первая половина XIX в.)» анализируются работы первой половины XIX в., написанные преимущественно членами Полоцкой иезуитской академии. В третьей части «Минское культурное пространство (вторая половина XIX в.)» представляются опубликованные во второй половине XIX в. фрагменты минских газет и журналов от светской до религиозно-философской направленности, в которых даются оценки философии И. Канта.

В третьем разделе «Интерпретация идейного наследия И. Канта в советской и постсоветской Беларуси (XX–XXI вв.)» проанализировано осмысление философии И. Канта в различные периоды развития белорусского общества: с 1920-х по начало 1940-х гг., с середины 1950-х по 1980-е гг. и с конца 1980-х гг. по настоящее время. Оценки творчества мыслителя показаны в контексте тех или иных социокультурных идеологем.

Интересным дополнением издания является приложение. В нем собраны ставшие библиографической редкостью фрагменты работ преимущественно «долгого XIX в.», в частности сочинений С. Маймона, Дж. Анджолини, Я. А. Снядцкого, В. Бучиньского, А. С. Довгирда, Ф. Бохвица, А. П. Аргамакова, М. О. Вержболовича, А. Д. Юрашкевича и Н. М. Минского, отражающие рецепцию идей И. Канта. Некоторые из них впервые переведены с латинского, польского языков на русский и белорусский языки или изданы в соответствии с правилами современной орфографии. Подборка этих фрагментов является плодом длительной исследовательской работы преподавателей и студентов кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета. Ранее неиз-

вестные тексты перечисленных мыслителей могут быть полезными для специалистов в области кантовских исследований, поскольку дают более полное представление об эволюции взглядов на понимание сути кантианских размышлений. Например, большой интерес вызывает работа представителей Полоцкой иезуитской академии, действующей в начале XIX в. в Северо-Западном крае Российской империи, или обнаруженный белорусскими учеными текст немецкого неокантианца Курда Лассвица, изданный в 1904 г. в Минске на русском языке, обстоятельства публикации которого требуют дальнейшего изучения.

В рассмотренной книге представлены разнообразные интерпретации идей И. Канта, соответствовавших духу времени и тем мировоззренческим установкам, которых придерживались авторы публикаций. Можно констатировать, что в различные исторические периоды восточноевропейская кантиана обладала специфическим характером. Данный факт делает ее востребованной для исследований и восприятия философии И. Канта в разных культурах.

*Н. А. Дмитриева*¹

¹Нина Анатольевна Дмитриева – доктор философских наук, член-корреспондент Австрийской академии наук, профессор; научный директор Академии Кантианы Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, профессор Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета.

Nina A. Dmitrieva, doctor of science (philosophy), corresponding member of the Austrian Academy of Sciences, full professor; scientific director of the Academia Kantiana, Immanuel Kant Baltic Federal University, professor at the Institute of Social Studies and Humanities, Moscow Pedagogical State University.

E-mail: nina.dmitri@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Рубанов А. В.</i> Мудрость Вольтера	4
<i>Тан Ю.</i> Феномен неомарксизма в Китае: этапы становления и концептуально-стилистические особенности	10
<i>Буйко Т. Н., У С.</i> Понятие тела в китайской и европейской традициях философствования: сравнительный анализ	17

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Колядко И. Н.</i> Цифровая трансформация общества и культуры: особенности формирования медиареальности	23
<i>Мозалевская Д. А.</i> Сетевая экономика в условиях цифровизации общества: подходы к определению и особенности развития	29

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ

<i>Кардаш А. М.</i> Процессуальный релайабилитизм и веритическая результативность	35
---	----

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Титаренко Л. Г., Гао Ц.</i> Влияние использования интернета на политическое участие: гендерный аспект	45
<i>Похомова А. А., Березюк Л. А.</i> Центры волонтерской деятельности в структуре воспитательной работы со студентами в Беларуси: социолого-правовой аспект	50

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Фофанова Г. А., Алексеева Е. А.</i> Самопрезентация как проблемное поле психологии: обзор классических и современных исследований	57
<i>Ксёнда О. Г., Богданович Д. В.</i> Тревожность и агрессивность у подростков из полных и неполных семей	66
<i>Дворецкая В. А.</i> Личностные качества специалистов по социальной работе с различным стремлением к карьерному росту	75
<i>Швайко Е. Г.</i> Влияние эмоционального благополучия на самочувствие здоровых людей	83

РЕЦЕНЗИИ

<i>Дмитриева Н. А.</i> Румянцева Т. Г., Легчилин А. А., Дудчик А. Ю., Климович А. И. Иммануил Кант и Беларусь (к 300-летию со дня рождения)	88
---	----

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>Rubanau A. V.</i> The wisdom of Voltaire	4
<i>Tang Yo.</i> Phenomenon of neo-Marxism in China: stages of formation and conceptual and stylistic features	10
<i>Bouiko T. N., Wu X.</i> The concept of the body in Chinese and European philosophical traditions: comparative analysis	17

SOCIAL PHILOSOPHY

<i>Kolyadko I. N.</i> Digital transformation of society and culture: features of the formation of media reality	23
<i>Mozalevskaya D. A.</i> Network economy in the context of digitalisation of society: approaches to definition and features of development	29

EPISTEMOLOGY

<i>Kardash A. M.</i> Process reliabilism and veritic effectiveness	35
--	----

SOCIAL RESEARCHES

<i>Titarenko L. G., Gao J.</i> Influence of Internet use on political participation: gender aspect.....	45
<i>Pokhomova A. A., Beraziuk L. A.</i> Volunteer activity centres in the structure of educational work with students in Belarus: socio-legal aspect	50

PSYCHOLOGICAL RESEARCHES

<i>Fofanova G. A., Aliakseyeva L. A.</i> Self-presentation as a problem field in psychology: review of classical and modern research	57
<i>Ksionda O. G., Bogdanovich D. V.</i> Anxiety and aggressiveness of adolescents from complete and single-parent families	66
<i>Dvoretskaya V. A.</i> Personal qualities of social work specialists with different aspirations for career growth	75
<i>Shvaiko Y. G.</i> The influence of emotional well-being on well-being of healthy people	83

BOOK REVIEWS

<i>Dmitrieva N. A., Rumyantseva T. G., Liahchylin A. A., Dudchik A. Yu., Klimovich A. I.</i> Immanuel Kant and Belarus (to the 300 th anniversary of his birth)	88
--	----

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по философским, психологическим и социологическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета.
Философия. Психология.
№ 3. 2024**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.

Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jpsychol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Философия. Психология»
издается с 2007 г.

До 2017 г. выходил под названием
«Философия и социальные науки»
(ISSN 2218-1385).

Редактор *М. Д. Баранова*
Технический редактор *Н. Ю. Окунеvec*
Корректоры *С. Р. Пинчук, П. А. Нгомека*

Подписано в печать 30.09.2024.
Тираж 50 экз. Заказ 885.

Республиканское унитарное предприятие
«СтройМедиаПроект».
ЛП № 02330/71 от 23.01.2014.
Ул. В. Хоружей, 13/61, 220123,
г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2024

**Journal
of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology.
No. 3. 2024**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.

Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.

Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jpsychol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy>

«Journal of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology»
published since 2007.

Until 2017 named
«Filosofiya i sotsial'nye nauki»
(ISSN 2218-1385).

Editor *M. D. Baranova*
Technical editor *N. Yu. Okunevets*
Proofreaders *S. R. Pinchuk, P. A. Ngomeka*

Signed print 30.09.2024.
Edition 50 copies. Order number 885.

Republic Unitary Enterprise
«StroiMediaProekt».
License for publishing No. 02330/71, 23 January, 2014.
13/61 V. Haruzhaj Str.,
Minsk 220123, Republic of Belarus.

© BSU, 2024